

1936

NOXC-GHALGHAJN YILMUNAŇ-TALLAMAN INSTITUT
ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ

ИЗВЕСТИЯ

Чечено-Ингушского

Научно-Исследовательского Института

ТОМ I (IV)

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

ГРОЗНЫЙ—1936

СОДЕРЖАНИЕ:

1. А. Авторханов . Революция национально-освободительного движения.
 2. М. Мамакаев . Правовой институт тайпизма и процесс его разложения.
 3. З. Мальсагов . . Очерк аккинского (ауховского) языка.
 4. Д. Мальсагов . О необходимости обозначения о, ъ, џ в ингушской письменности.
-

ИЗВЕСТИЯ

Чечено-Ингушского

Научно-Исследовательского Института

4825-36

ТОМ I (IV)

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

56055

Напечатано согласно постановления совета Чечено-Ингушского Научно-Исследовательского Института.

28 января, 14 сент., 1936 г., протоколы №№ 2, 7.

Директор С. АРСАНОВ.

С. АРСАНОВ
Редакторы: М. МАМАКАЕВ
А. АВТОРХАНОВ

Революция 1905 года в национальных областях Северного Кавказа.

I.

I. У ИСТОКОВ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

В бывшей Российской империи, в этой «тюрьме народов», национальный вопрос всегда имел исключительно важное значение в революционной борьбе русских рабочих и крестьян. Важность его определялась не только тем, что больше половины населения империи составляли так наз. «иностранцы», но и тем, что в лице этих трудящихся «иностранцев» русский пролетариат имел серьезнейшего союзника в своей освободительной борьбе.

Русский военно-феодальный империализм, наполнив «тюрьму народов» десятками экономически им разграбленными, политически бесправными и национально угнетенными «преступниками», всячески оберегал ее решетки от дуновения туда революционного ветерка. Более того, именно он является со времени Екатерины II международным жандармом, организатором и вдохновителем контрреволюционного Священного Союза, душителем польской независимости, кровавым палачом венгерской революции 1848 года, автором вечного «восточного вопроса» с его целой серией русско-турецких и русско-персидских войн и, наконец, сторожевым псом европейского империализма на Востоке. Понятно, каково должно быть положение поработанных народностей на родине у такого жандарма и пса.

«В России, — писал Ленин, — преобладает военный и феодальный империализм. Нигде в мире нет такого угнетения большинства населения страны, как в России — великороссы составляют только 43 проц. населения, т. е. менее половины, а все остальные бесправны как иностранцы...» *)

В этих условиях перед партией пролетариата, призванной историей руководить национальным и социальным освобождением этих народов, ставились исключительно трудные и сложные задачи. Выработка правильной тактики и программы в национальном вопросе, учитывая все своеобразие мозаичного национального переплета России, создание «организованного единства среди пролетариев различных национальностей, борющихся за свободу и социализм под игом одного и того же деспотического государства» (Ленин) в виде единой до конца революционной партии, — были необходимыми предпосылками для обеспечения условий действительного объединения всех угнетенных в борьбе против общего врага — царизма и эксплуататорских классов — русских и своих, национальных.

Это была далеко не легкая задача. Весь аппарат военно-феодального

*) Ленин. Собр. соч. т. XVIII, стр. 198, 3-е изд.

империализма был приучен с самого начала работать по принципу «разделяй и властвуй», которому он оставался верен до конца своей гибели. Русские и национальные Пуршкевичи делали все возможное, чтобы в крови межнациональных войн убить в зародыше всякое проявление освободительного движения, как в метрополии, так и в колониях: (Видея плоды работы черносотенцев в этом направлении — на Юге России (буржеские погромы), на Кавказе (армяно-татарская, осетино-ингушская резня).

Единственной, до конца революционной партией, которая в этих условиях взяла на себя не только разработку правильной революционной программы и тактики в национальном вопросе, но и взяла в свои руки знамя освобождения этих народов от всякого национального и социального гнета, была партия большевиков.

Маркс и Энгельс еще на заре рабочего движения в Европе указывали, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Позднее на примере народов Центральной и Восточной Европы и Ирландии они дали основные принципиальные установки в национально-колониальном вопросе, которых должен держаться революционный пролетариат, если он добивается действительного освобождения себя и вообще трудящихся метрополии — это полный разрыв с политикой господствующих классов в национально-колониальном вопросе и провозглашение в своей программе независимости угнетенных народностей. В письме к Кугельману от 29 ноября 1869 года Маркс писал: «Теперь дело только в том, чтобы вкоренить это убеждение в умы английского рабочего класса, — что он никогда не будет в состоянии сделать в самой Англии решительного шага вперед, пока не порвет окончательно с политикой господствующих классов в ирландском вопросе... И такой политики английский пролетариат должен держаться не из-за сочувствия к ирландцам, а потому, что она является необходимой с точки зрения его собственных интересов. Если это не будет сделано, то английский народ останется на помехах у господствующих классов потому, что он должен будет действовать вместе с ними против Ирландии» *).

В другом письме Маркс доказывал, что английские господствующие классы лишь благодаря своим грабёжам в Ирландии «поддерживают свое господство внутри самой Англии» **).

Также же были высказывания и Энгельса. В одном из своих писем к Марксу 24 октября 1869 года Энгельс писал: «От Ирландии до России лишь один шаг. На истории Ирландии можно наблюдать, какое несчастье для народа, если он покорил другой народ. Все английские свинства имеют свое начало в порабощении Ирландии» ***).

При этом Маркс и Энгельс, конечно, всегда видели подчиненное значение национального вопроса по сравнению с рабочим вопросом ****).

К ирландскому вопросу Маркс и Энгельс возвращались каждый раз, когда они обсуждали общие вопросы борьбы рабочего класса в Англии.

*) Маркс—Энгельс. „Письма“, стр. 247, 1931 г.

***) Там же, стр. 25.

***) Там же, стр. 244.

****) Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 460.

Гений Маркса и Энгельса еще тогда с исключительной ясностью видел великое значение выработки правильной тактики и программы рабочего класса в национально-колониальном вопросе, связь национально-колониального вопроса с вопросом революционной борьбы самого рабочего класса метрополии, обязанность рабочего класса и его революционной партии, в своих же собственных интересах поддержать и возглавить национально-освободительную борьбу угнетенных народов.

Нечего и говорить, что меньшевики, русские и международные, делали все возможное, чтобы похоронить и фальсифицировать и эту сторону революционного учения Маркса и Энгельса. Опять-таки только партия большевиков была единственной партией, которая не только возродила революционное учение Маркса и Энгельса в национально-колониальном вопросе, но и дала дальнейшую разработку и развитие марксизма и в национально-колониальном вопросе в известных трудах основоположников большевизма — трудах Ленина и Сталина. «Социалистические партии, — писал Ленин, — которые не докажут всей своей деятельностью и теперь, и во время революции, и после ее победы, что они освободят поработанные нации и построит отношения к ним на основе свободного союза, — а свободный союз есть живая фраза без свободы отделеная, — такие партии совершили бы измену по отношению к социализму» *).

«Ленинизм, — писал Сталин, — низвел национальный вопрос с высот шпроковещательных деклараций на землю, заявив, что декларации о «равенстве наций», не подкрепляемые со стороны пролетарских партий прямой поддержкой освободительной борьбы угнетенных народов, являются пустыми и фальшивыми декларациями. Тем самым вопрос об угнетенных нациях стал вопросом о поддержке, о помощи, действительной и постоянной помощи угнетенным нациям в их борьбе с империализмом за действительное равенство наций... Ленинизм доказал, а империалистическая война и революция в России подтвердили, что национальный вопрос может быть разрешен лишь в связи и на почве пролетарской революции» **).

В отличие от всех оппортунистов и реформистов вообще, большевики всегда рассматривали национальный вопрос в неразрывной связи с революционной перспективой, ибо большевики всегда были диалектиками и в постановке национального вопроса. Диалектика в национальном вопросе подчинялась и вытекала из диалектики самой русской революции. В этом отношении по Сталину постановка национального вопроса у большевиков имела две стадии. Дооктябрьская стадия, когда национальный вопрос рассматривался, как часть общего вопроса буржуазно-демократической революции, иначе говоря, как часть вопроса о диктатуре пролетариата и крестьянства. Такая постановка национального вопроса вытекала из самого характера и социального содержания предстоящей русской революции. В ленинском плане перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую национальный вопрос превратился в часть вопроса

*) Ленин. „Национально-колониальный вопрос“, стр. 76.

***) Сталин. „Марксизм и национально-колониальный вопрос“, стр. 145. 1934 г.

о пролетарской социалистической революции. Это — вторая, октябрьская стадия в постановке национального вопроса.

Всякое историческое исследование, посвященное истории революционной борьбы в национальных окраинах бывшей Российской империи, должно учитывать именно эту диалектику в постановке национального вопроса, связь самого национального вопроса с вопросом буржуазно-демократической революции до Октября, связь и подчиненность его вопросу пролетарской революции во время Октября. Тем более это нельзя забывать при изучении революции 1905 года в национальных районах и окраинах.

Ленин называл революцию 1905 года генеральной репетицией Октябрьской социалистической революции. Тем самым подчеркивалось величайшее историческое значение и важность ее уроков для дальнейшего высшего этапа — этапа пролетарской революции. При этом Ленин указывал, что в связи с революцией 1905 года «среди угнетенных народов вспыхнуло освободительное национальное движение» *) и что «в тогдашней России национально-освободительное движение поднималось в связи с рабочим движением» **).

Лишь руководствуясь этим указанием Ленина, можно правильно понять все своеобразие событий 1905 года в национальных районах. Русский пролетариат был гегемоном не только в революции 1905 г., но и в национально-освободительной борьбе угнетенных народностей бывшей Российской империи. Анализ исторических фактов и исторических событий 1905 года, хотя бы в масштабе национальных областей Северного Кавказа, целиком подтверждает это положение. Забегая вперед, здесь можно констатировать тот бесспорный факт, что революция 1905 года, национально-освободительное и крестьянское движение в национальных областях Сев. Кавказа развивались именно в связи с развитием революции в основных промышленных центрах России под ее непосредственным влиянием, под руководством ее гегемона — русского пролетариата. Отливы и приливы, поражения и победы, смена одних форм борьбы рабочего класса другими, переход к высшим формам революционной борьбы — к вооруженным восстаниям — через все эти этапы прошла революция 1905 года и в нац. областях Сев. Кавказа. Нельзя, конечно, утверждать, что здесь все повторялось и «копировалось». Наоборот, своеобразие политического и экономического развития Края, разная ступень социально-экономического развития у народов, населяющих его, а стало быть и различная ступень формирования общественных классов и глубины классовых противоречий внутри самих угнетенных народностей, различная связь эксплуататорских классов этих народов с господствующим классом метрополии и с аппаратом военно-полицейского режима царизма на Кавказе, — все это налагало свой отпечаток на развитие событий 1905 года на Северном Кавказе. Чтобы все это хорошо уяснить, а тем более правильно оценить, надо обратиться к предистории революции 1905 года в нац. областях Сев. Кавказа, т. е. к условиям и истокам национально-освободительного движения северо-кавказских народов.

*) Ленин. Собр. соч., т. XIX, стр. 354, 3 изд.

**) Там же, стр. 354.

В известных «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» тт. Сталина, Жданова и Кирова, являющихся развернутой программой для всего исторического фронта, именно и подчеркивается не только огромное значение, но и необходимость дать в исторических работах эти условия и истоки национально-освободительного движения и освобождения Великой Октябрьской социалистической революции, освобождения этих народов от национального гнета и создания СССР как братского союза народов бывшей Российской империи. «Этим именно и объясняется, что крестьянство представляет основную армию национального движения, что без крестьянской армии не бывает и не может быть мощного национального движения» *).

Поэтому нам необходимо остановиться на предшествовавшей национально-освободительной борьбе, на условиях и истоках этой борьбы у горских народов. Разумеется, мы можем это сделать для данной темы лишь в самых общих чертах.

Каковы эти условия и истоки?

В истории колониальной политики царизма проблема покорения и «умирствования» горских народов, оказалась наиболее трудной проблемой. Колониальные разбои, грабежи, военные экспедиции русского военно-феодалного империализма на Сев. Кавказе—с одной стороны, упорная и продолжительная борьба горцев за свою независимость — с другой, далеко не укладываются в хронологические рамки так называемой—официальной Кавказской войны, ибо, начиная уже со второй половины XVIII столетия, русский царизм ведет систематическую борьбу за покорение северо-кавказских народов.

Вообще говоря, небольшие, но специальные военные экспедиции против отдельных горских племен, налегают еще с начала XVIII столетия. Официальные источники указывают нам на ряд фактов о характере и масштабе этих первых столкновений военных экспедиций царизма с горами. Так, в одном из документов говорится, что 23 июля 1721 года отряд бригадира Ветерани имел столкновение в ущельях реки Койсу с чеченцами и эндерейцами, число которых доходило, по указанию этого документа, до 5—6 тысяч. «Стреляли и пулями так жестоко, указывается далее там, что несколько из российских войск было побито... Но полковник Наумов храбро отомстил. Побито драгун было не более 80, из неприятелей многие порублены, вся деревня разорена и превращена в пепел». **). Таково первое «знакомство» царских войск с горами.

Но пока такие столкновения в первой половине XVIII столетия все еще носят эпизодический характер, то этого никак нельзя сказать относительно второй половины этого столетия. Уже в 60-х годах XVIII столетия

*) Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 152

**) Бутков. «Материал для новой истории Кавказа», ч. 2, стр. 2
СПБ. 1869 г.

екатерининский генерал де-Медем одержал, правда, ценою больших человеческих жертв, некоторые видимые успехи по покорению закубанских черкесских племен. В 1770 году он двинулся на чеченские аулы. «Однако, — констатирует вышецитируемый нами автор, — сей первый поход против чеченцев, в коем употребленная умеренность не могла их принудить к повиновению, но поощряла только к вящим преступлениям и они отстали» *). Примерно таково же было положение их и среди других соседних горских племен.

Но нам здесь важно установить тот факт, что уже с 60-х годов XVIII столетия царизм начал на Сев. Кавказе вести активную колониальную политику по покорению горских народов, по пресловутому впоследствии принципу «разрушение и превращение в пепел горских аулов».

В 80-х годах колониальная политика Екатерины II на Сев. Кавказе имеет некоторые успехи и чисто колонизационного порядка. Чтобы закрепить эти успехи, Екатерина II раздает крупные участки горских «свободных» земель на кавказской линии русским помещикам — князю А. А. Вяземскому, князю А. А. Безбородко, графу А. Воронцову, графу П. Чернышеву и другим. С 1785 года царское правительство принимает более серьезные меры к заселению края колонистами, создавая на Тереке специальные военные поселения типа позднейших аракеевских, со всевозможными льготами для колонистов, вплоть до освобождения от государственных податей. Одновременно создаются на занятой территории военно-укрепленные пункты — крепости и редуты на Кавказской линии — Владикавказ (1784 г.), потемкинский редут при реке Тереке, Камбелейский при реке Камбелее, Григорьиполисский — в Малой Кабарде, а на правом берегу Кубани создаются укрепления: Преградный стан и Прочный окоп.

И именно только в этой связи, в связи с активизацией и начавшейся наступательной политикой царизма на Северном Кавказе, может быть и понято мощное народное движение за независимость горцев, начавшееся в 80-х годах XVIII столетия и известное под именем движение Мансура.

Это движение, которое официально началось с 1785 года и кончилось пленением Мансура 3 июня 1791 года в турецкой крепости Анапа, было первым и наиболее мощным движением горцев Сев. Кавказа за независимость. История движения Мансура полна ярких и героических эпизодов борьбы горского крестьянства за свою независимость против наседающего царизма. Сила и мощь этого движения определялась участием в нем почти всех горских племен Сев. Кавказа и северо-западного Дагестана и отчасти степных народов. Чеченцы, ингуши, кабардинцы, черкесы, лезгины, кумыки, калмыки, ногайцы, осетины, — все эти племена были охвачены движением Мансура. В этом отношении ни одно движение из национально-освободительной борьбы горцев в последующем, включая и движение Шамиля, не знало такого размаха, или мы сказали бы теперь — такого единого антиимпериалистического фронта всех горских племен и степных народов про-

*) Там же, стр. 301.

тив царизма, как это было во время мансурского движения. Поэтому самые решительные меры: не прекращающиеся военные экспедиции, беспощадное разорение и сожжение горских аулов, истребление их жителей и пленными войсками под предводительством генерала Потемкина в течение 6 лет не могли покончить с Мансуром.

При этом сила движения Мансура заключалась и в том, что его основную армию составляли крестьянские низы горских племен при активном содействии верхов.

Надо иметь в виду, что, если в Чечне и Ингушетии при отсутствии феодального строя, как социально-экономической формации, социальная дифференциация в XVIII ст. была относительно не так резка, то иное положение у соседних народов. У кумыкских и лезгинских племен точно так же, как у кабардинских и черкесских, мы имеем в середине XVIII ст. уже сложившийся феодальный строй с закрепощенным крестьянством. То же самое было и в Осетии, особенно в Дигории. Появление русских крепостников на Сев. Кавказе не только не привело к обезземеливанию и лишению своих феодальных прав национальных помещиков, но, напротив, царизм по-своему правильно учел обстановку и способствовал и поощрял дальнейшее развитие феодальных отношений в этих национальных районах. На этот счет имеются прямые указания Екатерины II, равно как и последующих русских императоров, предлагавших местным военачальникам не обижать и всеми мерами «приласкать» национальных феодалов. Как известно, эта политика «приласкания» национально-феодальных верхушек целиком оправдала себя. Национальный феодализм с самого начала борьбы горцев целиком поставил себя на службу русским крепостникам-колонизаторам. В движении Мансура это сказалось со всей ясностью. Исторические документы, приводимые официальными историками царизма на Кавказе (Бутков, Дубровин, Потто и др.) дают возможность нам сделать тот важнейший вывод, что движение Мансура было не только национально-освободительным движением против русского царизма, но в этом движении мы видим первое антикрепостническое выступление горских крестьян, особенно кабардинских, кумыкских и осетинских, направленных против собственных феодалов. И это понятно, если иметь в виду, что положение крепостных крестьян в этих районах было ничуть не лучше, а пожалуй и хуже положения русских крепостных крестьян. Алчный аппетит местных феодалов, например, в Кабарде доводил крестьян до того, что они даже готовы были переселиться в центр классического крепостничества — в Россию, лишь бы избавиться от своих феодалов. Несколько раз кабардинские крестьяне-уздене обращались к русскому начальству дать им либо такое разрешение на переселение, либо умерить аппетит местных феодалов. Яркую характеристику положения кабардинских крестьян дает Дубровин с их слов: даже дворяне кабардинские жаловались царским военачальникам на своих феодалов. Кабардинские уздене (дворяне) «писали. — сообщает Дубровин, — что князья в противность обычаям и законам захватывают у них баранов, быков и употребляют в пищу; что они берут лошадей и ездят на них, не спрашивая дозволения хозяйского, берут деньги взаймы под поручительство узденей и не отдают их, а заставляют платить поручителей; без разрешения хозяина входят в дом и, это-

брав от родителей хороших мальчиков и девочек, уводит в свой дома» *).

Так распоряжались местные феодалы не только имуществом, но и душами. Не трудно понять, каково должно было быть положение настоящих крепостных крестьян. Вот почему крепостные крестьяне и зависимые сословия Кабарды явились наиболее боеспособными силами движения Мансура. Вот почему «недовольные своими владельцами уздени и прочие народы радостью приняли Мансура, надеясь при его посредстве избавиться от деспотического правления своих князей» **).

Дубровин старается объяснить присоединение кабардинских крестьян к мансуровскому движению целиком именно этими внутренними причинами — гнетом кабардинских феодалов, отрицая за ними мотивы борьбы за национальную независимость. Внутренние причины (антикрепостническая борьба против собственных феодалов), конечно, важны и для крестьянства феодальной Кабарды в их участии в мансуровском движении, может быть, даже решающие.

Но мы должны иметь в виду то, что было указано выше, а именно: тесный союз, основанный на общности классовых интересов, между феодальными верхушками горцев и русскими крепостниками. В этом отношении горские феодалы, в том числе и кабардинские, действовали далеко не произвольно. Они были ставленниками, вассалами русских феодалов, и technique феодальных грабежей и крепостнической эксплуатации они учились у своих повелителей — русских крепостников, и, надо сказать, задолго до официального провозглашения «русского владычества» на Северном Кавказе. Уже брачный союз знаменитого опричника Ивана Грозного с кабардинской княжной было роковым предзнаменованием для кабардинского каракалка. Как это бывало часто в таких случаях, брак Грозного оказался и политическим браком с кабардинским княжеством. Во всяком случае царские эмиссары стали после этого частыми гостями кабардинских князей и совершенно не случайно, что именно Кабарда оказалась под властью русского царя раньше других горских народов.

Итак, начиная с 1785 года, движение, поднятое «алдынским пастухом» Мансуром, как его называют официальные документы, одерживает ряд побед над царскими войсками. Сначала районом движения является собственно Чечня (плоскостная), после почти поголовного уничтожения под Алдами известной в военной истории Кавказ экспедиции полковника Пьерри 6 июля 1785 г. (был убит сам Пьерри и около 500 человек «нижних чинов», не говоря уже о раненых) движение быстро распространяется сначала на дагестанские племена (кумыки и лезгины), потом на кабардинские и на степные (ногайцы, калмыки).

Дальнейшее движение Мансура отмечено рядом его военных успехов — успешная осада крепостей — Кизляр, Моздок, Григорополье и др. С 1787 г.

*) Н. Дубровин. «История войны и владычества русских на Кавказе» т. 2-й, стр. 6, СПб. 1886 г.

**) Там же, стр. 1-7.

центр движения Мансура перемещается за Кубань и оно (движение) опирается, главным образом, на черкесские племена и турецкие военные силы.

И с тех пор, как движение Мансура передвинулось на территорию черкесских племен, подвластных турецкому султану, оно идет на убыль. 22 июня 1791 года, после продолжительной и жестокой осады Чан-даншей турецкой крепости Анапы, которая явилась последним оплотением Мансура и его сил, Мансур был взят в плен царскими войсками *).

Но Мансур был потерян для горского освободительного движения с тех пор, как он перешел на турецкие земли. Здесь нет места говорить о всей ошибочности турецкого плана освобождения горцев. Сама по себе тактически правильная мысль воспользоваться противоречием и постоянными напряженными отношениями между царской Россией и Османской империей в борьбе горцев за независимость, эта мысль была понята Мансуром, как самоцель, как первооснова. Отсюда резкая перемена в ориентации Мансура, поворот от готовых продолжать борьбу горцев в сторону турок и как результат этого — перемещение центра движения с горских земель на турецкую территорию — за Кубань. Горская независимость, купленная на штыках турецких пашей, была бы зависимостью от турецкого султана или в лучшем случае — горские земли рисковали бы превратиться в своеобразную кавказскую Валахию и Молдавию, как вечные объекты попеременных грабежей русского императора и турецкого султана.

При чем, турецкий план Мансура обрекал горцев на полную пассивность в ожидании освобождения от «единоверцев», а по существу — от таких же феодалов и крепостников, как и русские колонизаторы.

Вот почему турецкий план освобождения горцев Мансура был порочным в самой своей основе. Кроме прочих внутренних причин (экономическое истощение, постоянный напор царских войск, предательство горских феодальных верхушек и т. д.), турецкий план Мансура сыграл не последнюю роль в отпадении от Мансура широких слоев горского крестьянства. В последнем счете жертвой своего нового плана пал и сам Мансур и нигде-нибудь в горах, а именно в турецкой крепости. Бывший алъинский пашух Мансур, знаменитый полководец горцев, и турецкий паша Мустафа оказались плененными вместе. Таковы были исторические контрасты.

Однако, несмотря на личные ошибки и недостатки самого руководителя, движение Мансура было подлинно национально-освободительным движением, первым, более или менее, организованным выступлением всех горцев Северного Кавказа против собственных феодалов, а сам Мансур — выходец из низов, безграмотный (он даже не знал и арабской грамоты, что очень редко случалось с горскими имамами), оказался талантливым руководителем этого движения. Падение Мансура все еще не было окончательным падением горской независимости. Борьба продолжалась.

*) По данным Буткова, со стороны царских войск в этой осаде было побито 912 чел. „ниж. чинов“ и 18 офицеров, а со стороны турок и Мансура — более 8 тыс. чел. (Бутков, цит. соч., стр. 239).

Следующий период борьбы горцев за независимость связан с именем известного генерала Ермолова. В апреле 1816 года генерал А. П. Ермолов назначается главнокомандующим войсками на Кавказе (титул таковому тогда еще не было, но он фактически был им) и получает лично от Александра I широкие полномочия для приведения в покорность кавказских племен.

Официальные историки, современники, как и позднейшие, зная период пребывания Ермолова на Кавказе как период «триумфальных побед» царского оружия, склонны видеть ермоловские успехи в провозглашенной им новой системе, нового стратегического плана по покорению горцев. Основной принцип этого плана был сформулирован самим Ермоловым в следующих словах: «Кавказ, — говорил Ермолов, — это огромная крепость, защищаемая многочисленным полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать его или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду» *).

Дело, конечно, не в том, что «прежняя система подкупа и задариваний в его руках сменилась системой строгих наказаний, мер суровых, доходящих до жестокости» **) и, что царизм был обязан своими успехами именно этой, якобы, новой системе. Ермолов никогда не отказывался ни от «задаривания», ни от «подкупа», когда это обещало иметь эффект, точно так же, как его предшественникам не была чужда «система строгих наказаний, мер суровых». Гудович, Глазенап, Булгаков, Портнягин, Ртищев делали то же самое, хотя и с меньшими успехами, что вполне объясняется исторической обстановкой, в которой каждый из них действовал и общим направлением колониальной политики царизма на Восточном и Северном Кавказе.

Надо помнить, что со второй половины XVIII столетия и до начала XIX ст., отнюдь не прекращая активной завоевательной политики на Сев. Кавказе, основное внимание царизма все-таки было обращено на покорение закавказских народов и лишь после покорения некоторых из этих народов (главн. образом Грузии) царские колонизаторы обращают серьезное внимание на покорение северо-кавказских народов в том числе и дагестанских. Такой поворот в политике царизма именно и совпал с назначением Ермолова. Помимо прочих причин, и в этом был секрет «ермоловских триумфов». Это, конечно, не означало, что таким образом закавказская проблема уже снята с порядка дня. Отнюдь нет. Во-первых, далеко не все закавказские народы были покорены (тюрки, племена армянского нагорья и т. д.), а во-вторых, одержанные здесь успехи не были закреплены. Поэтому, закавказская проблема, или, иными словами, проблема русско-персидских и русско-турецких войн, за полное владчество в Закавказье — продолжала занимать основное место в восточной политике царизма. Ни русско-турецкая война 1828—29 гг., давшая России Ахалцих, Карс, Эрзерум, ни русско-персидская война, закончившаяся заключением Туркманчайского мира 10 января 1828 года, давшая России лишь Эриванское ханство, но без Азербайджана, покорения которого так сильно добивался преемник Ермолова

*) В. Потто. «Кавказская война», т. II, вып. 1-й, стр. 16, СПб, 1867

**) Там же, стр. 15.

Паскевич, не разрешивших основных задач русского царизма на Кавказе. Царизм учитывал, что закавказский вопрос, как и вопрос о племенах Азиатской Турции — этот узел противоречий между Персией, Турцией и Россией на Востоке, продолжал не только существовать, но он со временем вообще рисковал превратиться в вопрос о судьбе русского владычества на Востоке. Было ясно, что с Турцией и Персией придется вести не одну войну, чтобы занести на военную карту закавказские ханства и турецкие крепости в Азиатской Турции, будучи уверены, что через несколько лет не придется их перечеркивать ввиду обратного «отложения». Но вести и впредь такие серьезные войны в Закавказье и Аз. Турции, имея в собственном тылу непокорные народы, было далеко не безопасно; причем, колонизация земель северокавказских горцев и их усмирение было не менее важной задачей, чем войны на турецких землях и Закавказье. Об этом говорил впоследствии Николай I в своем послании к Паскевичу. В этом отношении войны царизма (так наз. кавказская война) на Сев. Кавказе преследовали одновременно и стратегическую и колонизационную цель. Но такой поворот колониальной политики русского военно-феодалного империализма означал именно поворот, а не принципиальную новую тактику. Тактика и программа оставались старыми — это завоевание и колонизация Сев. Кавказа. Поворот был сделан лишь в сторону еще большей активизации «старой системы».

В связи с этим необходимо указать на некоторые ошибки Михаила Николаевича Покровского в трактовке вопросов о характере и направлении колониальной политики царизма на Сев. Кав. в его очерке «Завоевание Кавказа» *). Подробная критика всей ошибочной концепции Покровского в вопросах о колонизаторской политике царизма на Сев. Кавказе, отвлекла бы нас слишком далеко в сторону от данной темы (это может составить предмет отдельного рассмотрения), но указать по крайней мере на основные ошибки Покровского в этом вопросе и в разрезе данной темы, совершенно необходимо.

Прежде всего, с какого времени русский царизм ведет завоевательную политику по отношению к северо-кавказским народам? Этот вопрос отнюдь немаловажный и для правильной периодизации истории кавказских народов имеет серьезное значение. Михаил Николаевич Покровский на это отвечает так: «До начала XIX в. русское правительство держалось по отношению к горским племенам оборонительной тактики: этой системы действий отвечало устройство во второй половине позапрошлого века кавказской оборонительной линии, вдоль Кубани и Терека. На той же точке зрения относительно кавказских дел продолжало стоять правительство Александра I» **).

Это утверждение находится в полном противоречии с самими историческими фактами. Официальные историки вроде Дубровина утверждали то же самое. Более того, сам Ермолов говорил, что царизм ведет на Кавказе ак-

*) М. Н. Покровский «Дипломатия и войны царской России в XIX стол.», 1924 г.

**) М. Н. Покровский, указанное соч., стр. 202.

тивную завоевательную политику лишь с первой четверти XIX ст. *). Субъективизм Ермолова был вполне понятен — он вообще связывал завоевание Кавказа со своим именем и это его утверждение вполне вытекало из его такой позиции, а для официальных историков кавказской войны, версия об «оборонительной тактике» русского царизма в период покорения Кавказа, нужна была для доказательства того, что с этой стороны являлись горские племена и, что царизму из целей обороны пришлось завоевать и «умиротворить» Кавказ. Но для нас, изучающих историю по Ленину и Сталину, известно, какие цели преследовал русский царизм и капитализм в своей аннексионистско-колонизаторской политике. Если даже стать на точку зрения Покровского, то совершенно непонятно будет, почему эти северо-кавказские народы еще во второй половине XVIII столетия ведут в течение 6 лет очень активную национально-освободительную борьбу (движение Мансура) за свою национальную независимость, ибо, очевидно, что если русский царизм до начала XIX ст. держался и всерьез «оборонительной тактики», то он лишь оборонялся от горцев и не вел никакой завоевательной политики. В таком случае пришлось бы сказать, что наступательную политику против царизма вели горские племена, а царизм только наказывал «агрессора».

Другая, на наш взгляд, более серьезная ошибка Покровского заключается в отрицании колониационного характера кавказской войны. М. Н. Покровский пишет: «Война с горцами, кавказская война в тесном смысле — непосредственно вытекала из этих персидских походов: ее значение было чисто стратегическое, всего менее колониационное» **).

Покровский, искусственно разрывая задачи стратегические от задач колониационных русского царизма, по существу выставляет в данном случае антиленинский тезис. Еще в конце XIX столетия Ленин писал: «Экономическое «завоевание» его (Кавказа, А. А.) Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое, а вполне экономическое завоевание не закончено и поныне» ***). И на основе подробного анализа Ленин доказывал все «колониационное» значение для русского царизма и капитализма этого «экономического завоевания Кавказа».

Развивая свою мысль — мысль о том, что завоевание Кавказа, в частности Сев. Кавказа, имело менее всего колониационное значение, Покровский продолжает: «Свободные горские племена всегда угрожали русской армии, оперировавшей на берегах Аракса, отрезать ее от базы. С ними, пожалуй, не невозможно было бы столкнуться: Екатерина II твердо стояла на этой мысли и ее унаследовал от бабушки Александр I. Но предлагать такое решение, значило бы не понимать психологии военных людей, действовавших в Закавказье. Им, разумеется, казалось гораздо легче покорить этих «мошенников», нежели вести с ними какие-то переговоры, ува-

*) Сборник сведений о кавказских горцах. «Письма Ермолова» Махач Кала, 1927 г.

**) М. Н. Покровский. «Дипломатия и войны царской России в XIX ст.», стр. 179.

***) Ленин. «Развитие капитализма в России», стр. 463, 1931 г.

жать какие-то их права и обычаи» *). Это утверждение не соответствует исторической действительности.

Во-первых, военачальники «бабушки» (генерал Потемкин, ген. де-Медем и др.) вовсе не вели линии «столкований» с горцами, а при помощи самых настоящих военнофеодальных грабешей добывались **победа чеченцев**; во-вторых, посланник Александра I — Ермолов на деле **показал, что и Александр I не держался другой «мысли»**.

Однако, и в этих своих утверждениях, Покровский не был оригинален: он совершенно некритически воспринял «схему» официальных историков. В самом деле, вот что писал один из официальных историков кавказской войны В. Потто: «Рано или поздно приступить к сему необходимо, — цитирует он Ермолова по письму последнего к государю Александру I, — но сделать это теперь» (речь идет об «основательном умиротворении» северо-кавказских народов—А. А.).—Но в Петербурге,—продолжает от себя Потто,—смотрели на дело иначе. Там никак не могли себе уяснить, что такое затевается на Кавказе, почему там постоянное хищничество, и к чему поведут наступательные действия. Крутыми, энергичными мерами нового главнокомандующего тоже не были довольны, — и это тем более, что они шли **в разрез с мыслями самого государя, требовавшего кроткого обращения с соседями**. В столице считали полудиких горцев чем-то вроде воюющей державы, с которой можно было бы заключить мирный, выгодный договор и успокоиться. Но Ермолов, стоявший у самого дела, сознавал, что чеченцы вовсе не держава, а шайка разбойников» **).

Таким образом, как по Покровскому, так и по Потто, получается, что царские генералы действовали на Кавказе вопреки самим же «царским указов» и вопреки воле «российских императоров покоряли кавказские народы. Полная несостоятельность таких утверждений настолько очевидна, что едва ли приходится делать какие-либо серьезные возражения против них, тем более, что исторические факты целиком их опровергали.

Однако, вернемся к Ермолову.

В одном отношении историки Ермолова были безусловно правы, — вопреки утверждению самого Ермолова, что он штурм предпочитает осаду, на первом плане у него всегда «меры жестокие». В этом отношении Ермолов явился для горцев настоящим кавказским Драконом. Да и ермоловская осада в понимании самого ее автора была нечто похожее на штурм в нашем понимании. «Хочу, — говорит Ермолов, — чтобы имя мое стерегло страхом наши границы, крепче цепей и укреплений, чтобы слово мое было для азиатцев законом вернее неизбежной смерти... Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячу мусульман от измены» ***).

Или в другом специальном отношении к «чеченским аулам» на плоскости Ермолов писал: «Малейшее неповиновение, набег или грабеж на линии и ваши аулы будут разрушены, семейства распроданы в горы, аманаты повешены... В последнем случае (в случае причастности самого аула к на-

*) М. П. Покровский, цит. соч., стр. 180.

**) В. Потто, цит. соч., стр. 84.

***) Потто, цит. соч., стр. 15.

бегам. А. А.) деревня истребляется огнем, жен и детей вырезают...» «Лучше от Терека до Сунжи оставлю пустынные степи, нежели в тылу укрепления наших потерплю разбой» — так писал в официальном документе Ермолов. *)

Трудно привести хоть один документ Ермолова о горцах, чтобы был составлен в другом стиле. Но как показала дальнейшая история на Кавказе — это не были лишь пустые слова, рассчитанные на испуг горцев. Ермолов всегда был верен своим словам. Недаром он предлагал одному из своих помощников в Чечне ген. Грекову, чтобы последний научил чеченцев «верить нашему слову больше, чем Корану».

«В здешнем крае и добро надобно делать с насильными», — восклицал Ермолов в одном из своих писем. **).

Выше мы говорили, что назначение Ермолова совпало с поворотом в кавказской политике царизма в сторону северо-кавказских горцев. И Ермолов, призванный первый обеспечить успех этому повороту в деле окончательного покорения горцев, хорошо понимал свою задачу. «Государь, — писал Ермолов Александру I после своего прибытия на Кавказ, — внешней войны опасаться нельзя. Голова моя должна отвечать, если вина будет с нашей стороны. Но внутренняя опасность гораздо для нас опаснее. Горские народы, примером независимости своей в самых подданных вашего императорского величества порождает дух мятежный и любовь к независимости» ***).

Поэтому, считая сейчас наиболее важной задачей покорение горцев, он просил усилить кавказский корпус новыми военными силами, что и было, разумеется, сделано. Проведение своего плана Ермолов начал с Чечни.

К 1818 году Ермолов сумел вытеснить надтеречных чеченцев за Сунжу (аулы были просто разрушены, а оставшиеся в живых жители выселены). В том же году Ермолов заложил крепость Грозную, продолжив от нее линию укрепленных пунктов до самого Владикавказа. Эта цепь военных укреплений изолировала чеченцев от среднего Терека. Чтобы укрепить и нижний Терек и отрезать возможность соединения чеченцев с кумыками в случае восстания, в 1819 году Ермолов закладывает здесь около Эндерея новую крепость — Внезапную. Новая крепость закрывала чеченцам путь к дагестанцам и через Салатавские горы. При чем и эта крепость была соединена рядом укреплений с крепостью Грозной. Таким образом, Чечня оказалась и в самом деле осажденной крепостью, о которой говорил Ермолов, — между двумя параллелями одинаково страшными — между грозной линией крепостей от Осетии (Владикавказ) до Дагестана (Эндерея) и суровым Кавказским хребтом. Если иметь в виду, что за кумыками лежало уже покоренное шамхальство, а на западе за Владикавказом, новые укрепления у подошвы Военно-Грузинской дороги, — эти параллели замыкались с обоих концов. Так началась осада Чечни. Но осада скоро превратилась в настоя-

*) Потто, там же, стр. 94—95.

***) Сборник сведений о кавказских горцах, письма Ермолова

***) Потто, там же, стр. 19.

ний штурм при помощи многочисленных больших и малых военных экспедиций, правда, пока без ощутимых успехов. «Один из русских писателей, — пишет официальный историк кавказской войны, — выражая характер военных экспедиций в Чечню, прекрасно сказал, что «в Чечне только то место наше, где стоит отряд, а сдвинулся он и это место уже не занимает неприятель» *).

Это величайшее упорство народа в борьбе за свою независимость вывело из терпения Ермолова. После неудачных первых экспедиций в чеченские аулы, Ермолов, со свойственным ему цинизмом заявлял о народе, загнанном им, как зверь в железную клетку: «сего народа, конечно, нет под солнцем ни гнуснее, ни коварнее, ни преступнее» и потом с глубоким сокрушением недоумевал: «здесь даже и чумы не бывает». **).

Рядом новых мер (рубка лесов, прокладка дорог и т. д.) Ермолов добился внешнего признания своей власти в плоскостной Чечне. Потом начался штурм Дагестана. С самого начала 1818 года Дагестан находился в состоянии открытого восстания против Ермолова. Но Ермолов и здесь одержал в течение 1818 — 1819 и 1820 годов ряд побед — Метхулу, Табасаран, Каракайтаг, Акума, Кумыкское ханство, — были заняты ермоловскими войсками и приведены к присяге на верность русскому императору. С 1822 года, после усмирения Чечни и Дагестана, Ермолов занялся окончательным утверждением власти царского оружия в Кабарде. По примеру Чечни, в Кабарде воздвигаются новые крепости при выходах из горных ущелий и долинах рек Малки, Баксана, Чигема, Уруха, Нальчика. В отношении черкесских племен, считавшихся подданными Турции, Ермолов, несмотря на энергичные военные действия, ничего не мог сделать. Дальнейшая борьба рисковала превратиться в общую русско-турецкую войну. После длительной дипломатической переписки на этот счет между турками и царским правительством, Ермолов вынужден был отказаться пока от покорения их.

Таковы успехи Ермолова на Сев. Кавказе. Но эти успехи были весьма непрочны, а в некоторых районах и мнимы. При чем и их эффект был испорчен мощным освободительным восстанием в 1825 году, всыхнувшим одновременно в Чечне, Дагестане и Кабарде. Для подавления чечено-дагестанского восстания (в Герзель ауле) со специальным отрядом прибыл сам, вновь назначенный начальник Кавказской области (Северо-Кавказский край) генерал-лейтенант Лисаневич со своим помощником генерал-майором Грековым. Разумеется, восстание было подавлено самым жестоким образом, после чего началась не менее жестокая расправа над всеми причастными и не причастными (последних, конечно, было мало) к этому восстанию. Но организаторы подавления этого восстания сами тоже заплатились за свое варварство собственной кровью — генерал Лисаневич и Греков оба были убиты.

*) Потто, там же, стр. 69.

***) Дубровин. «История войны и владычества русских на Кавказе», т. VI, стр. 295, СПб., 1888.

29 марта 1827 года генерал Ермолов был отозван из Кавказа. Хотя Ермолов сам лично пострадал и оказался даже некоторое время в плену (его подозревали в сочувствии и даже связи с декабристами), но его военно-политической деятельностью на Кавказе крепостники-колонизаторы бесспорно были довольны. Подводя общий итог деятельности Ермолова на Кавказе, Дубровин пишет: «В память десятилетнего управления Эрмоловым оставил горцам ужас к своему имени не жестокостями (?)... а беспрерывными победами, проложением просек, разорением аулов и стеснением их территорий. Чеченцы, кабардинцы, лезгини и прочие племена ни приком не имели столько поражений, сколько при Ермолове. Вместо прежней системы кротости и доверия, которым всегда горцы пользовались к нашему вреду, он употреблял более действительные средства, служившие к обессилению неукротимых полудиких и своевольных народов...»).

Однако, как блистательны не были успехи Ермолова, горцы все еще не были окончательно покорены. В этом отношении его преемнику Паскевичу предстояла большая работа. Об объеме и характере этой работы красочно говорит директива самого нового императора Николая I вновь назначенному командующему Кавказской армией Паскевичу. «Кончив, таким образом, одно славное дело, — писал Николай Паскевичу по поводу покорения последних племен Армянского нагорья, — предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз, гораздо важнейшее, — **усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных**». **) Уже само по себе это послание говорило о том, насколько мнимыми оказались «блистательные победы» Ермолова на Кавказе. Так и было. Чечено-дагестанские и кабардинские восстания 1825 года оказались лишь прелюдией к назревавшему более мощному, более широкому и в военно-политическом отношении более организованному выступлению горцев Восточного Кавказа — чеченцев и дагестанцев. Этот новый этап национально-освободительной борьбы горцев принято называть периодом кавказского мюридизма. ***). Последовательными руководителями этого нового этапа национально-освободительного движения горцев явились Курал-Магама (с 1823 г.), его официальный преемник Казн-Мудла (убит в 1832 г.), Гамзат-Бек, а после его убийства (дагестанскими шамхалами) знаменитый Шамиль (с 1834 г.). Период борьбы горцев под руководством Шамиля — этот

*) Дубровин, там же, стр. 743.

**) Покровский, цит соч., стр. 195.

***) Этот термин, пущенный в ход официальной историографией великодержавников, перенесен и в марксистскую историческую литературу. Для великодержавников термин «мюридизм» служил основанием для цельной исторической концепции, утверждающей, что в основе национально-освободительной борьбы горцев, начавшейся с 20-х годов XIX ст., лежал взрыв религиозного возмущения и религиозного фанатизма, а не мотивы национально-освободит. борьбы, ибо в глазах колонизаторов горцам была чужда идея всякой государственности до их покорения паризмом. Мюридизм, как форма организации горцев и знамя борьбы, являлся лишь религиозной оболочкой самого движения, а отнюдь не его содержанием. Такая религиозная оболочка, вообще говоря, была свойственна ранним крестьянским движениям и у других народов (см. Энгельс «Крестьянская война в Германии»).

высший этап в горском освободительном движении в XIX столетии, для своего, хотя бы общего освещения, потребовал бы много места и времени. Эта тема, почти не затронутая марксистской историографией, но на которую написана целая гора книг великодержавниками, заслуживает отдельного рассмотрения. Для нашей цели достаточно отметить, что вся Чеченская война ба горцев, под руководством Шамиля, полна самыми яркими страницами в горском освободительном движении против русского военно-феодалного империализма. Четверть века отборные военные силы на Кавказе, действовавшие при полной поддержке и в тесном союзе с господствующими классами горцев, не могли привести их к покорности. Старая и вечно новая система покорения горцев — постоянные разрушения и сожжения горских аулов, захват и конфискация имущества и скота, беспощадное истребление наиболее активной части населения, обречение других на постепенное, но неизбежное физическое вымирание в бесплодных горах (еще Ермолов требовал брать горцев «измором, голодом»), — эта система, опирающаяся на мощь и силу господствующих классов в России, должна была привести, в конце-концов, к трагическому, для горцев, финалу, — к окончательному падению их независимости. Результаты этой системы начались сказываться еще задолго до официального падения военно-политического государства Шамиля. В отношении только Малой Чечни эти результаты сказались — по признанию, опять-таки, официального историка — в том, что «население Малой Чечни 1827 года уменьшилось слишком вдвое, а с 1840 года почти вчетверо» *). Пленение Шамиля князем Барятинским в Гунибе 1859 года было лишь логическим концом всего предшествовавшего процесса. Продолжавшие отстаивать свою независимость черкесские племена тоже вынуждены были сдать через пять лет. Их покорили в 1864 г.

Вот с этих пор горцы превратились (официально и фактически) в подданных русского императора. Но каких трудов, бесконечных «планов», обильной крови стоило даже для такой военно-феодалной машины, как царизм, это подданство.

А. Берже, который будучи русским официальным чиновником на Кавказе и описывая свой труд, замечает по этому поводу: «1859 год ознаменовался на Кавказе событиями, которых не могли предсказать самые смелые ожидания, — событиями, которые со временем должны составить блистательнейшие страницы военной истории Кавказа. Они положили предел ожесточенной борьбе, длившейся слишком полвека и стоившей России непрерывных трудов и много крови славным ее воинам, покорявшим шаг за шагом в продолжении долгого периода времени неприступные доселе горы и ущелья Чечни и Дагестана **).

Однако, «предел ожесточенной борьбе» все-таки положен не был. «Горы и ущелья», правда, были покорены, но горцы продолжали борьбу за национальное освобождение. Будучи в качестве официальных подданных, они представляли царизму не меньшую угрозу «спокойствию края», чем до это-

*) А. Берже. «Чечня и чеченцы», стр. 26. Тифлис, 1859 г.

**). А. Берже, там же, стр. 5.

го. Чисто военные успехи без их закрепления мерами внутреннего порядка, далеко не гарантировали этого желанного спокойствия. Иными словами, после покорения предстояла целая полоса «замирения». И эта вторая часть колониальной политики царизма представляла из себя не менее трудную задачу. Никто-нибудь другой, а сам покоритель горцев князь Барятинский писал великому князю наместнику Кавказа: «Для полного замирения и расселения нужно, чтобы после покорения его прошел, по крайней мере, 20-летний период совершенно мирной жизни, в продолжении которого горские общества не имели бы ни средств, ни побудительной причины к восстанию и, что на управление горцами следует смотреть до того, как на продолжение их покорения и считать необходимым для того расходы издержками кавказской войны» *).

Настолько непрочным казалось покорение горцев самому покорителю, и он был прав. Через каких-нибудь 6 лет в 1865 году кавказской администрации пришлось от доброй доли своих наиболее беспокойных «верноподданных» и вовсе отказаться — 5 тыс. семейств (около 23 тыс. чел.) из Чечни было насильно выселено в Турцию. Их земли были разделены между парскими колонизаторами и их чеченскими вассалами.

Подводя итоги борьбы горцев за свою независимость, необходимо особенно подчеркнуть ту роль, которую сыграли в деле их окончательного порабощения русским царизмом горские эксплуататорские классы — бековско-ханской группы в Дагестане, кабардинские шии и осетинские бадияте (помещики), феодализирующиеся элементы и формирующаяся всенно-чиновничья знать в Чечне и Ингушетии. Мы в самом начале подчеркивали ту положительную политику, которую вели еще первые колонизаторы на Северном Кавказе в отношении этих социальных верхов горского населения. Даже Ермолов, который в Закавказье держался в основном линии замены ханских верхушек, бывших вассалов персидского шаха, своими новыми ставленниками, здесь на Северном Кавказе не только проводил старую традиционную политику, но и сам способствовал во многом быстрому укреплению экономического и политического влияния этих групп (конечно, под своим бдительным руководством) и созданию их там, где они были лишь в зачатке. Расчет в этом отношении был прост — создавать в их лице социальную опору царизма в горской массе. И этот расчет целиком себя оправдал. Тесный союз колонизаторов с этими группами, полная поддержка последними царизма, сыграли не последнюю роль в падении горской независимости. Горскому труженнику приходилось обороняться не только от натиска царских вооруженных сил, но нести не менее ожесточенную борьбу против врагов в собственном лагере. Классовая борьба в горском ауле приняла самые разкие формы (Кабарда, Осетия и Ингушетия). Таково же было положение и на территории самого Имамата Шамхала (Чечня и Дагестан). Шамхал, пришедший ко власти, к созданию своей государственной системы, под знаменем широкого демократического движения, при беспощадном подавлении бековско-ханских групп в Дагестане и

* С. Эсадзе. «Историческая записка об управлении Кавказом», т II, стр. 77. Тифлис, 1907 год, (разрядка автора. А. А.)

Чечне, сам стал создавать институт собственной новой аристократии. Широкая раздача земель своим наибам, наделение их стадом скота, конфискованного у беков и ханов, предоставление им хозяйственных льгот и преимуществ в пользовании землей в отличие от горского крестьянства фактически и юридически превращали наибов в новую аристократию (от которой теперь не только политически (как гражданских и военных начальников), но и экономически (как собственников земли и скота) — за исключением широкие массы горского крестьянства. Дальнейший процесс тоже шел в этом направлении, лишь все более углубляясь с каждым днем.

Имамат стал органом классового господства этих новых социальных верхушек горцев.

Этот резкий процесс классовой дифференциации в горском ауле сопровождается неоднократно выступлениями крестьян против новых эксплуататоров. История имамата знает не одно такое вооруженное восстание крестьян в Чечне и Дагестане. Разумеется, шамилевские наибы их подавляли со всей суровостью. Внутренняя история имамата в этом отношении совершенно не изучена, но и тот материал, который имеется в нашем распоряжении, целиком подтверждает вышесказанное. Вот вторая, не менее важная причина того, почему трудящиеся горцы не проявили в решающие дни судьбы имамата былого героизма и единодушия в его защите. Готовые защитить всеми силами свою независимость, горские крестьяне не проявили этого усердия в деле защиты имамата наибов.

Однако, 1859 год — официальный конец войны за покорение горцев, не был концом их борьбы за независимость. Едва прошел год, как царским войскам пришлось подавить широкое вооруженное восстание горцев в горной Чечне, в котором приняли участие не только чеченцы, но и ингуши и осетины. То было аргунское восстание 1861 года под руководством Ума Дуева-Дзумсоевского. После кровавого подавления этого восстания уже казалось, что горцы навсегда «умиротворены».

Действительно, после этого прошло 16 лет относительного «спокойствия» в горах. Но вот 1877 год явился годом крупнейших вооруженных восстаний одновременно в Чечне и Дагестане. Это был период, как известно, русско-турецкой войны.

Официальные историки *) ставили эти восстания в непосредственную связь с этой войной. Они приписывали эти восстания делу рук турецких эмиссаров. Не будем сейчас разбирать вопрос, насколько верна такая версия, тем более, что ни эта сторона восстания 1877 года, ни его вообще собственная история, не изучена.

Вообще говоря, косвенная связь и влияние русско-турецкой войны на это восстание не приходится отрицать. Периоды войн России с Турцией всегда являлись периодами, наиболее благоприятными для успехов горцев и, как правило, горцы всегда активизировались именно в такие периоды. В данном случае вождь восстания 1877 года в Чечне Алибек Алдамов лишь накануне военных действий между Турцией и Россией вернулся из Мекки, проделав ²/₃ своего путешествия через территорию Османской им-

*) А. С. «Восстание 1877 года в Чечне», С.-Петербург.

перии. Вполне возможно, что он был осведомлен о турецком плане войны и турки в собственных интересах могли ему советовать начать восстание горцев именно тогда, когда верооятность русско-турецкой войны станет реальностью. Но в ходе восстания мы не видим ни непосредственной помощи, ни агитации турецких эмиссаров. По крайней мере русские начальники в своих донесениях об этом ничего не говорят.

Чеченское восстание началось почти одновременно в Веденском и Аргунском округах—в июле 1877 года. Мы имеем очень интересный, еще не опубликованный материал о ходе и подавлении этого восстания. Не располагая местом, чтобы подробно останавливаться на нем, сошлемся на некоторые выдержки из этого материала, чтобы показать методы колониальной политики царизма уже среди покоренных им народов. В августе восстание в Ичкерии (так назывался тогда нынешний Ножай-Юртовский район Чечни) охватило наиболее крупные пункты. Силы восставших с каждым днем росли. Поэтому командующий войсками Терской области генерал-адъютант Свиштунов перебрасывает туда крупные военные силы в составе нескольких самостоятельных отрядов под общим руководством генерала Смекалова. 15 августа 1877 года в письме к этому Смекалову, Свиштунов пишет: «...не могу не порадоваться, что крепко бьете восставших. Положение ваше, знаю, очень трудно, но, ради бога, двигайтесь хоть понемножку вперед, **беспощадно уничтожая перед собой все и всех**. Чем строже, тем лучше». Указывая, что новые военные силы прибывают на помощь Смекалову, Свиштунов заключает: «как видите, силы все будут прибывать, только без сомнения **носите, бейте и вешайте беспощадно**». *). Но главный начальник всех войск в Ичкерии (официальный военный титул) генерал Смекалов не оставался в долгу. В письме от 17 августа 1877 года он сообщает Свиштунову, что «сегодня уничтожены аулы Тезень-Кала, Верхний и Нижний Ножи и истреблены хлеба насколько было возможно. Так как приходилось выжигать огромные пространства, то колонна была выслана в составе одного апшеронского батальона, взвода артиллерии, сотни казаков и 300 пеших тавлинцев» **).

Однако, все эти меры приводят пока лишь к расширению территории восстания. К Алибекку присоединяются новые аулы. В отношении этих аулов Свиштунов дает установку своему помощнику в Ичкерии: «Ножай-юрт, Чанти-Мохк, Базан-су, Сауро, Бети-мохк или привести к покорности или уничтожить..., а Беной же и Зандак надо поголовно выселить в Сибирь или если эти подлецы не пожелают, выморозить всех зимой, как тараканов и уничтожить голодом... Зандакских аманатов***), которых я прошу выслать всех в отдаленные губернии, пришлите сюда, как только можно будет им назначить надежный койвой. При этом вести не со связанными, а буквально-

*) Орджоникидзе, военно-исторический архив Осетинского института, фонд походного шт. войск Терской обл., д. № 2883, л. 38.—Материалы систематизированы аспирантом московского историко-архивного института Логиновым под руководством Г. Кокиева.

**) Там же, д. № 2883, л. 68—69.

***) Заложников.

по со скрученными назад спиными руками так, чтобы ладонь левой приходилась и была бы привязана к самому плечу правой и наоборот. В дороге перевязывать ни под каким предлогом и в случае малейшего сопротивления одного, немедленно перебить всех. Прибавить должен: очень желал бы, чтобы именно последнее и случилось. Генерал-адъютант Свистунов 5) 11

Ровно 50 лет прошло с тех пор, как Ермолов покинул Кавказ (1817 г.) и его даже давно не было в живых, но над живым Свистуновым довели все его методы: «уничтожение, сожжение, голод», лишь усовершенствованные Свистуновым до акробатических тонкостей в роде предлагаемой им процедуры «скручивания рук». Но зато очень многие изменения произошли внутри Чечни. Классовое расслоение и классовая борьба в горском ауле все больше обострились. В отличие от всех предыдущих выступлений в восстании, руководимом Алибеком Алдамовым и Ума Дуевым-Дзумсоевским (последний, как указано, руководил и восстанием 1861 г.), движущей силой выступила горская беднота. Чеченские землевладельческие, кулацкие, торговые элементы и военно-чиновничья знать с самого начала восстания перешли в лагерь Свистуновых. Не случайно, что активным громителем чеченского восстания 1877 года, действуя и прямыми военными грабежами и дипломатическими переговорами с «почетными горцами», явился чеченец генерал-майор Арцу-Чермоев, отец того самого Топа-Чермоева, который во время гражданской войны был вождем и вдохновителем горской контрреволюции на Северном Кавказе и президентом горской контрреволюционной республики. Генерал Чермоев был не исключением, а представителем и руководителем формирующейся военно-землевладельческой знати Чечни. Духовные феодалы — представители чеченского реакционного духовенства были на стороне этой группы. Хорошо зная, что через духовных лиц легче воздействовать на умы горцев, Свистуновы и Чермоевы вели усиленную агитацию через мулл по разложению сил восставших. Очень показателен в этой связи факт казни Алибеком одного из мулл (чечель-ховского) за явную агитацию среди восставших о прекращении восстания и дискредитацию цели восстания. Официальный документ — письмо гл. начальника всех отрядов в Ичкерии, — не касаясь подробной роли духовенства, однако констатирует этот факт: «...кроме того, Алибек казнил одного чеченского муллу за то, что тот порицал его действия» **).

Вот, опираясь на эту верхушку, войска Свистунова к декабрю 1877 года сумели подавить восстание. После шестимесячной упорной борьбы восставших, отстаивавших каждую пядь своей земли, каждую саклю в своем ауле, восстание было подавлено, а главари восстания захвачены. Распоряжением главнокомандующего Кавказской армией великого князя 19 декабря 1877 года в Терской области был учрежден временный военно-полевой суд, причем, начальнику Терской области Свистунову было предоставлено право окончательной конфирмации и приведения в исполнение приговоров военно-полевого суда. Разумеется, Свистунов воспользовался своим правом во всем

*) Там же, дело № 2884, ч. 2, л. 290.

***) Там же, № 2897, ч. 2 л. 4-5.

объеме. 6 марта 1878 года суд приговорил руководителей восстания в числе 13-ти человек к смертной казни через повешение. В числе приговоренных был и вождь восстания 22-летний Алибек Алдамов и руководитель армунского восстания 70-летний Ума Дуев-Дзумсоевский. На замечание председателя суда о том, что приговоренные не имеют права апелляции, могут ходатайствовать о помиловании или смягчении мер наказания, оштрафованные демонстративно заявили, что этим правом воспользоваться они не хотят. Свистанов, конечно, приговор утвердил и 9 марта в гор. Грозном состоялась казнь. Кроме того, 355 человек, в числе их женщины и дети, были высланы в Сибирь и в разные пункты центральной России. Таковы итоги восстания.

Мы до сих пор рассматривали преимущественно социальные предпосылки революции 1905 года в нац. областях Северного Кавказа — колониальную политику царизма и освободительное движение горцев. При этом мы руководствовались указанием Ленина о том, что «экономическое завоевание его (Кавказа—А. А.) Россией, совершилось гораздо позднее, чем политическое». *).

Теперь, переходя к самым событиям 1905 года, остановимся на экономической стороне вопроса — на экономической колониальной политике царизма, на экономике гор и положении горского крестьянства накануне революции.

II.

II. ЭКОНОМИКА ГОР И ПОЛОЖЕНИЕ ГОРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА.

Классическую характеристику не только для понимания экономической стороны колониальной политики царизма, но и для правильного осмысления тех социально-экономических сдвигов, которые произошли на Северном Кавказе во время его «экономического завоевания» дает Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России», написанной, как известно, в конце XIX столетия. В главе, названной Лениным «Образование внутреннего рынка», Ленин пишет: «В пореформенную эпоху происходила с одной стороны сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно на Сев. Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и проч. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых кустарных промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикантов... Русский капитализм втягивал, таким образом, Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал для себя рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея» **).

*) Ленин, „Разв. капитализма в России“, стр. 463, 1931 г.

***) Ленин, „Разв. капитализма в России“, стр. 463, 464.

Экономическая колонизация Кавказа, которая особенно сильно шла на Северном Кавказе, на что Ленин и делает ударение, сопровождалась прямыми захватами горских земель, выселением горцев в горы и даже за границу (выселение в Турцию черкесов, чеченцев и ингушей). И уже через несколько лет после «политического завоевания» Сев. Кавказа, горцы чувствуют перед фактом захвата своих лучших земель на плоскости колонизаторами.

В таких условиях, в условиях массового обезземеливания горского крестьянства, процесс «переряживания гордого горца из его поэтического национального костюма, в костюм европейского лакея» лишь ускорился.

Массовая пролетаризация горского населения в связи с ростом товарно-капиталистических отношений в ауле, является прямым следствием не только внутреннего социального процесса, но и результатом экономического завоевания горцев русским царизмом и капитализмом. Отсюда все усиливающийся приток пролетаризирующихся элементов аула в город, на промысла, на заводы и даже выезды за границу (осетинская колония в Америке). Однако, не трудно заметить, что экономическая политика русского царизма и капитализма, захват горских лучших земель и раздача их русским и национальным колонизаторам — «фабрикантам пшеницы, табаку и проч.», при болезненно сказывающемся на широкие массы проникновении капитализма в горскую экономику, при обязанности в качестве подданных русского императора вносить ежегодно различные подати — государственные, земские и другие, — при этих условиях не трудно заметить, что основные массы горского крестьянства вынуждены были искать выход по-прежнему в продолжении национально-освободительной и крестьянской войны против русских и своих эксплуататоров. Это и случилось так. Русская революция 1905 года всколыхнула широкие массы горцев и призвала их к активной политической борьбе с русским царизмом. Величайшей важности историческая особенность этого этапа борьбы горцев за освобождение от национального и колониального гнета заключалась в том, что они — туземные горские крестьяне — нашли теперь своего гегемона под руководством которого только и можно было бы добиться не только национального, но и социального освобождения. Этот гегемон — русский пролетариат.

Займемся ближе экономическим положением горского крестьянства. Основное занятие горцев было земледелие на плоскости и скотоводство в горах. На первом месте стоит земледелие.

Сначала мы будем основываться на данных 1892 года, имея ввиду, что дальнейшие процессы складываются отнюдь не в благоприятном для горцев свете, а идут лишь по линии ухудшения общего положения. При этом особое внимание мы обратим на положение осетинского крестьянства, где события 1905 года разыгрались в весьма острых формах, о которых нам придется в своем месте говорить более подробно.

Еще задолго до покорения в Осетии (а окончательно ее покорил Паскевич в 1830 году) сложился феодализм со всей лестницей феодального вассалитета. В Дигории, например, были следующие три привилегированных сословия — бадияты, саргасаты и гагауты. Адамихаты (вездон) — сословие, полузависимое от первых трех и, наконец, вполне зависимые сословия — кумиаки и касиаки. Кумиаки и касиаки были совершенно крепост-

выми, а адамихаты были полукрепостными и обязаны своим помещику различными натуральными повинностями, хотя формально считались свободными. Положение не только экономическое, но и правовое кумиаки и касиаков, как крепостных, было чрезвычайно тяжелое. Касиаки не имели права иметь свою постоянную семью и они назывались «безобрядовыми холодами», напротив, кумиаки обязаны были всегда ее иметь, они назывались «обрядовыми холодами».

Привилегированное сословие ущелья р. Терека называлось Тагаурскими алдарами. Примерно, такое же положение, как адамихаты при бадиятах, при алдарах занимали фарсаглоги — полузависимое сословие. Вполне крепостным сословием были кавдасарды и грузиаки. Во всех перечисленных случаях господа помещики были одновременно и носителями административно-полицейской власти.

Освобождение зависимых сословий Сев. Осетии началось с 1867 года. Норма выкупа для холопов была назначена 180 рублей с предоставлением возможности отслужить эту сумму помещику в течение 6 лет. Крепостные кавдасарды и кумиаки должны были находиться в прежнем положении при своих помещиках в течение 3-х лет, после чего они освобождались безвозмездно. Всего привилегированного сословия Сев. Осетии в 90-х годах было 328 дымов — 2113 душ, что составляет 2,7 проц. общего населения Сев. Осетии (80669 душ обоого пола).

Мы еще в первой главе указывали, что появление русских колонистов не привело к уничтожению сословных делений в горском ауле. Так и было. Еще в 50-х годах XIX столетия крестьяне-тагаурцы были наделены землей по 36 десятины на двор, а алдары получили по 225 десятины, а в Дигории еще в 30 годах сейчас же после военной экспедиции Паскевича в Осетию, одна фамилия Тугановых получила 13.000 десятины земли. Такая щедрая раздача земель осетинским помещикам, оставляя крестьян иногда совершенно без всякого клочка земли, оказалась настолько бессмысленной, что впоследствии царскому правительству пришлось выкупить часть тугановских земель, чтобы хоть немного наделить безземельных крестьян, особенно в Новохристианском и Новомагометанском, где цифра безземельных доходила до внушительных размеров.

Рассмотрим размеры земельных наделов в Осетии. В 18 плоскостных селениях Сев. Осетии (19948 душ мужского пола) имелось земельных наделов — годных и негодных — около 107.000 десятины, что дает на 1 душу мужского пола 5,4 десятины. В некоторых селениях этот надел не подымается выше 3-х десятины (Христианское, Магометанское). При этом, по указанию самих официальных лиц, продовольственная норма здесь составляет 11 десятины *). Но крайне тяжелым в этом отношении было положение горных осетин. В некоторых районах горной Осетии крестьяне совершенно не имели земель. Например, в Тагаурском обществе (по Терскому ущелью) всей землей владела фамилия Дударовых из алдар, в Санибанском (Генал-Дон-

*) Максимов и Вертелов. „Туземцы Сев. Кавказа“. Оттиск из Терского сборника, стр 26, 1892 год.

ское ущелье) и Даргавском обществах (Гизельдонское ущелье) всей землей владела фамилия Тулатовых. В тех обществах, где крестьяне все-таки владели собственной землей, ее размеры чрезвычайно мизерные. Наиболее характерные цифры, касающиеся нижней части Алагирского ущелья, показывают следующую картину.

На наличную душу мужского пола приходится:

Собрабатываемые земли.

В Кузанском обществе	— 0,84 десятины
В Дагамском	— 0,27 »
В Мизурском	— 0,33 »
В Архонском	— 1,1 »
В Сагонском	— 1, »

Приблизительно такая же картина и в других горных обществах. Причем 1050 душ обоего пола, составляющие 3 проц. горного населения, вовсе не имеют земли. Эти данные лучше всяких документов говорят о тяжелом положении горца-осетина и о неизмерно земельном голоде здесь. В этих условиях осетинскому крестьянину приходилось в массовом масштабе арендовать земли у помещиков-осетин, но арендная плата в связи с этим безземельем крестьян была в горах баснословно высока. Один из исследователей по земельному вопросу Осетии Максимов указывает, что арендная плата за десятину, например, в Галнацком обществе, где малоземелье было, по сравнению с другими обществами, не так велико, одна казенная десятина земли обходится при покупке от 1.200 до 1.870 рублей, в Стыр-Дигорин, где малоземелье гораздо выше, десятина земли оценивается в 3 тыс. и выше рублей. «Таким образом, благодаря ничтожным размерам земельных владений и цена на них достигла баснословной дороговизны» — заключает вышеозначенный автор *).

В свете этих данных становится понятным и фигуральное выражение депутата от Терской области в государственной думе Маслова о том, что у горцев «земля под одной коровой стоит столько, сколько стоит сама корова». Зато, как мы уже указывали, щедро были наделены землей осетинские помещики. Если взять Сев. Осетию, то 31.000 десятин самой лучшей земли была помещичьей и принадлежала 110—120 землевладельцам, из числа коих были и такие, которые владели более 1000 десятин. Причем, одним Тугановым из этой земли принадлежало 12.000 десятин.

Тяжело было положение осетинского крестьянина и в отношении скотоводства как рабочего, так и общего. Не останавливаясь на этом подробно, укажем на следующие основные данные: безлошадных было 26,4 проц. Из трех участков, на которые была разбита Осетия (Владикавказский округ) в первом и во втором участках этот процент был еще выше — 31,5 и 33 проц. соответственно. 6,2 проц. населения не имело крупного рогатого скота. Мелкого скота не имело 41,5 проц. (4277 хозяйств). Даже в

*) Там же, стр. 33.

третьем участке, горном, который считался благоприятным для скотоводства, 2.315 хозяйств (42,2 проц.) вовсе не имело ни одной головы мелкого скота. Несмотря на это полупищенское, полуголодное существование горского крестьянина, на нем лежали различные подати, которые с каждым годом увеличивались. Мы не имеем данных о натуральных повинностях осетин, укажем на денежные. Осетины ежегодно уплачивают

подымной подати	17.710	рублей.
«земские сборы»	12.500	»
мирские сборы	55.521	»
ВСЕГО	85.781	рубль.

Надо указать, что подымная подать, совершенно не учитывающая экономической мощи хозяйства, в частности, его земельного надела, была настоящим бичом на теле горского бедняка. Если даже брать общие данные, то на десятину плоскостного осетина приходилось 66 коп. всех податей в год, тогда как на 1 десятину в горах приходилось почти по 1 рублю 40 коп., т. е. относительно к своему земельному владению горные осетины платили в два раза больше, чем плоскостные. Причем, подымная подать всегда увеличивалась (росло число дымов вследствие женитьбы или замужества членов семьи), а количество земли при этом оставалось старое. Разделившийся дым делил и землю, отчего выигрывало лишь правительство, для которого увеличивалось число объектов обложения, не неся при этом никаких обязанностей (наделение земель).

Теперь рассмотрим остроту аграрного вопроса горцев в период самой революции 1905 года. Для этой цели мы будем пользоваться самыми свежими данными, исходящими из официальных источников (данные, так называемой абрамовской комиссии, созданной в 1906 году для рассмотрения землепользования в Горной полосе Терской области), опубликованными в ст. ст. Г. Цаголова в газете «Терские ведомости» за 1912 года^{*)}. Приведем данные о положении осетинских крестьян, мы говорили, что, начиная с 90-х г.г. острота аграрного вопроса в Терской области у горцев не только не смягчилась, но приобрела еще более внушительные размеры в силу ряда причин (раздача горских земель колонизаторам, национальным помещикам и т. д.). Данные абрамовской комиссии именно подтверждают это положение.

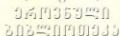
Однако, прежде чем обратиться к ним, укажем на количественный, национальный и сословно-классовый состав населения Терской области.

Народы нынешних автономных областей — Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии входили до революции в состав Терской области. С 1899 года Терская область делилась на 4 казачьих отдела (Пятигорский, Суиженский, Моздокский и Кизлярский) и 4 округа (Нальчикский, Владикавказский, Грозненский, Хасав-юртовский).

^{*)} См. газету «Терские ведомости», 1912 г., №№ 144, 145, 146, и др. ст. Цаголова «Край беспросветной нужды».

Населения Терской области по данным терского календаря за 1903 год было:

чеченцев	— 208180	душ
осетин	— 109347	>
кабардинцев	— 88247	>
ингушей	— 50971	>
кумыков	— 31779	>
остальных горцев	— 38684	>
русских	— 394461	> *)

В отделах, округах и городах по тем же данным было дворян—7081, почетных граждан—1728, духовных лиц—3846, купцов—2593, мещан—78595, казаков и др. военных сословий—217641, крестьян—120757, горского сельского населения—545476, остальных сословий—39552. Всего населения области—1.007.269 чел. Из 963 человек дворян, которые числятся в округах, 505 падает на Владикавказский округ (Осетия), 173 человека на Нальчикский округ (Кабарда), 66 на Грозненский округ (Чечня).

По территории область делилась на:

Гражданскую территорию

городская	46.040	десятин
сельская	3.617.996	>
казенная	44.008	>
частно-владельческая	561.837	>
Итого:	4.665.953	>

Войсковую территорию

Станционные земли	1.738.310	десятин
Войсковые земли	153.603	>
Частно-собств. земли	117.134	>
Итого:	2.009.047	>

а всего 6.675.000 десятины *).

В среднем на одну душу мужского пола всех сословий в отделах приходится 14,8 дес. годной земли, а в округах (т. е. там, где туземное население) только 7,1 десятины.

Однако, вернемся к данным названной абрамовской комиссии. На одну мужскую душу по этим данным в Нагорной полосе Терской обл. приходится в среднем десятины:

	Земли пахот.	Покосы. земли.	Выгон. и пастбище	Всей земли
В 5 горн. обществах Кабарды	0,26	1,4	11,8	13,46
и горной Осетии	0,4	1,4	4,1	5,9
Ингушетии	0,3	1,2	4,3	5,8
Чечне	1,2	1,7	2,3	5,2
	0,54	1,4	5,6	7,5

*) „Терский календарь“, 1905 г.

Штак, 0,54 пахотной земли и 1,4 покосной земли приходится на одну мужскую душу в Нагорной полосе.

Всю остроту земельного голода в горах выявляет следующая таблица, выведенная на основе учета продовольственной нормы:

	Какой % налич- населен. м.п. мо- жет прожить на занятой терри- тории.	население в % 0/3
В горной Кабарде	33	67
В Осетии	12	88
В Ингушетии	11	89
В Чечне	10	90

Не легкое было положение и у плоскостных горцев. Вот данные:

	Число селе- ний с доста- точн. землей	Число ма- лозем. сел.	С дост. земл. в %	Малозем. в % 0/3
В Кабарде	23	20	53	47
В Осетии	3	15	16	84
В Ингушетии	2	15	11	89
В Чечне	13	44	23	77

Эти цифры говорят о чрезвычайно остром земельном голоде горцев и на плоскости. В этих условиях единственным выходом для существования, если оставаться самостоятельным сельским хозяйчиком, была аренда земли, как у своих национальных помещиков-землевладельцев, так и у казачества.

Так, за 1904 год уплатили арендную плату за землю:

Горские общ-ва Кабарды	65.570 руб.
Осетины	230.628 >
Ингуши	49.943 >
Чеченцы	400.0000 >

В это же время казачьи верхи, поселенные царскими колонизаторами на земли горцев, за один лишь 1903 год могли сдать в аренду 357.369 десятин, получая за это огромную арендную плату. Тяжесть арендной платы для горского крестьянина усиливалась еще и тем, что в арендном деле появились посредники — перекупщики земли. Казачество, например, сдавало в аренду, как правило, лишь целые участки, которые могли покупать только национальное кулачество и ростовщики. Перепродавая эту купленную у казачества землю по клочкам горским крестьянам, посредники наживали на этом огромные прибыли. Упомянутый выше Г. Цаголов пишет: «В ряде причин, вызывающих сильный рост арендной платы, не последнее место занимает то обстоятельство, что в арендное дело Терской области втерлись самым бесцеремонным образом посредники, накинудись алчные и не знающие пощады полчища земельных пауков в лице разного рода богатеев,

ростовщиков, лавочников и прочих разновидностей всеильного деревенско-го кулачества... *)

После всего сказанного становится понятным вся тяжесть экономического положения основной массы горского крестьянства, стонавшего под двойным гнетом русских колонизаторов и национальных помещиков. Присажен на этот мизерный земельный паек, горский трудовой крестьянин влачил полуголодное существование. Казалось, что и суровая природа гор, которую не были в силах покорить примитивные орудия горцев, тоже стояла на страже этого голода. «Трудно себе представить, — говорил представитель горцев, депутат от Терской области в Государствен. думе Т. Э. Эльдарханов, — более худших условий, какие имеются налицо в горной полосе области. Насколько велики пространства для обработки в этой части области можно судить по следующим данным: на территории, занятой горскими обществами Нальчикского округа, другой земельной меры не существует, кроме следующих: «Кулач» — 2—1½ аршина, «Алк-Узун» — длина ступни ноги, «Таш-орун» — место под одним камнем, «Черен-орун» — палочное место, дающее одну кошку хлеба, «Тебен-орун», — место, дающее одну кошку сена... Здесь не рациональное хозяйство, а каторжный труд, отчаянная борьба человека с суровой природой, а в итоге — полуголодное существование на кукурузном или ячменном хлебе» **).

Однако, на этих «каторжниках» как бы для довершения их тяжелого экономического положения, связанного с неслыханным безземельем, лежали еще высокие государственные подати и земские сборы, одних недоплат которых числилось в 1904 году в Терской области — 188.671 рубль. Для того, чтобы иметь цельное представление о положении горского крестьянства, необходимо остановиться на этой «налоговой политике» царского правительства на Кавказе. Данных отдельно для Терской области в нашем распоряжении нет. Зато мы имеем общие данные для всего Кавказского края в чрезвычайно ценном официальном историческом документе, в документе, который исходит не от какого-нибудь второстепенного царского чиновника, а от самого наместника Кавказа. Речь идет о «Всеноднейшей записке по управлению Кавказским краем» графа Воронцова-Дашкова. Данные этой «записки» не только говорят об объеме и размере различных податей народов Кавказа, но и о характере их «приложения», т. е. о расходной части Кавказского наместничества, а это очень важно для выяснения направления политики кавказской администрации.

Сначала несколько слов о причинах, вызвавших восстановление после долгого перерыва наместничества на Кавказе. Этот факт стоит в несомненной связи с огромным ростом революционного движения на Кавказе, особенно в Закавказье, где под руководством закавказской большевистской организации, во главе которой тогда стоял товарищ Сталин, развертывалась настоящая вооруженная борьба против царизма, капитализма и национальных помещиков. Баку, Тифлис, Батум, где пролетариат учился этой

*) Там же.

***) См. «Госуд. дума. II-й созыв», стенограф. отч. 1907 г., Сессия 2-я, т. 2-й, заседание 32-е, 3—5, 1907 г.

борьбе под непосредственным руководством товарища Сталина, стояли во главе всего революционного движения на Кавказе. В лице кавказского союза РСДРП, возглавляемого Сталиным, пролетариат этих городов имел боевое и повседневное руководство в политической борьбе. Крестьянское движение в Закавказье, в центре которого находилась революционная Грузия, тесно смыкалась с рабочим движением. И этим движением, развивавшемся в Грузии руководили большевики. В этой обстановке последовало восстановление местничества на Кавказе и назначение Воронцова-Дашкова кавказским наместником. Сам Воронцов-Дашков отлично понимал эту связь между ростом революционного движения и восстановлением местничества. Говоря о сложившейся ко времени его назначения (февраль 1905 год) обстановке на Кавказе, Воронцов-Дашков писал: «С Кавказа ежедневно получались вести о нарушениях благополучия, о смутах, разбоях, грабежах и вообще всякого рода насилиях... В Тифлисе, Баку и др. городах чуть не ежедневно происходили забастовки рабочих всех профессий до домашней прислуги включительно» *).

И свою задачу он вполне резонно определял как необходимость «возможно тесного сближения с коренной Россией» «Кавказской окранны... противодействуя явлениям, угрожающим безопасности и государственному порядку» **).

Таким образом, восстановление местничества на Кавказе стояло в непосредственной связи с начавшейся революцией 1905 года в России и реальной опасностью более репутительных побед в ее наиболее уязвимом месте — на Кавказе. Наместничество, при внешней видимости децентрализации управления краем, на самом деле было **чрезвычайным** мероприятием, ведшим еще к большему усилению централизации и бюрократизации военно-колониального режима на Кавказе.

Однако, вернемся к вопросу о налоговой политике кавказской администрации. До 1901 года вся тяжесть прямых и земских повинностей на Кавказе, как указывает Воронцов-Дашков, ложилась на сельское крестьянское население. Оно уплачивало подымную подать и разные сборы других наименований—2.730.000 рублей, а вместе с земским подымным сбором (2.840.000 рублей) всего 5.570.000 рублей. Площадь земли оно имело приблизительно 10 миллионов десятин. Частные владельцы, имея 5 миллионов десятин земли, вовсе не платили казенных сборов за исключением землевладельцев в Терской области (7.000 рублей). Кроме того, на крестьянах лежали местные мирские сборы. В 1901 году правительством была произведена реформа земельного обложения на Кавказе. Официально это дело мотивировалось желанием равномерного распределения земельных платежей между всеми крестьянами и помещиками. Вместо допотопной подымной подати была установлена государственная оброчная подать для казенных земель, находящихся в пользовании крестьян, а для всех других земель —

*) Воронцов-Дашков. „Всеподаннейшая записка об управлении Кавказским краем“, стр. 6, 1907 год. Тифлис.

**) Там же, стр. 8.

государственный налог. Земские сборы были распространены и на помещиков.

Какие реальные результаты дала эта реформа для крестьян?

По новой реформе крестьяне уплачивали теперь государственную оброчную подать—3 миллиона 426 тысяч рублей, государственный ^{догосударственный} налог—83 тысячи рублей, земские сборы—1 миллион 970 тыс. руб., а всего с площади около 10 миллионов десятин—5 миллионов 479 тыс. рублей. Помещики государственный поземельный налог платили—228 тыс. рублей и земские сборы на сумму 769 тыс. руб., а всего с площади около 5 миллионов десятин—997 тыс. рублей.

Из сопоставления этих цифр с предыдущим видно, что крестьяне по общей сумме в конечном счете получили облегчение на... 2 проц. (на 100.000 рублей), в то время как крестьяне, владея землей лишь в два раза больше чем помещики, платили подати в 5 с половиной раз больше чем помещики. Причем надо иметь в виду, что «реформаторы», незаметно для самих горцев, умудрились произвести национализацию их исконно собственных земель—для получения подати собственные земли горцев были объявлены казенными. Об этом горские крестьяне узнали тогда, когда им предъявили окладные листы. Это вызвало сильное брожение в ауле. Этот факт явно незаконный, даже с точки зрения царских законов, вынужден был констатировать Воронцов-Дашков: «Уже и в настоящее время, — пишет он, — ввиду неправильного зачисления многих земель исконно составляющих частную собственность свободных горских племен в разряд казенных, ко мне поступают многочисленные жалобы на неправильное обложение этих земель в качестве казенных оброчной податью» *).

Очень интересны данные о расходной части бюджета кавказской администрации. По сметам 1894—1900 г.г. на дорожную часть приходилось 16 проц. (большой частью в воен. целях), на мед. помощь и местные хозяйств. нужды—13 проц., **на народное образование — 4 проц.** Итого, хозяйственно-культурная часть бюджета составляет 33 проц., а остальные 67 проц. или $\frac{2}{3}$ всех земских расходов шли на нужды военно-полицейского и чиновничьего аппарата царизма на Кавказе. Так обстояло дело после реформы 1901 года.

Вот данные на 1906 год. Из 4 млн. 670 тыс. рублей общих земских расходов на содержание одной полиции тратится 57 проц., другие административные расходы—4 проц., на медпомощь—13 проц., **на народное образование—4 проц.** и т. д. Как видим, относительно ни «медицина», ни «культура» не сделали шага вперед за целых 10 лет.

Со всей тяжестью все эти подати и сборы ложилась на беднейшую часть населения, ибо верхушка—земледельцы, кулачество и др., пользовались своим влиянием и подачками царской администрации, освобождалась от всех повинностей. Лучшую характеристику преступной уголовной практике этой администрации в деле наложения и взимания податей и сборов, дает сам Воронцов-Дашков: «В местностях мусульманских... сельские должност-

*) Воронцов-Дашков, там же, стр. 94.

ные лица, пользуясь поддержкой администрации и своим независимым от избравшего общества положением, преследуют свои личные интересы... главным образом, в неправильных внутренних раскладах денежных и натуральных повинностей и разных взмысканий. Последствием этих злоупотреблений, ставших как бы нормальным порядком вещей, явилось то, что вся тяжесть казенных и общественных, а равно и натуральных повинностей упадет почти исключительно на наименее состоятельную часть населения, тогда, как для более богатых изобретаются поводы к уклонению от платежа налогов и выполнения натуральных повинностей. Все жалобы на такие действия сельских властей, приносимые полиции, обычно остаются без последствия, т. к. она поддерживает своих агентов. Эта поддержка часто объясняется тем, что выборы должностных лиц сельского управления составляют доходную статью для чиновников уездной полиции» *).

Так писал «всеподданнейший» наместник своему императору. Более убийственную характеристику своим подчиненным и слугам едва ли кто-нибудь давал. Но наместник не договаривал до конца всю историческую правду. Тогда пришлось бы собственноручно подтвердить тот бесспорный факт, что от «низов» до «верхов» весь аппарат военно-феодалового режима на Кавказе как две капли воды был похож на столь красочно описанных им сельских должностных лиц и «чинов уездной полиции». Гниение и разложение всего полицейского аппарата царизма на Кавказе стало явлением социальным, чтобы можно было обойти этот факт молчанием во «всеподданнейшей записке», хотя острые критики было направлено на этот раз по адресу «низов».

Таким образом, подводя итоги, мы устанавливаем, что революция 1905 года застала широкие массы горского крестьянства в условиях острейшего земельного голода — с одной стороны, и резкой классовой дифференциацией в горском ауле — с другой. Основная масса крестьянства, в результате захвата царскими колонизаторами и национальными помещиками и кулачеством их лучших бывших земель на плоскости и в горах, влячила полуголодное существование.

Это экономическое завоевание и колонизация края загнали горских крестьян в горные тущобы и обрекли их там на медленное физическое вымирание. В особо тяжелых условиях находились осетинские крестьяне, где огромные и лучшие участки земли очутились в руках собственных помещиков. В результате всего этого в горском ауле развились сложные арендные отношения через посредников, ростовщиков, перекупщиков земли, еще более закабаливших горское крестьянство. Различные сборы и подати—государственные и земские—усугубляли это тяжелое положение. Все это усиливало еще более классовую дифференциацию аула и пролетаризацию его беднейшей части. Беспощадный национальный и социальный гнет насквозь гнущим и разлагающимся военно-полицейским аппаратом царизма лишь дополнял эту картину экономического бесправия бесправием политическим.

После всего сказанного понятно, что горское крестьянство, ведущее деся-

*) Воронцов-Дашков, там же, стр. 136—137.

тиями борьбу с царизмом за национальную независимость, представляло для русского пролетариата лучший резерв и союзника в предстоящей борьбе. В лице же русского пролетариата горское крестьянство нашло главного руководителя и гегемона в этой борьбе.

Нельзя не понять все своеобразие нового этапа борьбы горцев, если более его правильно оценить, если не показать горскую освободительную борьбу в неразрывной связи с рабочим движением в Крае и ходом и исходом революции 1905 года в центре.

Историческая особенность этого этапа борьбы горцев заключается в том, именно, что сейчас горское освободительное движение разворачивается в связи с рабочим движением и под непосредственным руководством рабочего класса, как гегемона этого движения.

Итак, каково же было положение и силы самого гегемона революции и нац. освободительного движения на Сев. Кавказе?

III. ГЕГЕМОН РЕВОЛЮЦИИ И НАЦ. ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Промышленность Сев.-Кавказского края, как и сам северо-кавказский пролетариат к революции 1905 года, была относительно молодая *).

Первые заметные успехи в промышленном развитии края отмечаются лишь с начала 90-х гг. XIX столетия. Основными пунктами развития и сосредоточения промышленности края, явились город Грозный, с его нефтяными промыслами (Чечня), Сады с серебряно-свинцовыми и цинковыми рудниками (Осетия). Фабрично-заводская промышленность вне этих районов развивалась весьма слабо. Все это сказалось на относительно медленном процессе формирования промышленного пролетариата. Остановимся несколько подробнее на развитии основного промышленного центра края — на Грозном.

Грозный продолжался считаться крепостью до 1870 года. В 1870 году Грозный—уже город. В первое время он к себе не привлекал почти никакого внимания промышленников, хотя уже с 1823 года в районе крепости Грозной велась отдельными лицами добыча нефти, правда, при помощи самых примитивных способов (на месте естественных выходов рылись колодцы, из которых нефть вычерпывалась ведрами). Ее добыча стала учитываться с 1833 года. За первые два десятилетия таким способом было добыто в среднем около 3.900 пудов ежегодно.

Но проведение через Грозный в 1893 году железной дороги открыло перед Грозным широкие перспективы развития нефтяной промышленности. В том же году была заложена первая буровая скважина. Началась промышленная добыча и разработка грозненской нефти. Если с 1833 по 1892 год (за 60 лет) в Грозном добыто 3 миллиона 279 тыс. пудов нефти, то в 1893—94 гг. в среднем добыча составляет по 6.600.000 пудов, в 1895 году—21.800.000 пуд., а в 1905 году—40.100.000 пудов. Соответственно

*) Мы берем Сев.-Кавказский край в его нынешних географических границах без Дагестана.

рос и удельный вес грозненской нефти в стране (доля Грозного с 4,9 проц. в 1900 году поднялась до 10 проц. в 1905 году от общей добычи в стране).

Расширилась и площадь эксплуатационных участков — с 30 десятин в 1898 года до 487 десятин в 1907 году. Количество буровых скважин выросло с 78 в 1898 году до 208 к 1907 году. Исключительно высокое качество грозненской нефти (светлая нефть), обеспечило ей первое место в стране в деле переработки и выхода светлых продуктов: бензина, керосина. Если до 1902 года внутренняя потребность России в бензине и лигровине большей частью удовлетворялась импортом из-за границы, то уже в 1901 году грозненский бензин начал покрывать внутреннюю потребность России, а с 1902 года начался уже его экспорт за границу, достигнув в 1909 году 3 миллиона пудов, на сумму около 2-х млн. рублей.

В свете этих данных становится понятным, какое огромное значение приобретал Грозненский район во всей империи.

Основными фирмами и владельцами грозненских промыслов были: Т-во «Ахвердов» (основной капитал по данным 1915 г.—8.800.000 рублей), «Англо-Русское Максимовское общ-во» (3.800.000 рублей), «Общ-во Шпис» (9.500.000 рублей), «Северо-Кавказское общ-во» (7 млн.), «Кавказский синдикат» (1 млн. 75 тыс. руб.), «Русский Стандарт» (12 млн.), Владикавказское общ-во (5 млн.), Московское общ-во (1 млн. 200 тыс.), Англо-Терское общ-во—А. Мак-Гарвей (1.500 тыс.), Холодовский, Баскаков, Кузьмин, Бишин А. М. и другие.

На основе не точных, но приближенных к истине исчислениях, А. Левашев считает сумму основного капиталовложения в грозненскую промышленность от 35 до 40 млн. рублей к периоду первой революции *).

Нефтяная промышленность Грозного не только была рентабельна, но и приносила огромные прибыли и доходы капиталистам, посредникам, казначейству войску и правительству.

Так, «Каспийское общ-во» выдало своим пайщикам в 1898 году 43 процента, в 1899 г.—78 проц., в 1900 г.—80 проц. дивиденда; «Кабель» в те же годы выдала в среднем 20 проц.; «Бакинское нефтяное общ-во», которое работало одновременно в Баку и Грозном, выдало своим пайщикам в 1898 г. 38 проц., а в 1899 г.—50 проц., в 1900 г.—60 проц. дивиденда. Ахвердов за ряд лет в среднем выдал 18 проц. дивиденда. Ту же картину показывают данные и по некоторым другим фирмам. Если взять средний дивидент за ряд лет, то цифра, конечно, значительно ниже, но для Баку она дает 4 проц., а для Грозного—6,3 проц. Таким образом, даже по сравнению с бакинскими нефтепромышленниками, грозненские капиталисты получали больше прибыли на своих промыслах.

Отметим попутно, что эксплуатация нефтяных площадей шла при помощи самых отсталых способов, не вводились новые технические усовершенствования. Единственный способ нефтедобычи — фонтанирование давало огром-

*) См сборник 1905—06—07 г. г. в Грозном, ст. А. Левашева «Грозненская промышленность в годы первой революции».

ные потери (до 50 проц. в первые годы), силовые установки не применялись, как «невыгодные», газы не перерабатывались (теперь на советских заводах они перерабатываются в новые продукты). К промыслам не были проведены дороги, ни железные, ни даже шоссе. Огромные издержки шли поэтому на живое транспортирование грузов.

Прибыли с эксплуатации рабочих на этих промыслах нефтяные промышленники делили, как уже указывалось, с финансистами, посредниками (перепродажа земельных участков) казной и Терским казачьим войском. В этом дележе участвовали также торгующие и транспортирующие фирмы. В числе последних подвизались крупнейшие чеченские кулаки и муллы. Так, если общий доход с нефтяной промышленности взят за 100 проц., то промышленники получали 35 проц., казна—32 проц., собственники земли—24 проц. и посредники—9 проц. (данные выведены на основе подсчета показателей за 25—30 лет).

И в этих условиях нефтепромышленники умудрялись получать огромные прибыли от 6 проц. до 80 проц. Нечего доказывать, что лишь каторжный труд грозненских рабочих обеспечивал им эти огромные прибыли.

Особенно выгодное положение занимала Владикавказская жел. дорога, участвовавшая тоже в эксплуатации и переработке грозненской нефти. Если по эксплуатации жел. дорога занимала одно из последних мест, то по переработке она стояла впереди всех, опередив в этом отношении и самую крупную нефтяную фирму в Грозном тов-во Ахвердов. 50 проц. всей переработанной нефти за 1900—1906 гг. приходило на долю заводов Владик. ж. д. При этом дорога, пользуясь своим монопольным положением, назначала высокие тарифы за перевозку (во внутреннюю Россию, к портам Черного моря). Перевозка собственной переработанной нефти Вл. ж. д. самой стояла по ее служебному тарифу лишь $1/336$ коп. с пуда-версты. В то время, как от перевозки нефти с промышленных фирм она брала от $1/12$ до $1/10$ коп. с пуда-версты, т. е. от 8 до 28 раз больше. Нефтепромышленники постоянно жаловались на такое положение. Их делегация обивала пороги по этому поводу Госуд. совета и Госуд. думы, но каждый раз безрезультатно, ибо само правительство было заинтересовано в привилегированном положении Вл. ж. д., от которой оно само получало огромные доходы (чистый доход дороги в 1911 г.—26.260.000 рублей, на долю акционеров приходилось 3.927.000, а на долю казны—13.300.000).

Подводя итоги рассмотрения состояния грозненской экономики, необходимо отметить, что основными заправками и хозяевами нефтяной промышленности здесь являлись иностранные капиталисты. Большая часть капиталовложения грозненской нефтяной промышленности приходилась на их долю. К сожалению, точных цифровых данных о размерах иностранного капитала в грозненской нефтяной промышленности, мы сейчас не имеем, но из 15 крупнейших фирм, работающих в 1905—06 гг., английским капиталистам принадлежали 4: Англо-Русское Максимовское общ-во, «Шнис», «Сев.-Кавказ.», «Кавказский Стандарт», Ротшильду три фирмы: «Рус. Стандарт», «Московское общество», «Каспийско-Черноморское общество», французским капиталистам — нефтеперегонный завод «Успех». Товарище-

ство Ахвердов было создано на капитал бельгийских промышленников. Одно это перечисление показывает, что фактическими хозяевами грозненской нефтяной промышленности являлись иностранные капиталы.

Теперь займемся рассмотрением, в каких же условиях находились грозненские рабочие. К сожалению, и здесь мы не имеем цифрового материала, чтобы можно было судить хотя бы о движении зарплат. Эти вопросы революция в отчетах съездов грозненских промышленников всегда отсутствовали, а печать нефтепромышленников — журнал «Нефтяное дело» эту сторону либо обходило полным молчанием, либо приукрашивало положение рабочих, впрочем опять-таки без всяких цифр. Грозненские промышленники при этом, конечно, имели все основания, чтобы скрывать от гласности данные о материально-бытовом положении грозненского пролетариата (положение последнего было ужасающее).

По косвенным и отрывочным цифровым данным и на основании некоторых документов и главное — на основе тех требований, которые рабочие выдвигали во время забастовок, мы все-таки можем восстановить приблизительную картину материально-бытового положения рабочих на грозненских нефтепромыслах. Прежде всего, о численном составе рабочих в Грозном и на промыслах.

В 1905—06 гг. в гор. Грозном и на грозненских нефтяных промыслах рабочих было:

1. На промыслах	6000 чел.
2. На нефтеперегонных заводах	650 »
3. В грозненском депо и на жел. дороге	3000 »
4. Городские рабочие:	
Котельные заводы Иванова и Френц	500 »
Литейно-механические заводы и мастерские Фанеева, Хохлова	250 »
Котельно-заклепочн., кузнечно-лит. мастерские Степанова, Гауфа, Газеева	250 »
Деревообделочн. мастерские и друг. предприятия	600 »
Итого по городу	1600 »
А всего по городу и промыслам рабочих было	11250 чел.

Говоря о квартирных условиях промысловских рабочих вышецитированный нами А. Левашов замечает: «В тесных и грязных казармах не могло поместиться все промысловское население. И вот в узкой полосе, около 15 саженей шириной, вдоль границы нефтяной полосы образовалось целое поселение, в котором жили все не получившие места в хозяйских казармах. Полоса была застроена грязными землянками, досчатыми сарайчиками, в которых даже в докладах на съезде промышленников не решали называть

домами, а придумывали особое название — сакли. Нечего и говорить о тесноте в этих поселках и дороговизне *).

В свете этой характеристики жилищных условий рабочих вполне понятно, почему в экономических требованиях грозненского и промышленного пролетариата во время забастовок одним из основных пунктов было требование квартирных денег.

Даже самые элементарные условия всякой нормальной жизни — наличие питьевой воды было постоянной заботой промышленных рабочих. Водопровода не было, а воду приходилось возить на бочках из реки Суnji (10—12 верст от промыслов), а плохие дороги зимой и осенью затрудняли перевозку воды и из Суnji. Вода для промышленного рабочего населения становилось, таким образом, остродефицитным товаром. Все это вызывало среди рабочих различные остро-инфекционные заболевания. Еще на первом съезде нефтянников в 1898 г. промышленный врач вынужден был, говоря об этих тяжелых и антисанитарных условиях жизни рабочих, констатировать — «неприглядную обстановку промыслов и промышленной рабочей жизни не только для больных, но и для здоровых» и указать на необходимость открытия больницы **); но эта неприглядная картина осталась вплоть до 1905 г. Нефтяные промышленники отказались от постройки больницы. Лишь в Грозном был открыт единственный приемный покой на 7—8 человек, а в конце 1900 года открыли больницу для всего промышленного и городского населения.

Следующие, совершенно не полные, но достаточно характерные данные говорят о постановке лечебно-медицинской помощи среди промышленных рабочих.

1900 г. (4 месяца):	В больницу принято	Число больных
	9	46
1901 г.	13	226
1902 г.	12	212
1903 г.	14	276
1904 г.	17	374
1905 г.	18	431
1906 г.	21	431
1907 г. (за 11 мес.)	20	486

При ограниченном контингенте коек в единственно имеющейся больнице тяжело больные оставались без всякой медицинской помощи и медицинского присмотра. Между тем, как видно из таблиц, которые, конечно, не показывают всей картины, заболевания среди рабочих стремительно поднимаются вверх.

Еще менее приглядное было положение с постановкой дела народного просвещения среди рабочего населения. Нефтянники с самого начала решительно отказались от постройки школ. Терская администрация

) См сборн .1905-06-07 гг. в г. Грозном, стр. 28-29.

***) Там же.

об этом совершенно не заботилась. В предыдущей главе, разбирая вопрос о бюджетах кавказского наместничества, мы видели, что на народное образование для всего Кавказского края тратились лишь 4 проц. всех расходов. Но промышленные рабочие не были предусмотрены и в числе этих 4 проц.

Однако, в 1903 году священник из станицы Ермольевской начал школу на промыслах за счет самих рабочих. Таким образом, был открыт первый «учителя» рабочих и их детей. Как и следовало ожидать, вся система и программа обучения в школе были проникнуты духом именно половщины и верноподданничества. Из 5 дисциплин 3 были—закон божий, церковно-славянская грамота, церковное пение. Когда впоследствии, после настоятельных требований рабочих, нефтепромышленники вынуждены были принять кое-какое участие в финансировании школьного дела на промыслах, они вели в этом вопросе ту же самую верноподданническую политику. Так, на 8-м съезде промышленников, из сметы, представленной по школьному делу попечителем школ Булгаковым, были вычеркнуты расходы—725 рублей на народное чтение, 9.000 руб. на постройку школ и 1.516 руб. на борьбу с эпидемиями. Но в то же время съезд признал необходимым расходы—4.750 руб. на постройку дома для церковного причта, 222 руб. на содержание самого причта. Впоследствии церковная школа священника была превращена в обычное одноклассное училище. Но зато это была единственная школа для детей 6000 промысловских рабочих. Число учащихся в школе увеличилось с 1903—04 гг. (54 чел.) по 1905—06 гг. лишь на 21 человек (75 чел.) и прибавился 1 учитель к имеющемуся одному. Из 2.340 руб. на расходы в школе по обучению детей, еще в 1905—06 гг. 554 руб. вносили сами родители учащихся.

Данных о зарплате рабочих не имеется, видимо рабочей статистики промышленники не вели, а профессиональных союзов в Грозном к моменту революции, не было. Но та норма зарплат, которая была установлена после продолжительной и упорной всеобщей забастовки рабочих на промыслах в июле 1906 года показывает, каково могло быть старое положение, если «победа» рисовалась в следующем виде:

Норма зарплат, установленная после июльской забастовки 1906 года:

Для рабочих буровых партий	23 руб. в мес.
» тормозчиков	27 руб. 50 коп.
» тартальщиков	22 руб.
» кочегаров	27 руб. 50 коп.
» пом. кочегаров	22 руб.
» масленщиков и насосчиков	20 руб.
» сторожей	18 руб. *)

Между мастерами высшей квалификации в буровых работах и простым сторожем, как видно и после этой победы разница оказалась всего лишь на 7 руб. 50 коп.

*) Данные из сборника „1905-06-07 гг. в г. Грозном“

Рабочий день для рабочих всех отраслей (эксплоатация, переустановка, городские предприятия) был установлен 12 часов. И лишь в 1906 году, после июльской забастовки грозненские и промышленные рабочие добились установления 8-часового рабочего дня.

Таким образом, революция 1905 года застала грозненский пролетариат — этот основной отряд северо-кавказского пролетариата, в чрезвычайно тяжелом материально-бытовом положении — отсутствие элементарных бытовых условий, отсутствие медицинской помощи и школ, низкая зарплата, продолжительный рабочий день — все это при двойном экономическом гнете русских и иностранных капиталистов оказывало огромное влияние на революционизирование основных рабочих масс. Политический и жандармско-полицейский гнет рабочих аппаратом царской власти в Терской области и в Грозном дополняет картину экономического бесправия рабочих бесправием политическим. Грозненский пролетариат, как и весь русский пролетариат, искал выхода из своего тяжелого экономического положения и политического бесправия на революционных путях. Но этот единственно правильный выход в деле освобождения себя не только от царизма, но и от капитализма был нацелен рабочими Грозного и промыслов не сразу. Мирные иллюзии среди относительно молодого пролетариата были все еще велики. Нужны были события 9 января 1905 г. и развернувшееся мощное забастовочное движение в России, чтобы эти иллюзии постепенно исчезли из рабочей среды. Именно в «пробуждении колоссальных масс к политическому сознанию и к революционной борьбе и заключается историческое значение 22 января 1905 года», — писал Ленин*). Грозненский пролетариат наиболее молодой отряд русского рабочего класса, учился классовый борьбе, классовой организации и сплоченности у передовых пролетариев Петербурга, Москвы, Баку, Ростова. Огромное влияние в деле этого революционного воспитания грозненского и северокавказского пролетариата вообще имела забастовка бакинских рабочих конца 1904 года. Именно с тех пор, как бакинские рабочие во время этой забастовки своим решительным и сплоченным выступлением добились некоторых экономических уступок у нефтепромышленников, началось массовое брожение среди грозненских рабочих, медленно, но верно нащуповавших пути собственной организации и собственного выступления.

«Широкие массы эксплуатируемых, — писал Ленин — нельзя было бы ни коим образом вовлечь в революционное движение, если бы эти массы не видели перед собой примеров, как иземные рабочие различных отраслей промышленности принуждали капиталистов к непосредственному, немедленному улучшению своего положения» *).

Это было целиком верно и в отношении рабочего движения в Северо-Кавказском крае. Этот начинающийся подъем рабочего движения в крае нуждался в своем боеспособном руководстве — в передовой партии, способной воспитывать и руководить им в его борьбе против царизма и капитализма. Единственной партией, взявшей на себя руководство северокавказ-

*) Ленин, собр. соч. т. XIX, стр. 344, 3-е изд.

***) Ленин, собр. соч. т. XIX, стр. 349.

ским пролетариатом и его борьбой в 1905 году, являлась партия революционных социал-демократов, т. е. партия большевиков. Еще с 1904 г. мы имеем отдельные социал-демократические кружки в крае — в Грозном, Владикавказе, на Мин. Водах, на В.ЖЖД и даже в крестьянской Осетии — в Дигории. Но вначале сами социал-демократические кружки были слабы и мало имели влияния на рабочую массу. Однако, понадобилось всего несколько месяцев начавшейся в центре русской революции 1905 года, выходящей широкие слои рабочих в крае, чтобы наиболее революционные элементы этих кружков, т. е. большевики, стали настоящими вожаками народных масс. По мере развертывания событий в самом крае это руководящее влияние революционной социал-демократии быстро росло.

К 1904 и к началу 1905 года относится организация социал-демократических кружков в гор. Грозном. Они создаются на заводе Фаньева (организаторы: бакинский токарь Шевелов и слесарь Колодзев). На промыслах социал-демократический кружок был организован на Колосаевском участке (организаторы — студент Н. Михайлов-Роздорский, курсистка «София»). На железной дороге (организатор бакинец Семен Фioletов, матрос Келлега). Эти же лица создают социал-демократические кружки и среди интеллигенции. В кружках было от 5 до 10 чел. С начала 1905 года члены этих кружков выступают как организаторы рабочих массовок (на железной дороге), распространяют литературу, получаемую из Баку и Ростова, печатают ее на месте на гектографе. Это были первые ячейки грозненской социал-демократической большевистской организации. Городские кружки возглавлялись Осведомительным бюро реорганизованным потом в комитет. На промыслах кружками руководил самостоятельный промысловский партком. Обе организации (грозненская и промысловская) входили в Терско-дагестанский союз РСДРП. В состав Терско-дагестанского союза РСДРП, кроме грозненской и промысловской организаций, входили следующие социал-демократические организации Северо-Кавказского края: Владикавказская, Пятигорская, Дербентская, Темирхан-Шуриинская, Кизлярская, Моздокская и Минераловодская.

Существующая литература о революции 1905 года на Сев. Кавказе умалчивает ту острую борьбу, которая происходила в Терско-дагестанском союзе по основным вопросам русской революции, старается доказать полное единство и «волютивное решение» вопросов в нем. Об абсолютной неверности исторически и вредности политически таких суждений мы будем говорить в своем месте. Здесь отметим лишь, что в Терско-дагестанском союзе РСДРП и его низовых организациях не только не было этого единства, а шла с самого начала сформирования этих организаций серьезнейшая политическая борьба, которая с начала революции 1905 года приняла еще более острые формы. Иначе и не могло быть. В Терско-дагестанском союзе по существу были представлены две партии — партия меньшевиков и партия большевиков. Во главе меньшевиков стояли известные северо-кавказские меньшевистские деятели Ахмат Цаликов, С. Рамишвили, А. Тер-Арутюнов. Большевиками руководили: один из основоположников советской власти на Сев. Кавказе Ной Буачидзе (после приезда из Турции), Стенко и др. Борьба между обеими партиями шла в основном вокруг тех же вопросов, которые

являлись основными и в борьбе большевизма против меньшевизма в общероссийском масштабе. Причем, это была борьба не просто между руководителями социал-демократического движения. В эту борьбу были втянуты непосредственно низовые социал-демократические рабочие массы. Правда, руководство Терско-дагестанским комитетом фактически захватили меньшевики, но зато в низах, в рабочей массе, особенно в Грозненском районе и из грозненских промыслов сильны были большевики. И как только меньшевистское руководство Терско-дагестанского союза стало на путь прямой поддержки кавказских меньшевиков в их борьбе с Лениным и Сталиным, незамедлительно последовал и официальный разрыв большевиков с Терско-дагестанским комитетом.

Как известно, на третьем съезде партии меньшевики не присутствовали и всеми мерами старались дискредитировать и сорвать этот большевистский съезд. Действуя по точным директивам, данным их заграничными руководителями, кавказские меньшевики тоже не только дискредитировали и бойкотировали 3-й большевистский съезд, но созвали и свою собственную кавказскую конференцию, чтобы развернуть широкую атаку против ленинской программы русской революции. Терско-дагестанский комитет в лице своих меньшевистских руководителей, конечно, тоже не признал решение 3-го съезда и принял участие на кавказской меньшевистской конференции. Большевики вышли из его состава. Чрезвычайно важным, показывающим всю остроту этой борьбы, силу и влияние большевиков в рабочей массе, является следующее решение грозненской группы РСДРП: «Принимая во внимание, что Терско-дагестанский комитет — организация отколовшейся части партии, грозненская группа, призывая третий съезд партии партийным съездом, выходит из состава Терско-дагестанского комитета и желает работать или самостоятельно, или же под руководством партийной организации.

2. Принимая во внимание, что Терско-дагестанский комитет обслуживает незначительную часть Терской области (в более крупных промышленных центрах работает наша группа), грозненская группа протестует против предательства Терско-дагестанского комитета на кавказском съезде» *).

Таким образом, терско-дагестанская организация РСДРП встретила основные события революции 1905 года на Сев. Кавказе в условиях не только фактического, но и официального раскола. Грозненская группа большевистских организаций, выйдя из Терско-дагестанского комитета, вступила в Кавказский большевистский союз (через бакинский комитет), которым непосредственно руководил тогда И. Сталин.

Правильность программы и тактики обеих партий — партии большевиков и партии меньшевиков проверялась в ходе самих событий. Боеспособность, бесстрашие, преданность, решительность в борьбе за освобождение пролетариата — все эти качества тоже проверялись в этой непосредственной борьбе. Терско-дагестанские меньшевики доказали в первых же дней революции в крае, что ни одним из этих качеств их природа, конечно, не наделяла.

* См. газ „Пролетарий“, №№ 12, 16 3 августа 1905 г.

Терско-дагестанские большевики, под руководством Кавказского большевистского Союза, во главе с тов. Сталиным, оказались единственной политической организацией партии рабочего класса — партии большевиков, взявшей на себя в 1905 году руководство гегемоном революции — северо-кавказским пролетариатом. Всеми своими успехами и революционной закалкой и революционной организованностью пролетариат был обязан в первую очередь этому сталинскому руководству терско-дагестанских большевиков. Всеми слабостями, оппортунистическими шатаниями и мирными пазюзиями, неудачами и поражением краевой пролетариат был обязан в первую очередь влиянию терско-дагестанских меньшевиков. То и другое сказалось очень ярко на основных событиях 1905 года на Сев. Кавказе.

Итак, разберем эти события в порядке исторической последовательности.

IV. ИЮЛЬСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАБАСТОВКИ.

Рабочее движение 1905 года на Сев. Кавказе прошло через те же этапы, что и революция 1905 года в промышленных центрах России. Массовые стачки в январе и феврале, июль—июльские забастовки, октябрьская всеобщая стачка и, наконец, вооруженное восстание в декабре. Каждый последующий этап в этом рабочем движении характеризуется новым подъемом силы, организованности, сознательности рабочих масс. В этом поступательном ходе рабочего революционного движения от низших форм борьбы — экономических стачек в январе и феврале и до высших форм политической борьбы — декабрьского вооруженного восстания, сказалось непосредственное влияние общего хода революции 1905 года в России. В январе и феврале стачки края (Грозный, Садов, Мин. воды, Владикавказ) носил чисто экономический характер. Но эти экономические стачки имели огромное значение в деле революционного воспитания северо-кавказского пролетариата. Ленин, указывая на колоссальное преобладание вначале экономических забастовок у текстильщиков, у этой наиболее отсталой части тогдашнего русского пролетариата, которые сменились в конце 1905 года преобладанием стачек политических, писал: «Отсюда с полной ясностью вытекает, что только экономическая борьба, только борьба за немедленное, непосредственное улучшение своего положения способно стряхнуть отсталые эксплуатируемые массы, дает им действительное воспитание и превращает их в революционную эпоху — в течение немногих месяцев в армию политических борцов».*).

Действительно, самые отсталые слои в рабочем классе на Сев. Кавказе через эту экономическую борьбу отдельных иногда стихийных и малоорганизованных стачек вначале, постепенно втягиваются в политическую борьбу против самодержавия. Эта политическая борьба еще более укрепляла его силу, еще более закаляла его волю, давала «действительное воспитание масс», ибо, как говорил Ленин, «действительное воспитание масс никогда не мо-

*) Ленин, собр. соч., т. XIX, стр. 348.

жет быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы» *).

Терская администрация бдительно следила за настроением рабочих масс в Области: она делала все попытки взять эту рабочую массу под свое влияние через своих представителей — тайных агентов полиции, ~~рабочее революционное движение по пути «полицейского социализма»~~. При этом, разумеется, она обращала особое внимание на положение основного промышленного центра края — на Грозный, тем более, что под непосредственным влиянием бакинской забастовки конца 1904 года среди грозненских рабочих весьма усилилась тяга к открытию экономической и политической борьбы. Один документ, опубликованный А. Левашовым *), чрезвычайно ярко говорит о работе грозненских зубатовцев. Так, с самого начала 1905 года появляется «проект разрешения рабочего вопроса». Этот проект был разработан по словам его авторов специальной комиссией грозненского технического общества в составе «представителей капитала, знания и труда». Приведем наиболее характерные пункты этого «рабочего проекта», показывающие, какую цель преследовали его авторы: 1) право собраний без участия полиции и администрации, 2) недопустимость вооруженного вмешательства в мирные выступления рабочих, причем полиция и инспекция «не должны проявлять принудительные действия против сторон, а именно против промышленников в смысле неперемennого удовлетворения требований рабочих, против рабочих в смысле неперемennого возобновления работы»; 3) организация советов для каждого промышленного района взамен горно-заводских присутствий, с равным участием в них рабочих и промышленников; 4) объединение промышленников в районные союзы с возложением на них обязанностей ведения рабочей статистики и изучения быта рабочих; 5) «наравне с объединением промышленников и рабочих необходимо объединение инженеров и техников данного района в солидарную группу для поддержания престижа и достойного выполнения, выпадающей на их долю роли **благородного посредника между промышленниками и рабочими**». Кроме того, имеются еще такие пункты «в защиту рабочих»: 1) требовать от администрации и от представителей технического надзора и полиции — вежливого обращения с рабочими и «уничтожение обращения с рабочими на ты». 2) Приведение в порядок казарм и квартир, устройство бань, сушилок для белья и чайных, столовых. 3) Организация бюро юридических советов. 4) Введение страхования и т. д. и т. д. **). Нет никакого сомнения, что «рабочий проект» комиссии «представителей капитала, труда, и знаний» был делом рук полицейских агентов — грозненских зубатовцев, старавшихся задумать революционную борьбу грозненского пролетариата методами «полицейского социализма», отвлечь их внимание от вопросов политической борьбы с царизмом и капитализмом. Нельзя сказать, что зубатовцы не имели никаких успехов в этой работе. Совершенно не случайно, что наиболее решительные успехи рабочего забастовочного движения в Грозном и на промыслах имели не в 1905-

*) Сборник, мат. 1905, 06 и 07 годы в г. Грозном.

***) 1905, 05-06-07 гг. в Грозном.

***) Ленин, там же, стр. 347.

году, а в июле 1906 года. Не последнюю роль в этом деле сыграли зубатовцы, которым на-руку была и вся оппортунистическая практика грозненских меньшевиков (Прохоров, Лазо и др.).

Однако, несмотря на все старания полицейских агентов сорвать революционную борьбу грозненских рабочих, движение пошло вперед. 27 января 1905 года в городе Грозном забастовали рабочие Ахвердова, через день эта забастовка стала всеобщей. 28 января началась забастовка на всех промыслах. Первыми забастовку начали рабочие нефтепромыслов Ахвердова (1500 чел.). Непосредственный повод к стачке в изложении жалоб рабочих заключался в том, что «разрешенные к выдаче главным управлением наградные деньги были разобраны, а рабочим остались крохи» *). Они предлагали вернуть им эти деньги и выдать «наградные» всем рабочим. Таким образом, забастовка рабочих Ахвердовских промыслов положила начало всеобщей забастовке на промыслах и в гор. Грозном. Бастовало около 11 тыс. человек.

Какие требования выдвинули забастовщики?

Орган нефтепромышленников Баку и Грозного журнал «Нефтяное дело» так излагает эти требования: «На общей сходке в этот же день (т. е. 31 января — А. А.) рабочие предъявили требования как непременное условие, без исполнения которых они не приступят к работе. Условия следующие: 8-часовой рабочий день, 25 проц. прибавки к зарплате, а кроме того, рабочие нефтеперегонных заводов потребовали квартиры при заводах, а железнодорожники — удаления некоторых из начальствующих лиц» *).

Кроме того, в числе требований рабочих был и пункт, гласящий, что за время забастовки рабочим должна быть уплачена полностью их зарплата. Такое требование, в частности, выдвинули железнодорожники грозненского депо. Управляющий Владикавказской жел. дороги Инноземцев в своем ответе грозненским железнодорожникам писал, что дорога готова удовлетворить требования рабочих... «о вежливом обращении, но другие пункты подлежат компетенции не управления дороги, а правления и правительства и, что «уплата полного жалования всем рабочим за время забастовок не может быть удовлетворена, так как это поощряло бы забастовку» **).

Всеобщая забастовка продолжалась до 4 февраля. Последними прекратили борьбу рабочие нефтяных промыслов, которые добились незначительных экономических уступок. Городские рабочие возобновили работу на старых условиях.

По своему содержанию и характеру январско-февральская забастовка в Грозном в основном, конечно, была экономической. Основная масса рабочих все еще не осознала ясно необходимости сочетания экономических и политических требований, необходимости направления всего острия борьбы против основного врага экономического и политического гнета рабочего класса

*) Сборник „1905-06, 07 гг. в Грозном“, стр. 66.

**) См. журнал „Нефтяное дело“ № 5, 1905 г., стр. 363.

***) „Национальное движение в период первой революции в России“, сборник документов из архива быв. департа. полиции, Чебоксары, 1935 г. стр. 323.

— против царизма. Но грозненская всеобщая забастовка, протекавшая уже в условиях начавшейся русской революции, имела явную тенденцию к перерастанию в политическую забастовку.

Революционные социал-демократы (большевики) старались направить движение именно в это направление. Иноземцев своей телеграммой 7 января 1905 г. указавшей, что основные требования рабочих подлежат не «компетенции правления и правительства», не сознавая того сам, по существу наталкивал рабочих именно в сторону основного зла — на борьбу политического и социального строя в России.

Во всяком случае полицейские донесения целиком подтверждают то положение, что уже для январско-февральских забастовок была характерна тенденция к перерастанию в политическую забастовку. «По собранным сведениям, — пишет начальник грозненского полиц. отдела — рабочие решили продолжать забастовку в течение недели, т. е. по 7 февраля спокойно, а затем, в случае неисполнения их требований, начать беспорядки^{*)}. При этом начальник грозненского отдела обращает внимание начальства на то, что «с первых дней забастовки присутствуют среди рабочих посторонние лица, которые бывали на сходках рабочих, тщательно скрывали свои физиономии, часто меняли свои костюмы и неизвестно где проживали. Негласно дознано, что таких лиц приехало из Баку 6 человек, что они подготовили забастовку и поддерживают рабочих советами и обещаниями материальной помощи. Кроме того, у этих лиц было желание сойти рабочих на возмущение против правительства путем распространения прокламаций»^{**}).

Хотя рабочие и вынуждены были сдаться 4 февраля, но уроки январско-февральской забастовки показали грозненским рабочим, что одна лишь экономическая борьба, без мощного политического протеста, без организованного политического выступления против самих устоев самодержавного строя, что без всего этого, ни одна экономическая стачка не может кончиться успехом. Рабочие начали осознавать, что за спиной нефтеносных Ахвердовых и владельцев железной дороги Иноземцевых стоит «компетентное» правительство царя, царская жандармерия, царские чиновники. До тех пор, пока царизм чувствовал себя крепко на ногах, ни один Иноземцев и Ахвердов не только не был склонен «поощрять забастовку», но и удовлетворить элементарнейшие экономические требования рабочих.

Экономическая борьба в Грозном в январе—феврале хотя и закончилась безуспешно, в отношении удовлетворения непосредственных требований рабочих, но ее действительный и самый важный успех заключался в том, что она встряхнула самые отсталые слои в рабочей массе, дала им «действительное воспитание», показала им во всей наготе кровожадное лицо царизма и его местных чиновников. И этот основной урок стоял выше всех частичных экономических требований рабочего класса, даже если бы они оказались удовлетворенными.

Надо сказать, что события 9 января 1905 года не только всколыхнули рабочих Грозного и промыслов, но не было ни одного промышленного пунк-

*) Там же, стр. 323.

***) Там же.

та в крае, где бы не происходило глубокого брожения, а иногда и открытого выступления среди рабочих. В январе — феврале и в других рабочих районах края прокатилась волна стихийных экономических стачек. К весне 1905 года подъем рабочего движения края заметно усиливается. 1 мая на группах Мин. Воды происходят политические митинги (Минеральные Воды, Змейка, митинг типографских рабочих в Пятигорске и др.). 3 мая происходит забастовка рабочих на Садоных рудниках (Осетия). 6 мая в областном центре — в Владикавказе началась забастовка рабочих всех категорий от извозчиков и приказчиков до рабочих трамвая и завода «Алагир». «Вечером забастовщики толпами собрались на улицах под руководством неизвестных людей, повидному переодетых студентов, прошли по главному улице города, гасили зажженную по случаю дня рождения государя императора, иллюминацию и пели противоправительственные песни» *) — сообщает начальник терского областного жандармского управления в своем донесении шефу жандармов от 10 мая 1905 года по поводу владикавказской забастовки.

7 мая полиция производит избивание рабочих забастовщиков, при чем 9 человек — руководителей арестовывают. Однако, 18 мая в Владикавказе опять происходит грандиозная политическая демонстрация.

Начиная с мая и в Грозном, в том числе и на промыслах начинается новый подъем забастовочного движения. Некоторые из предприятий начинают массовые увольнения бастующих рабочих. «Идет поголовный расчет рабочих, причем новых принимают в ограниченном количестве», — пишет корреспондент журнала «Нефтяное дело» из Грозного **).

Отражением тех революционных протестов, которые происходили в горском крестьянстве в связи с рабочим движением явилась петиция, поданная наместнику Кавказа представителями Кабарды, Осетии, Чечни и Ингушетии о «предоставлении общественных прав туземному населению ***).

В июле по краю прокатилась мощная политическая забастовка. На этот раз инициативу взяли в свои руки железнодорожники и рабочие депо. Эта забастовка, возникшая последовательно на всех основных станциях и депо Владикавказской ж. дор. (Ростов, Новороссийск, Минводы, Кавказская, Тихорецкая, Грозный, Дербент) прошла весьма организованно и под непосредственным руководством революционных социал-демократов (большевиков). Весьма интересный рассказ о подготовке, характере и ходе этой забастовки мы имеем в донесении по этому поводу начальника владикавказского жандармского управления железных дорог командующему отдельным корпусом жандармов. «По частным сведениям, — пишет названный начальник, — 2 июля в помещении железнодорожного клуба при станции Минводы, состоялся съезд машинистов от всех депо дороги по 2 человека от каждого и решено приступить к забастовке в следующем порядке: сначала депо Мин-

*) «Национальное движение в период первой русской революции» стр. 324.

**) Журнал «Нефтяное дело», № 11, стр. 1209, 1905 г.

***) Материалы Истпарта Терокркома РКП(б). (См. сб. матер. „1905 г. на Сев. Кавказе“).

воды, а затем депо Кавказское, Тихорецкое, Грозненское, Дербентское, Баладжарское, Ростовское и Новороссийское» *).

Сообщая, что в том же порядке были поданы требования рабочим начальствующим лицам дороги он пишет, что начавшиеся забастовки показали, что экономические требования рабочих являлись лишь «подкладкой» для требований политических. В требованиях рабочих были пункты не только экономического характера, но и политического, как например, «отмена войны, народного представительства с подачей тайных, равных и всеобщих голосов за выборных и т. п., из чего видно, что в сущности забастовками руководили злонамеренные лица, принадлежащие к составу революционного комитета. Эти лица снабжали служащих прокламациями самого возмутительного характера и влияли на умы главным образом молодежи в лице пом. машинистов и слесарей. Этот элемент исключительно служил проводником намерений и действий руководящих забастовками лиц, создавая серьезное положение, доводя толпу до озверелого состояния, угрозы же производством насилия и убийств лишали возможности приступить к работе тех служащих, которые не были согласны с забастовщиками» *).

Самый упорный, настойчивый и организованный характер носила забастовка на станции Минводы. «На этот раз Минводы стоят во главе забастовок, — продолжает жандармский начальник, — первые подают сигнал и выдвигают стачку особого характера — мирную, упорную со всеми признаками политического характера. Порядок не нарушается, нет даже обычного пьянства, взаимная сплоченность и террор сделали эту пассивную забастовку крайне затяжной...» **). Это свидетельство жандармского начальника лучше всего говорит о характере и направлении июльской забастовки края. Однако, начальник говорил заведомую неправду, когда он утверждал, что забастовка носила лишь пассивный характер, ибо как он признается дальше, на митингах «речи касались их рабочих вопросов, оканчивались требованием уничтожить правительство, власти и полиции. Сходки заканчивались пением революционных песен и криками — долой самодержавие, долой царя» ***). И такую забастовку начальник называет пассивной забастовкой, но из таких пассивных забастовок родилось декабрьское вооруженное восстание и именно здесь на Минеральных Водах.

Забастовщики Минвод, шедшие, как указывает вышецитированный жандармский начальник, во главе движения, выдвинули еще до начала забастовки ряд требований. Петиция, поданная начальству с изложением этих требований, содержит в себе 32 пункта. 28 пунктов из них чисто экономические — рабочие требуют установления 8-часового рабочего дня, отмену сверхурочных работ, повышение заработной платы, страхование за счет железной дороги и т. д. В числе политических требований имеются пункты: 1) свобода собраний, союзов, стачек, слова, печати; 2) созыв учредительно-

*) Национальное движение в период первой революции. Архив быв. департамента полиции. Стр. 325.

***) Там же, стр. 325.

****) Там же, стр. 325.

*****) Там же, стр. 328.

го собрания на основе всеобщих, равных, прямых и тайных голосов; 3) отмена военного положения на Владикавказской жел. дороге; 4) полное устранение участия жандармерии в делах приема и увольнения рабочих.

Все эти требования были обсуждены и приняты на митингах рабочих. Вокруг этих требований, особенно вокруг политических, требовавших развернулась жестокая борьба между большевиками и меньшевиками. Минводские меньшевики считали, что политические требования, содержащиеся в этой петиции, слишком радикальны, что широкие рабочие массы им не сочувствуют и, что к их предъявлению надо подходить «осторожно», через экономические требования. Однако, несмотря на предательство меньшевиков, все эти требования, сформулированные большевистской группой, были единодушно приняты рабочей массой на митингах Минвод. Более того, предъявив эти требования начальству дороги, рабочие решили в случае отклонения хоть одного пункта, немедленно объявить забастовку. Однако, настроенные широких рабочих масс было настолько боевое, что митинг, собравшийся на второй день после передачи этих требований (10 июля), решил объявить забастовку, не дожидаясь ответа администрации дороги. Срок начала забастовки был назначен 11 июля, в 9 часов утра. В этот день рабочие явились как обычно на работу, но в депо они застали целый батальон Анжеро-Скопинского полка. Это была мера, принятая администрацией, узнавшей о решении митинга, состоявшегося накануне. Но рабочие «приступили» к работе — до 9 часов утра они сумели, как и было условлено, разобрать все части паровоза и спрятать их (подшпинники, валики, контрдышла и др.). Кочегары в это время выпустили пар из паровозов. Уже к 9 часам в депо не было ни одного цельного паровоза, — все они были разобраны. И это все делалось в обстановке, когда буквально за спиной каждого рабочего стоял вооруженный солдат! Кочегар Подкаладов, который должен был дать условный гудок, сумел услышать бдительность своего конвоира — ровно в 9 часов раздался призывной гудок к забастовке и рабочие как один бросили работу. Забастовка началась.

Ни красноречие начальника депо Гаврилова, ни угрозы жандармского ротмистра Щербакова не оказали никакого воздействия на решение рабочих. Движение по главной и Кисловодским веткам прекратилось. Рабочие избрали забастовочное бюро во главе с машинистом Баклюковым. К забастовке присоединились кондуктора, смазчики, стрелочники и носильщики. Даже и рабочие стекольного завода пришли к железнодорожникам с просьбой «принять и их в забастовку».

Администрация дороги, видя, что забастовщики начинали «нагнеть», прибегает к репрессиям.

Первая телеграмма, присланная управляющим дорогой по адресу начальника депо гласит: «Прошу объявить забастовщикам, если в среду по гудку не выйдут на работу, будут уволены *»). Среда пришла, гудок по уже известной причине бездействовал, а забастовщики, вопреки угрозам начальства, держались стойко.

*) „1905 г. на Сев. Кавказе“, сборн. документов и матер., стр. 99

На третий день администрация пыталась восстановить движение на дороге при помощи солдат железнодорожного батальона. Но солдаты оказались плохими машинистами — паровозы портились, выходили из строя и один даже сгорел от неумелого управления. К тому же 14 июля забастовщики предъявили администрации дело новое требование ^{никакого не} допускать не из персонала машинистов, к управлению паровозами.

Но управляющий дорогой Иноземцев был неумолим. После получения сведения о новом требовании рабочих, он прислал почти «философскую» телеграмму: «Скажите рабочим, — телеграфировал он начальнику депо, — что своими действиями они в корне подрывают дисциплину, порекомендуйте им помнить, что никакое хозяйственное дело не может идти, чтобы работники командовали хозяином, что они могут проверить по собственному хозяйству» ***). Эта телеграмма предназначалась для рабочих.

Телеграмма, присланная вместе с предыдущей и предназначенная для начальника депо, гласила: «Прошу никаких уступок не делать, обещаний не давать, служащих, не принявшихся за работу, рассчитывать, удалив с полосы отчуждения» ****). Обе эти телеграммы датированы от 14 июля, но ни та, ни другая не имела никаких последствий. Первая по той простой причине, что революционной социал-демократии не трудно было разоблачить всю ее фальшь и провокационность, старающийся ссылками на несуществующие «хозяева рабочих», сорвать их единства, а вторая потому что начальник депо, явно напуганный развитием событий и стойкостью рабочих, не смел выполнить приказ своего прямого начальника.

В это же время происходят ежедневные митинги рабочих, на которых открыто обсуждаются все политические и экономические требования, предъявленные к начальству, подтверждают предыдущие решения, что рабочие не приступят к работе до тех пор, пока не будут удовлетворены все их требования. «Причина забастовки — агитация приехавшей неучащейся молодежи, экономические требования играют самую ничтожную роль и служат руководителям лишь исходным пунктом для возбуждения полуразвитого, а чаще всего неразвитого слесаря и машиниста»... «Заврапы очень умело воспользовались тем обстоятельством, что группы Минеральных Вод наполнены высокопоставленными лицами. Они внушили толпе, что если прекратить движение по Минводской ветке и погасить электричество в Курзале, то давление этих особ заставит управление дороги исполнить все их требования», — пишет начальник жандармского управления железных дорог *).

Однако, Иноземцев был попрежнему неумолим. 16 июля он опять телеграфирует начальнику депо Минводы: «Распорядитесь о скорейшей выдаче расчета, после чего бригады должны быть выселяемы по распоряжению жандармской полиции из общественных квартир...» **).

**) Там же, стр. 99

***) Там же, стр. 100.

****) Там же, стр. 100.

*) Национальное движение в период первой революции, Архив бывшего департамента полиции, стр. 323.

***) Там же, стр. 102.

Как видим, начальник депо должен был лишь выдать расчет рабочим — полиция уже имела указания о выселении рабочих из квартир. Этой мерой материальных репрессий царская администрация области и управления дорогой хотели сломить сопротивление рабочих, чтобы заставить их вернуться к работе. И, действительно, уже знакомый нам жандармский офицер Щербаков дал рабочим депо трехдневный срок для добровольного выселения. «Выселяли сначала холостых из общежитий. Жандармы и насильственно согнанные носильщики укладывали вещи на подводы. Рабочая молодежь под звуки гармонии и с пением песен вышла из общежитий и тут же на лугу, вокруг подвод с вещами открыли танцы. Подводы были вывезены на степь, рабочие, однако, отказались принять свои вещи и разошлись. Жандармам пришлось продежурить у подвод всю ночь. Перешли затем к выселению семейных. Начали с токаря Герасимова, но тут вооружились женщины. Собравшийся у дома Герасимова «женский батальон» заявил, что обварят кинятком и ротмистра Щербакова и жандармов, как только они посмеют явиться. Чем кончилась бы эта трагикомедия, неизвестно, если бы сама администрация во-время не увидела бы свою глупость — распоряжение о выселении было отменено» *).

Это несомненно была победа организованности, сплоченности, решимости массы. Именно эта организованность и решимость рабочих и их жен заставили и администрацию дороги и жандармерию отменить свое решение о выселении и расчете рабочих.

19 июля, однако, вновь был предъявлен расчет, но расчет рабочие получили, а забастовка продолжалась. 20 июля администрация дороги, видя безуспешность всяких переговоров с рабочими, на основе «добраго мира», посылает железнодорожный батальон новыми силами. Этим путем удается восстановить частичное движение на дороге. И, наконец, 29 июля, т. е. через 18 дней забастовка прекращается.

Мы уже указывали, что железнодорожная забастовка происходила на всех крупных станциях и депо Владикавказской жел. дороги. Через день после начала забастовки на Минводах прекратили работу и рабочие грозненского депо. Требования грозненских железнодорожников в основном были те же, что и требования рабочих Минвод. Орган кавказских нефтепромышленников журнал «Нефтяное дело» так излагает эти требования: «1) Никто не должен подвергаться наказанию за забастовку, 2) уплатить жалование за время забастовки, 3) прекратить вычет на нужды войны, 4) удовлетворить петицию, поданную раньше и в нынешнюю забастовку, 5) вернуть паровозные бригады, находящиеся в оборотном депо, 6) отменить военное положение на всей дороге, 7) установить 8-часовой рабочий день, 8) дать свободу личности, собраний, союзов, стачек и печати, 9) установить ответственность администрации перед судом, 10) созвать всенародное учредительское собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования» *).

*) 1905 год. Сев. Кавказ, статья П. Андреева. Стр. 103.

**) Журнал «Нефтяное дело», № 16, стр. 1673, 1905 г.

Как видим, и грозненские железнодорожники, как и минводские, во время июльской забастовки выдвинули не только чисто экономические, но и политические требования. Более того, терская администрация и начальство дороги считали, что и для грозненских рабочих экономические требования являлись лишь предлогом для предъявления требований политического характера, что в этом отношении, рабочие поддались влиянию революционных элементов, прибывших в Грозный из Баку. Поэтому администрация области принимает все меры к тому, чтобы закрыть доступ бакинских революционных рабочих в рабочие районы Терской области.

На ходе забастовки в Грозном мы не будем останавливаться — тут, примерно, та же картина, что и на Минводах.

Однако, основные требования железнодорожников области остались невыполненными. Каковы же тут основные причины? Самая основная причина, конечно, была заложена в самом ходе общей русской революции. Нельзя было бы думать, что без решающих побед пролетариата в промышленных центрах России северокавказский пролетариат мог бы добиться удовлетворения своих, особенно политических требований, которые прямо касались основ царского государственного строя. От размаха и глубины развертывающихся революционных событий в России, особенно в Петербурге, в Москве и Баку зависела, в конечном счете, судьба и июльской забастовки на Владикавказской жел. дороге. Это, однако, не означало, что северокавказский пролетариат должен был обречь себя на фатальную, выжидательную политику. Такая политика повлияла бы губительно на ход и исход развития самой революции в центре. Размах, сила и мощь движения в низах, особенно в таком районе, как Кавказ, увеличивали шансы на успех всей русской революции. Тут было полное взаимодействие и взаимовлияние. Но решающее слово, конечно, принадлежало петербургскому, московскому и бакинскому пролетариату. При рассмотрении ближайших причин поражения июльской забастовки бросается в глаза оппортунистическое, соглашательское, трусливое поведение меньшевиков с самого начала объявления забастовки. В этом именно и заключалась одна из основных причин того, почему северокавказский пролетариат не сумел в наиболее решительный момент отстаивать свои требования. Не случайно, что и жандармский начальник Владикавказской жел. дороги, говоря о том, что вначале «настроение рабочих было дерзкое, упорное, соединенное в одно желание — отстаивать и уширить круг своих требований», но «затем стал наблюдаться раскол, разделение на партии и обострение между ними отношения» *). Основная причина «обострения этих отношений», этого несомненного раскола, заключалась именно в том, что большевики и революционно настроенные рабочие требовали продолжения забастовки, большего напора, решительности в предъявленных требованиях, в то же время, как меньшевики и эсеры считали возможным разрешить все эти вопросы в мирном порядке, нольской мирной делегации во Владикавказ, сговором между начальством и рабочими представителями.

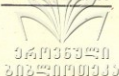
*) „Национальное движение . . .“ стр. 329-330.

Материальные репрессии и материальная необеспеченность рабочих, продолжавших почти 3 недели забастовку, тоже сыграли свою роль. Кроме того, царская администрация и управление дороги сумели силами железнодорожного батальона частично восстановить движение на дороге, производя одновременно аресты среди большевистских революционных деятелей и членов забастовочного бюро. При всех этих условиях рабочие были вынужденными стать обратно на работу. При этом рабочие все-таки одержали одну победу — это неувольнение за забастовку. Была получена специальная телеграмма министра путей сообщения, предлагающая «время забастовки засчитывать как отпуск».

Но июльская забастовка при всей видимой безуспешности имела и свой немаловажный успех: она явилась настоящей политической боевой школой «действительного воспитания масс». Она показала, что одной политической демонстрации все еще мало, надо переходить к высшим формам революционной борьбы — к вооруженной борьбе с царским самодержавием. И северокавказский, в частности — минераловодский пролетариат, этот урок использовал.

Декабрьское вооруженное восстание на группах Минвод именно и было политическим детищем июльской забастовки. Но июльская политическая забастовка имела и другой успех — она призвала к открытой политической борьбе с царизмом и помещиками горское крестьянство.

(Продолжение следует).

Правовой институт тайпизма и процесс его разложения.

I.

Что такое чеченский тайп (род) и какие общественно-экономические принципы устанавливает правовой институт тайпизма?

В своей знаменитой работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» — сокрушительно опровергая мелкобуржуазного идеолога Михайловского, Ленин дает следующую классическую характеристику сущности родовой организации. «Но вот в Америке, — писал Ленин, — богатый материал, собранный Морганом, дает ему возможность проанализировать сущность гентильной организации, и он сделал тот вывод, что объяснения ее надо искать не в идеологических отношениях (напр., правовых или религиозных), а в материальных»¹). Марксистское учение указывает на то, что сущность родовой организации следует искать не в идеологических отношениях людей, а в их материальных отношениях. Именно на основе этих материальных отношений людей возникали и развивались правовые, религиозные и др. отношения родового строя со всеми их характерными особенностями.

Знаменитый американский исследователь первобытного строя, посвятивший себя изучению обычаев и нравов древних индейцев — Морган, в своей работе „Ancient Society“, служившей основным источником известной работы Фридриха Энгельса — «Происхождение семьи, частной собственности и государства», дает следующее определение родового строя у индейцев: «В роде все члены свободны, каждый обязан беречь свободу другого. Все пользуются одинаковыми личными правами; сажем и военачальник не имеют никаких преимуществ; род — это братство, товарищество, основанное на кровном родстве. Свобода, равенство и братство, хотя не сформулированы, составляют, однако, основное начало рода, этой единицы целой социальной системы, этой основы всей организации индейского общества»²). Это определение и характеристику, которую дал Морган индейскому роду, в основном можно применить и к Чечне конца XVIII столетия, ибо в то время в Чечне земля принадлежала не отдельным лицам, а родовым общинам, но уже находившимся в процессе классового разложения.

¹) Ленин. Собр. соч., т. 1, стр. 71, изд. 3.

²) Энгельс. — «Происхождение семьи, частной собственности и государства», ст. 24, изд. 1923 г.

Чеченский тайп — это тоже группа людей или семейств, выросших на основе примитивных производственных отношений, члены которого связаны между собой кровным родством по отцовской линии.

Но чеченский тайповый строй даже конца XVIII столетия не был классическим тайповым строем, не знавший ни частной собственности, ни классов, в котором все основано на свободе, равенстве. Тайповый строй у чеченцев этого периода является продуктом собственного заката, выявления наружу его потенциальных внутренних противоречий, разложения до сих пор казавшихся незыблемыми форм, вытекавших из первоначальных правовых принципов тайпизма (о них мы скажем ниже), которые раньше цементировали тайповый строй и искусственно сдерживали его разложение. Эти старые формы и тайповые принципы уже вступили в противоречие с теми социально-имущественными сдвигами, которые с каждым днем возрастали внутри отдельных тайповых ячеек. Юридическая оболочка тайповых корпораций уже не соответствовала имущественной структуре, реальному основанию разлагающихся тайпов.

Однако, была очень важная причина внешнего характера, которая сохранила в силе «старое право» и «гармонизировала» его с происшедшими новыми сдвигами. В самом деле, малочисленные чеченские тайпы жили в это время в окружении более сильных соседей (казаки, грузины, турецкие народы, племена Дагестана), которые время от времени посягали на вольность чеченцев. Эти внешние условия, прежде всего, сильно повлияли на сплочение тайпов и эта сплоченность придавала вид (конечно, только вид) равенства, братства, защиты интересов друг друга.

Экономической основой тайпов являлись следующие три фактора: скотоводство, охота, земледелие. Скот является тем базисом, который определяет специфические особенности чеченского тайпа того периода (об этом будет сказано ниже). Поля и усадьбы являлись важнейшей частью тайпового имущества.

Майсты был культурно-политическим центром тогдашней тайповой Чечни. Здесь собирались официальные совещания тайповых тхаматов (старейшин) для обсуждения адатно-тайповых вопросов, решения которых были обязательны для всех тайпов Чечни.

Первый чеченский историк Умалат Лавдаев пишет по этому поводу, что «старикам всех окрестных фамилий стали собираться для совещания о прекращении беспорядков в стране. На совете ими определялось, какое возмездие должно последовать за различные преступления. Старикам возвращались домой, объявляли фамилиям устно свое постановление и заставляли бляться свято исполнять их»¹⁾. Из таких определений на этих совещаниях-советах стариков слагался постепенно у чеченцев адат или адат — обычное право.

II.

Патриархально-тайповые устройства в качестве политической надстройки предполагает адат, который несомненно проводит интересы тайпового

¹⁾ У. Лавдаев. „Чеченское племя“ (Сб. свед. о кавк. горах, VI, 24)

стройка. Адат — это обычное право, впервые созданное на основе этномики и быта кочевых скотоводческих племен Аравии. Адат затрагивает вопросы, непосредственно соприкасающиеся с бытом. Сюда относятся вопросы уголовного порядка, семейные и наследственные.

Какие же общественно-обязательные принципы устанавливает этот институт чеченского тайпа для своих сородичей?

Основных общественно-обязательных принципов, устанавливаемых правовым институтом тайнизма для сородичей и обществ, по крайней мере, двенадцать.

1) Единство и неизблемость тайновых отношений для каждого сородича тайпа.

2) Объявление всем тайпом кровной мести другому тайпу за убийство и общественную дискредитацию члена данного тайпа и удаление его из родного аула, с правом поселения вдали от места нахождения потерпевшего тайпа. До ее исполнения стороны стараются примириться, особенно провинившаяся сторона. Тайп убийцы предлагал тайпу убитого условия примирения. При этом, условия бывали различные, в зависимости от положения того или другого тайпа. Так, например, за убийство члена крупного, знатного тайпа нужно было платить 126 коров. Рана, нанесенная ему огнестрельным оружием, стоила 20 коров; за попытку покушения огнестрельным оружием и осечки при этом — 60 коров. Член маленького, слабого тайпа стоил третью долю, т. е. 42 коровы. Раны, нанесенные ему огнестрельным оружием — 6 коров и т. д.

Принимались условия примирения, — дело оканчивалось. В случае отказа примириться, обиженная сторона выбирала кого она намерена убить, обычно выбирали *Kūg bekh-pag* (виновная рука). На такой выбор тайп убийцы не имел права возражать. Убийством этого виновника заканчивалась кровная месть.

3) Безусловное запрещение брака между членами одного тайпа. Из всех тайновых обычаев наиболее прочно держалось запрещение брака внутри тайпа; оно продолжает держаться относительно крепко и сейчас. Родственница по отцовской линии на 10—15 и более поколений считается сестрой любого члена тайпа, тогда как самый близкий родственник по материнской линии — сама мать и та не является однотайповцем. Отдельные смельчаки, ставшие из-за любви на путь нарушения принципа тайнового брака, например, цадахроевцы, преследовались общественным мнением, не только данного тайпа, но и всех тайпов.

4) Оказание тайновой помощи в случае бедствий или несчастий отдельным членам тайпа.

Несомненно пережитком, или вернее остатком этой тайновой помощи являются так называемые «белхи» (взаимопомощь), которые широко использовались до последних дней, главным образом, кулачеством и духовенством.

5) В случае смерти члена тайпа — объявление траура всем тайпом. Строгое воздержание от участия в увеселениях. Траур долго продолжался для близких сородичей, а наиболее отдаленные снимали его через определен-

ный промежуток времени, с разрешения ближайшего родственника умершего.

6) Обязательность и беспрекословность в решении и постановлении тхамы тайпа или нескольких почетных лиц «совета» тайпы для каждого тайповца. Тхамата не избирался, а сам выдвигался, в силу своих выдающихся качеств и, как правило — хозяйственно-хозяйственное лицо или духовный авторитет.

Тхамата тайпа нес нравственную ответственность за поступки члена тайпа, а члены тайпа должны были беспрекословно слушаться его, как блюстителя чести всего тайпа. Хозяйственной и правовой жизнью тайпа руководил он же, почет и уважение которому был первым долгом для всех остальных. Заинтересованный член тайпа извещал тхамату о своем неотложном вопросе (раздел двора, предстоящее бракосочетание, имущественный спор и т. д.), не могущем быть разрешен и главой двора. Собирались почетные старики во главе с тхаматой, для разбора вопроса, их решению подчинялись все. Молодежь и женщины в разрешении этих вопросов не участвовали. Такое явление настолько глубоко вкоренилось, что еще при советской власти, в первые годы, на сходы нередко являлись одни только старики.

7) Бесправное положение женщины в решениях правовых вопросов тайпа. Женщина была превращена в простую вещь. Так, например, известно, что: «если кто задолжал так, что не может расплатиться деньгами, то он без позволения заимодавца, не может выдать замуж свою дочь, пока окончательно не расплатился с долгом»¹⁾.

Муж был хозяином и господином своего положения, жена была унижена, была рабой своего мужа, годной только рожать детей. Она было подчинена неограниченной власти мужа, она не садилась при муже и не ела вместе с ним. Избивая, терзая ее, муж пользовался своим обычным правом. Однако, убийство женщины было и остается большим позором у чеченцев. С замужеством женщина не выходит из членов своего тайпа и не теряет права на наследство от своего отца.

Дети ее не наследуют ничего после ее отца. Они считаются и навсегда остаются, как мы указывали выше, членами тайпа своего отца. Если, случилось, что чеченец убил свою жену и она не имела детей, то он должен был заплатить родственникам ее 85 коров. Если же убитая им жена имела детей, то он платил только 12 коров. Вообще, муж-убийца своей жены, бывал сильно презираем и не мог более показываться ни в каком обществе²⁾.

8) Право на усыновление посторонних лиц и этим самым — принятие в состав своего тайпа. Тайп с большим торжеством принимал в члены своего тайпа постороннего человека, при этом вступающий обязан был зарезать быка для этого торжества.

9) Переход имущества умерших к остальным сородичам в самом тайпе.

¹⁾ Леонтович. «Адаты кавказских горцев», стр. 115, изд. 1883 г.

²⁾ См. об этом у Леонтовича — «Адаты кавказских горцев», стр. 114—115.

При этом, на долю члена мужского пола приходилась одна вторая часть, а на долю женского пола — $\frac{1}{4}$ часть.

10) Каждый тайп имеет свое определенное имя, которое принадлежит исключительно ему одному. Тайп занимает особую территорию и имеет свою тайповую гору. Например, «Бавлай лам», «Чантый лам», «Беней лам» и т. д. и т. д. (лам по-чеченски — гора).

11) Тайп имел отдельные тайповые кладбища. На них хоронили только членов данного тайпа. Со времени роста населения и усиления малоземелья этот принцип стал нарушаться и тайповые кладбища превращались в междутайповые.

12) Тайповое гостеприимство. Тайп и его члены чрезвычайно дорожили гостеприимством, а плохой и неприветливый уход за гостем заслуживал общественного презрения и нареkania со стороны других.

В этих 12 основных пунктах изложены все права и обязанности чеченского тайпа. Однако, вся жизнь семьи чеченца, весь семейный бытовой уклад пропитан насквозь, нормирован, еще так называемым, житейским правом: как говорить с женой при людях, в семье; как говорить с детьми при старших, при младших, при родственниках, при посторонних; как вести себя дома, в гостях; что делать при встрече со взрослым, с молодым; как помочь старику сойти с лошади, или садиться на лошадь; как ухаживать за гостем, что и как говорить с ним; кому уступать правую сторону от себя и кому не уступать; как нужно садиться за еду, как нужно есть дома, в гостях — обо всем этом и подобном были свои правила, установленные, принятые.

Таковы общественно-обязательные принципы правового института тайпа. Они соответствовали социально-экономическому строю этого тайпа. Их цепкие устои были крепки и ненарушими и каждый чеченец свое поведение и поступки строго подчинял им.

Рассматривая эти алаты, знакомясь с ними, наблюдая их практическое преломление в жизнь, мы должны подчеркнуть их сугубо классовый характер, ибо несомненно одно, что и алат выражал интерес определенной социальной группы, которая занимала господствующее положение в этом обществе.

Даже в первобытном обществе, где родство и кровнородственные отношения занимали исключительно большое место и, несмотря на господство здесь первобытно-коммунистических отношений, старейшины рода, пользуясь своей властью, занимали господствующее положение. «В первобытном обществе, когда люди еще жили небольшими родами, — писал Ленин, — находясь на самых низких ступенях своего развития... мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода»¹⁾.

Алат неодинаково защищал права сильных и слабых. Возьмем, например, фамильно-тайповый принцип адата. О чем этот принцип говорит? Он говорит, что все члены данного тайпа между собою братья и сестры. В случае горя или несчастья для кого-либо из них, остальные должны его

¹⁾ Ленин. Собр. соч., т. XXIV, стр. 365.

поддерживать. А на самом деле эта поддержка оказывалась далеко не одинаково всем. Слабому, обычно, эта помощь оказывалась ²⁻³ меньше, тайна (и те тайны же слабыми, как и он), а сильному, состоятельному авторитету должны были оказывать и оказывали все, весь тайн.

Еще более неприкрытый классовый характер носила практика уважения и почестей представителям сильного и знатного тайна, конечно, таким уважением и вниманием далеко не пользовался неимущий, слабый. Мы это видим и на примере кровной мести, когда за убийство слабого, да еще и малочисленного тайна нужно платить трижды меньше, чем за знатного и состоятельного.

И адат не преследовал, не клеймил презрением такое отношение к слабым, несостоятельным. Он, т. е. адат, носит совершенно явно и недвусмысленно выраженный классовый характер, направленный к благо и защите интересов знатных, состоятельных, богатых.

Элементы классового неравенства в тайне чувствовались в порабощении женского пола мужским и бесправности молодежи перед патриархальными стариками. Это положение в глазах чеченца являлось как бы вполне естественным, рожденным вместе с ним. Разумеется, он не создавал, что это есть проявление общественной несправедливости, созданной их же историей. Еще и сейчас кажется многим идеальной и достойной подражания поведение женщины-чеченки в прошлой общественной жизни. Есть даже и такие товарищи, которые пытаются делить эти обычаи на «весьма полезную» часть и вредную, что, разумеется, недопустимо.

Они не видят в бесправном положении горянки никакого классового угнетения. Между тем, это является глубоко неверным и ошибочным взглядом: «первое разделение труда произошло между мужчиной и женщиной для рождения детей... первое классовое противоречие, проявляющееся в истории, совпадает с развитием антагонизма мужа и жены в индивидуальном браке, а первое классовое угнетение — с порабощением женского пола мужским»¹⁾.

Этого вполне достаточно, чтобы убедиться в ошибочности подобного взгляда, т. е. того взгляда некоторых товарищей, которые пытаются поведение горянки в прошлой общественной жизни, описанной в п. 7, делить на «весьма полезную» часть и вредную.

В истории Чечни мы знаем только патриархат, где общественная жизнь тайна была построена на основе отцовского права и индивидуальной формы брака с патриархальной семьей, с которой человечество «вступает в область писанной истории» (Энгельс).

«Индивидуальный брак, — пишет Энгельс, — явился исторически прогрессом, но вместе с тем он открывает, наряду с рабством и частным богатством, ту длящуюся поныне эпоху, в которой прогресс является одновременно относительным регрессом, когда процветание и развитие одного осуществляется за счет ущемления и оттеснения другого»²⁾.

¹⁾ Энгельс. „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, стр. 65.

²⁾ Там же.

Так определил Энгельс историческую роль и место индивидуального брака.

Таким образом, следует подчеркнуть, что чеченская тайповая община, сформировавшаяся на началах господства патриархальной семьи, была общиной с элементами классового неравенства.

Конечно, тайповая община не знала таких острых форм классовых столкновений, каких хотели бы видеть некоторые товарищи. Ей еще чуждо было обращение людей в лаев (рабов) и насильственный захват имущества отдельных его членов другой ее частью. Но тем не менее патриархальный тайп был почвой, на которой росли семена общественного неравенства. Господство тайповых тхаматов, собственнические стремления отдельных клеток тайпового организма, униженное положение женщины — все это с самого начала было социальной язвой на теле тайпа. Эта язва с ходом истории все больше и шире пробивала себе дорогу, шаг за шагом открывая клапаны для классового разложения и жестокой и непримиримой классовой борьбы.

То, что было естественно и вытекало из характера социально-экономической структуры тайповых общин того периода, на новом этапе становится тормозом всякого прогресса. Адат превращается в свою прямую противоположность, в собственное отрицание. Ибо развитие производительных сил не могло получить дальнейшего роста в старых формах, в тесных рамках патриархально-тайпового строя, патриархальной экономики и столь же консервативного теперь правового института тайнизма.

Адат должен был уступить свое место другому правовому строю, который вырастал из него самого же. Тайповая община разлагалась и на ее развалинах в Чечне появились крупные землевладельцы, скотоводы, безземельные и рабовладельческие элементы.

III.

Марксистское учение об общественно-экономических формациях показывает, что проблема рабства есть прежде всего проблема классового образования. Однако, марксизм не позволяет превращать рабовладельческую формацию в какой-то универсум. Наоборот, марксистско-ленинское учение устанавливает, что у древних германцев, у кельтов, скандинавов, славян не было вовсе этапа рабовладельческих формаций, так как у них процесс классово-образований начался с феодального общества.

Это отнюдь не означает, что кельты, славяне и другие не знали рабства, напротив, без рабства не могло произойти и разложение до классового общества, с которого начали эти народы и этнические группы свое общественное существование. Но рабство у всех этих народов не вылилось до рабовладельческой системы. Там рабство существовало, но не как вполне сложившийся общественно-экономический уклад. Такое рабство совершенно не чуждо и чеченской истории.

Развитие материальных производительных сил, обусловленное новыми производственными отношениями людей, вызвало разложение чеченских тайповых общин и обусловило появление на арене общественных отношений лаев и эли (раба и князя). Началась борьба за человеческий труд, который должен был быть приложен к средству производства.

Старые границы тайнового способа производства сделались тесными, в первую очередь для тайновых вожakov (тхамадов). Теперь ему нужно было захватить веками нажитые богатства тайнов, стать его реальным владельцем и вести это хозяйство силами лаев (рабов). Тайновые «кнззы» оказывали решительное сопротивление захватническому образу жизни тхамадов, которые пытались обогатить себя за счет интересов.

Они не могли отстоять и сохранить прежний способ производства. И история делала свое великое социальное дело. Началась эпоха экспроприации тайнов «движущими пружинами», которой явились ложь, насилие, измена, бесстыдные, грязные, отвратительные и мелочные страсти, присутствие варварам».

Развертывается жестокая борьба различных общественных слоев. Эта борьба захватывает как внутреннюю, так и внешнюю жизнь чеченских тайновых общин, принимая формы открытых социальных конфликтов внутри тайнов и между отдельными общинами. Такими конфликтами несомненно являются битва падхароевцев (Джели) против дышнинцев (Тусхарой), неоднократные сражения Батагова Чокала (Майстинского) против шедолоевцев (хевсур) и баоевцев (тушин), преследовавшие цель захвата территории, угон скота, превращение захваченных пленников в рабство и т. д.

«Яблоком раздора» прежде всего была земля, вокруг нее разгорались главные бои.

«Кнззкы» — вожаки отдельных тайнов и вообще наиболее видные представители сильных и крупных тайнов первыми завладели почти всеми значительными земельными пространствами, а наиболее слабые и малочисленные общины оказались сильно ущемленными.

У нас нет точных данных на этот счет. История не записала и не сохранила их. Тем не менее один довольно правдоподобный рассказ бавлоевского старика Эгиша утверждает, что «приблизительно лет 180 — 200 тому назад в Аргунской долине (нынешний Итум-Калинский район) самыми сильными, крупными землевладельцами были дышнинцы с их вожаком (тхамадой) Тусхароевским Усуром. Дышнинские вожаки свой скот обычно передавали на зимовку падхароевцам (Итум-Кали), при этом падхароевцы обязаны были каждую весну, при возвращении этого скота обратно дышнинцам со всем приплодом, возместить им и всю ту естественную убыль, которую терпел этот скот в течение зимы.

Возмущенные такими несправедливыми требованиями, падхароевцы восстали против дышнинцев во главе с сыном Итона, Джели. При поддержке своих сородичей и джайского (аварского — М.) князя, Джели одержал победу над дышнинцами». Характерно последующий этап борьбы падхароевцев: «Победив дышнинцев, — продолжает рассказывать Эгиш, — падхароевцы захватили огромную земельную территорию, основательно потеснив тусхароевцев, хачароевцев, дзумсоевцев и др. Самы заняли княжеское положение, а обезземеленных Бачаговых, Бурсаговых, Цапахоевых сделали лаями (рабами) у заслуженных вожakov Падхароевых и Кимиевых». Как бы для большего доказательства своих слов Эгиш добавляет, что «в память этой знаменитой битвы падхароевцев против дыш-

нинцев, недалеко от сел. Итум-Калэ и поныне сохранились кладбища «Над-каш».

Это предание может быть страдает и новейшими наслоениями. Тем не менее в нем отражена некоторая историческая правда. В чем социальный смысл изложенного события? Смысл события заключается в том, что произошла жестокая борьба между экономически сильной верхушкой — княжеские захваты, за безраздельное господство над общиной, за порабощение и закабаление ее людских масс.

Такой процесс разложения тайновых общин приводил и к тому, что складывающаяся имущая группа «владела, — писал Ленин, — не только всеми средствами производства — землей, орудиями, как бы примитивны они тогда ни были, но она владела также и людьми»¹⁾.

Останавливаясь на внешних столкновениях и конфликтах чеченцев с другими племенами и народами, следует говорить о конфликтах чеченцев, главным образом, с шедаювцами (хевсурами), боцоевцами (тушинами), кабардинцами, кумыками, калмыками и др. (это до появления русских).

Набеги на другие племена у чеченцев были развиты еще значительно раньше. Так, например, нам известно, что еще в 1708 году калмыцкий Аюк-хан давал клятву русскому царю: «об удержании Чеметея и Мункотемпиря от набегов и преследований ногайцев и чеченцев»²⁾.

Наиболее характерные и главные из этих столкновений чеченцев с другими племенами в народной поэзии и рассказах получили свое отражение. Из множества рассказов и песен, посвященных им, остановимся лишь на одном, на рассказе «Битва Чокала». Этот рассказ посвящен одному из наиболее удачных набегов Чокала — легендарного военачальника, в то время самой сильной майстинской общины. «Много лет тому назад, — говорится в рассказе, — Майстинский Чокал со своей *ghera* — гера (дружиной) в 40 всадников двинулся на богатую Амбарчи (Тушетню) с целью ее захвата. После полудневной боя Чокал занял Амбарчи. Подняв над ней герское знамя, объявил эту территорию своей. У населения забрал все имущество (скот, медь, серебро и прочее), плюс к этому забрал оттуда 18 человек пленных бацоевцев».

Восемнадцать беззащитных пленников Чокал взял не для их праздных прогулок. Для берий (наездника), а для бяччи (военачальника) тем более, занятым «почетным ремеслом», нужны были и человеческие руки для обработки земельных участков и ведения всех черных хозяйственных работ, ибо это не их дело. Они презирали такую работу. Взоры их были обращены на разбой и легкую наживу. Их дело — *berešc vaxar* (наезднический образ жизни), *honsie vaxar* (жить набегами за добычей), — вот чем увлекались почетные господа.

Вот эта практика пленения людей в племенных столкновениях в Чечне явилась той исторической репетицией к рабству, о которой говорит Фридрих Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

¹⁾ Ленин. Собр. сочин., том XXIV, стр. 366.

²⁾ А. Бергс. «Чечня и чеченцы», стр. 140.

Сначала рабовладение в Чечне ограничивается военнопленными, но постепенно, принимая довольно широкий характер, распространяется на местное население. Почувывая пользу от раба, рабовладелец начинает охотиться за ним. Этому способствовала и знаменитая северная торговая дорога¹⁾, которая связывала Чечню с Анапой, а через последнюю, — Бонстантинополем, где находился в то время крупнейший рынок рабов. Вывозили рабов также в Кабарду и даже в Персию.

«Я лично в Кукурджане (Кабарда—М.) видел, — пишет Тульчинский, — старика-чеченца, бывшего пленного холопа, поэтому и фамилию ему дали «Чеченов»²⁾. Еще и сейчас многие чеченские старики помнят, кто кем продавался и кто у кого находился на положении лая (раба). Многие старики помнят, как заботливая мать охраняла, не упуская из дома своего ребенка, боясь похищения его работорговцами.

В селении Харне Медхальского общества в боевых башнях, ныне принадлежащих Матиевым, и по сей день висят цепи, в которые заковывались неслары — пленники. Ларми — клетки для заключения пленников имеются почти во всех боевых башнях Чечено-Ингушетии.

Пленение и продажа людей в Ингушетии также было довольно развитым ремеслом. Чаще всего продавали сирот, детей и вообще слабых, незащищенных людей. Их дарили и продавали натурой.

Девяностолетний старик Сальмурза Калоев из селения Альтиева рассказывал нам, как он был продан в качестве раба кабардинским князем, а после был выкуплен Мальсаговыми³⁾.

Из материалов, собранных научно-исследовательским институтом Чечено-Ингушетии, нам известно, что Хайта из Шароя, Доса из Чиноя были проданы Гендергеновыми из Урус-Мартана. Бузурт из Валерика был продан Цицхалгом из того же Валерика. Анга и Хаса из Гези-юрта были проданы Алхазуром из того же Гези-юрта. Асхад и Ташу из Галанчожской Акки были лаями у Хаджиевых из Валерика. Лекаевы, Юшаевы, Аматиевы, Дадиевы и другие из Кень-юрта были лаями у Шантукаевых из того же Кень-юрта — владельцев всей западной части обширной Кизлярской стены и больших стад скота. Хунгиевы, Балдаевы, Бункишевы и другие из селения Шеди-юрта были лаями у Эльбиевых из того же Шеди-юрта — владельцев более 14 тысяч голов одной только баранты.

Автор двухтомного сборника «Адаты кавказских горцев» проф. Леонтович пишет, что уже в 1840 годах «в массе народонаселения находится в Чечне немногочисленный класс личных рабов и происходящий от военнопленных. Он (т. е. класс личных рабов, увезенных из других племен—М.) ежедневно увеличивается вновь захваченными в набегах. Хотя состояние тех и других почти одинаково, однако же существует между ними различие: первых зовут лаями, вторых — несларами; последние тем разнятся от первых, что судьба их не совсем еще определена. Неслар может быть и выкуплен и во-

¹⁾ Подробное описание этой дороги дано проф. Яковлевым в работе «Вопросы изучения чеченцев и ингушей».

²⁾ Н. Тульчинский. «Пять кабардинских обществ».

³⁾ Материалы, собр. Х. Б. Ахриевым.

⁴⁾ Проф. Леонтович. «Адаты кавказских горцев», т. II, стр. 80—81.

ротиться на родину, тогда как лай, забывший свое происхождение без связи с отечеством своих предков, составляет неотъемлемую часть своего господина»⁴⁾.

Такой лай стоял весьма низко в общественном быту, не имел никаких средств производства, работал на своего владельца и целиком зависел от него. Он не имел права выступать в общественном месте со своим именем, садиться в присутствии привилегированных, принимать участие в общественных весельях (свадьбы, вечеринки и т. д.), ухаживать за девушками, особенно, если она из привилегированного тайпа, а также не имел права и жениться на ней. Так, например, еще совсем недавно, лет 60 тому назад в сел. Кень-юрт был весь изранен кивжалами лай Лекаев Арсби за то, что он ухаживал за девушкой Жаннатий из Зондакоевского тайпа.

Лучшим оружием в то время в Чечне считалось: *istamala barh saqoluq mažar* — стамбульское 8-гранное ружье, *osmaloj tapča* — турецкий пистолет, *ghirmi mažar* — крымское ружье, которые обычно покупались за лая—раба.

Таким образом, лай был не только рабочей силой, необходимой для своего применения в хозяйстве, здесь он меньше всего получал применение. Лай здесь прежде всего был предметом торговли и сбывался далеко за пределами Чечни. Это не меньше нужно было лаявладельцу, мечтавшему о золоте и серебре для украшения талин, о хороших красивых ружьях, шапках, пистолетах, о железных вещах, нужных в хозяйстве и др. Их не было в отдаленных Чечне, приходилось приобретать извне, главным образом, на восточных рынках, где легче всего можно было получить их за живого человека.

Следовательно, и здесь побывали рабы и рабовладельцы.

Но рабство в Чечне далеко не достигло своего расцвета. Здесь оно не сложилось как развитая, полнокровная социально-экономическая формация и была прервана на пути своего младенческого развития, далеко недоразвившись до рабовладельческой системы, как например, в Кабарде.

Почему же рабство в Чечне не получило своего полного развития? Это особый вопрос, требующий отдельного рассмотрения.

IV.

С конца XVIII столетия в Чечне происходит междутайповая борьба, в основе которой лежит борьба экономическая — угон скота, захват тайповых пастбищ, пленение более знатных лиц тайпа, с последующим возвращением за определенную дань. Все это уже соответствующим образом обобщивалось принципами правового института с целью сохранения чести и славы тайпа, вплоть до того, что разрешалось похищение трупов, с целью получения дани или оскорбления чести противника.

Эта борьба приводила к усилению экономической мощи одних тайпов за счет других, и при этом награбленное распределялось не пропорционально между членами тайпа, а между фактическими участниками, и то отдавая львиную долю руководителям подобных набегов, что приводило к созданию определенной группы имущих лиц, т. е. таким образом эти грабежи — «источник первоначального накопления», тоже лежали в основе начавшейся дифференциации внутри тайпа.

Этот период истории Чечни знает таких известных бичей (военопа-

чальников), геры (наездных дружин) как Мусост Безнев, Джаммирза Мадаев, Бейбулат Теймиев, Шахмирза Зайтнев, Ахмат Автуринский, Дада (воспитатель знаменитого села Дали-юрт), Чулик, Дуба, Астемир Шатоверский, Бичи и др. Набеги этих гер (дружин) содействовали ускорению процесса имущественной дифференциации и на почве скотовладения и накопления разных сокровищ.

Геря является той средой, в которой лучше всего происходит не только превращение личной доблести в знатность и в храбрость — в *shejoquš dik'añ khant* (знатный человек), но и выделение групп имущих из общей массы военной дружины — геры, т. е. самый ход того процесса, в силу которого отважный и прославленный беры (наездник) накапливая, превращался в богача.

Возьмите для примера недавно сметенный помещичий букет Чечни: Дубаевых, Чуликовых, Шамуразаевых и пр. Прапредки всех их были главарями дружин, бичами или видными прославленными представителями в этих герах¹⁾.

Набеги выродились в систематические разбои «ради приобретения скота, рабов, разных сокровищ, и награбленное считалось законноприобретенным. Одним словом, богатство считалось и почиталось за высшее благо и для оправдания грабежа — злоупотребляли родовым институтом»²⁾. Таким образом, грабеж, который вчера считался по адату тяжелым преступлением и жестоко преследовался, сегодня занимает почетное место в обществе.

Биччи (военачальник) у чеченцев также, как и у ирокезов³⁾ мог быть и не членом тайпы, тогда как тхамата должен был быть обязательно членом тайпы.

Патриархально-тайповый строй, семейно-фамильные отношения, основанные на непрерываемом авторитете старшинства и полном подавлении отдельных личностей тхаматой тайпы с начала первой четверти XIX века в Чечне, дали весьма существенные и глубокие трещины.

Идет усиленное раскрепощение индивида из железных оков тайпового начала и даже женщина разгибает свою спину и утверждает кое-как свое право на человеческое существование. Вступив полноправной четой в число семейных тайповых родственников, молодая пара — муж и жена, уже входят обычно в число отдельных хозяйств родного аула. Молодая пара старается постронть себе отдельный домик, получить отдельный земельный участок и завести свое собственное хозяйство. «Получивши, таким образом, свой годовой участок, делается полным его хозяином, разрабатывает его

¹⁾ Этим мы отнюдь не хотим сказать, что чеченский тайп впервые разложился на различные социальные слои в результате разбойничьих набегов. Мы подчеркиваем это как один из решающих факторов, послуживших этому процессу. Мы знаем, что даже патриархально-тайповый строй, где исходной формой собственности на средства производства является не личная собственность, а патриархально-тайповая, не исключает, а наоборот, даже уже на этой стадии предполагает наличие элементов классовых противоречий.

²⁾ Энгельс. — «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 34.

³⁾ Об ирокезах. См. там же.

⁴⁾ Леонтович. «Адаты кавказских горцев» стр. 79—80.

сам или отдает его другому на известных условиях»¹⁾. Таким образом, появляется частная собственность на землю даже с правом пользования арендой.

Внутри одного и того же тайпа каждая семья отдельно ведет свое хозяйство. Интересы отдельных семей все чаще и чаще идут вразрез с тайповым единством. Они постепенно раздирают тайп изнутри. «В родовой или сельской общине, — писал Энгельс, — с общей собственностью на землю... само собой подразумевается довольно равномерное распределение продуктов; где же возникает более или менее значительное неравенство в их распределении между членами общины, это служит уже признаком начавшегося разложения последней». И дальше: «Одновременно с появлением различий в распределении продуктов, возникают и классовые различия»²⁾.

Одни семьи богатеют, другие беднеют. Одни и тот же тайп постепенно расслаивается на семьи разного достатка — на богатые и бедные, и как бы ни был этот тайп дружен и сплочен в отдельных торжественных случаях жизни, это несколько не помешало росту неравенства и недовольства между отдельными семьями тайпа.

Скот, тоже являясь частной собственностью индивидуальных лиц, был основным мерилом стоимости у чеченцев, его охотно принимали в обмен на другие продукты и товары. Так, например, хорошее седло стоило 3 коровы, среднее—2 коровы, хорошая кремневка „*mataloj sarrah*“ стоила семь коров и т. д. Одним словом, скот получил значение денег и исполнял эту функцию у чеченцев долгое время. Все это уже являлось серьезным началом развития товарного хозяйства. А «рука об руку с распространением торговли, денежного обращения, ростовщичества личной земельной собственности и ипотеки шла быстрое сосредоточение богатств в руках немногочисленного класса и столь же быстрое увеличение многочисленного класса бедных»³⁾.

Процесс общественного развития Чечни с этого момента характеризуется развитием классового расслоения в самом ауле, проникновением торгового и ростовщического капитала и резким усилением эксплуатации кулаков. Уже во второй половине XIX века мы имеем в Чечне крупных землевладельцев-помещиков, кулаков-скотоводов. Таковы, например, Дубаевы, Мустафиновы, Турловы, Саралиевы, Эльмурзаевы, Курумовы, Чермоевы, Алхазовы, Шенгукаевы, Шидиевы, Эльбиевы, Арагирхаджиевы и многие другие, успевшие захватить в свои руки большие земельные участки и нажить крупное скотоводческое хозяйство.

Значительные и наиболее плодородные земельные площади были захвачены отдельными фамилиями и лицами. В результате огромное большинство населения было совершенно обезземелено. Уже в 1880—90 годах чеченские кулаки и помещики ежегодно экспортировали в среднем до

1) Энгельс. „Анти-Дюринг“, стр. 136—137, изд. 1931 г.

2) Энгельс. „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, стр. 62.

3) Архив канцелярии Начальника Терской области. Дело № 102/69, по описи № 643, 1884 г.

200.000 пудов хлеба¹⁾), экспортировали также шерсть, масло и живой скот.

Чеченский тайповый строй, таким образом, сам создал материальные средства для своего уничтожения. Теперь в его недрах «начинают превалить силы и страсти, которые чувствуют себя скованными старым способом производства»¹⁾.

Таким образом, гибель старого быта, патриархально-тайповых нравов, сопровождается выделением определенной группы имущих людей, в руках которых, благодаря удачным походам, набегам и грабёжам, скопилось много богатств. Эта же группа, как экономически сильная, начинает господствовать над слабой беднотой.

Усилился процесс внутренней социальной дифференциации. Колонизаторская политика царизма уже серьезно начавшаяся с конца первой четверти XIX века, в свою очередь ускорила этот процесс, а отнюдь не задерживала, как это утверждает тов. Гатуев, который пишет, что «покорение Чечни царизмом означало ее превращение в первобытность, а не ускорение социальной дифференциации внутри ее»²⁾. Подобное утверждение — результат антимарксистского анализа экономики Чечни этого периода.

Недоразвившись до феодализма, после покорения царизмом, Чечня была вовлечена в орбиту влияния русского капитализма. Военно-клерикальное государство Шамиля, возникшее на основе развития туземного торгового капитала, укрепление мусульманской религии среди горцев, Чечни и Дагестана и их обороны от наступающего царизма пало, уступив место колониальному угнетению, грабежу и управлению чиновников русского самодержавия.

Однако, покорившись Чечню колонизаторы искали и нашли себе опору в лице национальных помещиков и торговой буржуазии, с которыми делили эксплуатацию трудящихся крестьянских масс Чечни, награждая особо выдающихся своих помощников земельными поместьями, форсировано, подготавливая из них кадры туземного дворянства, чиновников, полицейских и проч. дельцов.

Появление капитализма нанесло последний смертельный удар тайповому строю. Этого торжественного шествия «варварской цивилизации», шедшей законами своего дня, никто не мог остановить. «Родовой быт должен был исчезнуть... дальше он не мог идти», ибо почва из под ног была отнята и он был разрушен самым бесцеремонным образом. «Самые низкие инстинкты — подлая алчность, — писал Энгельс, — страсть к грубым наслаждениям, отвратительная скупость, разбойническое присвоение общественного имущества — сопровождают зарождение нового периода общественной жизни, цивилизацию, общественный строй, разделенный на классы; устой старого, не разделенного на классы, общества расшатывались самыми позорными средствами. Эти средства: воровство, насилие, хитрость, измена»³⁾.

1) Маркс. „Капитал“, т. 1, стр. 612.

2) Гатуев. „Зелим-Хан“, стр. 13.

3) Энгельс. „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, стр. 29-30.

«Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.—все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия... Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности и старинной патриархальной замкнутости,—создавал себе рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикатов пшеницы и табаку, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея»¹⁾. Такова классическая характеристика, данная Лениным о том, как развитие русского капитализма повлияло на исторические судьбы горских народов, в том числе и чеченцев.

Ставни колонией русского царизма, Чечня постепенно включалась в орбиту феодально-капиталистических отношений. Царизм создавал здесь свою политическую опору в лице национальной аристократии, а русский капитализм делал свое «историческое дело»: его проникновение в примитивную экономику горцев шло семимильными шагами. Остатки тайновой демократии уступили свое место зачаткам бюрократической, национальной аристократии.

Несмотря на сравнительно медленное развитие в чеченском ауле отношений, свойственных товарному земледелию и скотоводству и относительную устойчивость натуральных форм в сельском хозяйстве (особенно в горной полосе), — Чечня в конце XIX столетия успела выделить солидный слой деревенской и городской буржуазии, а трудящееся крестьянство — испытало зверские формы эксплуатации, свойственные более развитым, товарным отношениям в сельском хозяйстве.

V.

Патриархально-тайповый строй погиб. Низкие и совершенно неразвитые производительные силы, самое примитивное разделение труда «чистое естественного происхождения», как говорит Энгельс, которое имело место среди мужчин и женщин, малочисленность населения, с наличием свободной территории — вот на чем держался тайповый строй. Однако, материально-производительные силы общества росли. Этот рост производительных сил сильно восставал против производственных отношений, которые «из форм развития производительных сил... становился их оковами» (Маркс).

Рост новых производительных сил отрицал патриархально-тайповый строй. Но это отрицание его произошло не сразу. «Нравственное влияние и образ мыслей и воззрений, унаследованные от родового быта, еще долго жили», отчасти и сейчас достаточно сильно живут в чеченском ауле. О родовых воззрениях, об их живучести и силе Энгельс писал: «Если они, по

¹⁾ Ленин. Собр. соч., Т. III, стр. 487-488.

меньшей мере, в трех важнейших странах, в Германии, Северной Франции и Англии, сумели сберечь в феодальном государстве осколки настоящего родового строя в форме сельских общин (марка) и этим дали угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную сплоченность и средство сопротивления, каких в готовом виде не заставляли ни древние рабы, ни средневековые крепостные, — то чему следует приписать это, как не их варварскому, их свойственному исключительно варварскому периоду способу расселения по родам?»¹⁾

Чем объяснить, если не этим положением то обстоятельством, что власть стариков в семье, запрещение браков внутри тайпа, тайповые названия, сплошь территориальное расселение тайпов, кровная месть, тайповая сплоченность и другие, которые были неписаными законами тайпов при тайповом строе, в новых условиях, при совершенно иных социально-экономических отношениях, оставались надолго. Однако, они все сильнее изменялись и, оставаясь по форме тайповыми, по содержанию превращались в орудие угнетения господствующими классами народных масс.

Карл Маркс писал, что «традиции прошлых поколений кошмаром тяготеют над головами живых. Идеи, мысли, формы общественного сознания, раз возникнув под влиянием соответствующих общественных условий, приобретают некоторую относительную самостоятельность по отношению к бытию. Общественные условия существования классов могут коренным образом измениться, а идеи, явившиеся продуктом прежних общественных условий, продолжают существовать, препятствуя росту нового»²⁾.

Пережитки и остатки тайповых отношений, сохранившиеся ныне в чечено-ингушском ауле, являются серьезным оружием в руках чечено-ингушского кулачества.

Эти пережитки, «явившиеся продуктом прежних общественных условий, продолжают существовать, препятствуя росту нового». При помощи тайповых отношений кулачество поднимает знамя национализма и контрреволюции. Тхамата все еще имеет кое-какой авторитет, его слово быстро принимается на веру членом его тайпа и даже бедняком наиболее слабого тайпа. Пользуясь тайповым родством, он ставит своей задачей защитить себя от всяких нападков и несчастий, например, при зачислении в кулацкие списки, обложении твердыми заданиями по хлебу, мясу, финплатежам и т. д. Кровная месть еще кое-где делает свое черное дело, еще кое-кто позволяет себе просить и платить выкуп за невесту. Наша задача — разбить эти остатки, разоблачить их социальную сущность.

Наши годы — годы великого колхозного строительства, являются и годами коренной переделки социально-экономических отношений. Правильная ленинско-сталинская политика в национальном вопросе, четко сформулированная еще на X и XII съездах партии великим вождем народов тов. Ста-

¹⁾ Энгельс. «Происх. семьи, частной собственности и государства» стр. 157—158. Цитирую по изданию 1932 г., партиздат, Москва.

²⁾ «Большевик», 15/IX. 35 г. № 17, стр. 79.

линым, обеспечила невиданный рост экономики и культуры ранее угнетенных национальностей.

Чечено-Ингушетия добилась крупнейших успехов в социалистическом строительстве, в ликвидации хозяйственной и культурной отсталости. Эти успехи вызывают бешеное сопротивление кулачества и его агентуры, которые пытаются всеми мерами и способами сорвать мероприятия, проводимые партией и советской властью. Одним из таких орудий классового врага, — кулака и муллы, в борьбе против колхозного строя, является в условиях Чечено-Ингушетии — тайповщина. В тени тайповщины, под покровом тайповой вражды, классово-чуждые элементы и их агентура творят свои контрреволюционные дела, саботируют наши важнейшие мероприятия на селе. Политика тайповой вражды — это политика классового врага, против которой должна вестись самая решительная, ожесточенная и беспощадная борьба, борьба не на жизнь, а на смерть.

г. Грозный, 1934 г.

Очерк Аккинского (Ауховского) языка*).

Летом 1933 г. мною было произведено, по заданию Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита, обследование ауховского языка в Хасав-Юртовском районе Дагестанской АССР. Обследование имело целью определить отношение ауховского языка к чеченскому и ингушскому для разрешения вопроса о целесообразности создания для ауховцев самостоятельной письменности.

Ауховцы населяют в пределах Хасав-Юртовского района — пять аулов с отселками, а именно, Акташ-аух (P̄h̄ar̄č̄hoj āqq), Юрт-аух (Sirčə-jurt), Кишень-аух (Kieš ənie), Ванай-аух, (. *) и Ярыксу-аух (T̄hačəlq āqq). Из отселков некоторые довольно значительные, как, например, Минай-Тугай (Mini -Tuvghie); количество ауховцев простирается по данным справочника „Районированный Дагестан“ (административно-хозяйственное отделение Дагестанской ССР по новому районированию 1929 г., изданного в 1930 г. в г. Махач-Кале, Орг. Отделом ЦИК Дагестанской ССР) до 10.750 душ обоего пола. Ауховцы представляют собою народность, близко родственную чеченцам и ингушам. Древняя племенная территория ауховцев — это часть чеченского нагорья, входящая ныне в состав Галанчожского района Чечено-Ингушской Автономной области. Когда именно ауховцы выселились из своей родины и осели в теперешних местах, точно установить не представляется возможным. По преданиям ауховцев, это произошло в очень отдаленное время и с тех пор сменилось много поколений. Древнейшим селением ауховцев на новой территории был Юрт-аух, называемый по-ауховски „Sirčə-jurt“, что значит „старый, древний аул“.

Названия „Аух“ и „Ауховцы“ не является самоназванием. Сами себя ауховцы называют „Акки“ (āqqij), а свой язык — „аккинским“ (āqqij mott). Название „аух“ (Avux) дано им кумыками. Хотя оно и укоренилось в литературе и обыденной речи, мне кажется, все-таки, более правильным употребить выражения „аккинец“ „аккинский язык“, что я и буду делать в дальнейшем изложении.

*) К сожалению, за отсутствием в типографии соответствующего шрифта для обозначения долготы, краткости и различных вариантов гласных, здесь вводятся следующие начертания:

Долг.	Кратк.
а	— ə
ij	— i
uv	— u
ie(iee)	— e(ie)
ee (ä)	— e
uj	— ü
uo	— o
oo	— o

(Прим. редактора)

Проживая в течение долгого времени в тесном соседстве с кумыками, аккинцы (ауховцы) подвергались с их стороны сильному влиянию, что очень заметно в аккинском языке, лексика которого нестрит кумыцкими словами и выражениями. Взрослое мужское население обычно владеет кумыцкой речью, или, по крайней мере, понимает ее. Распространению кумыцкого языка способствовало преподавание на нем в аккинских школах, что имело место до 1932 года. До этого времени аккинцы обычно причислялись к кумыкам и подвергались, таким путем, систематической кумыкизации.

Чеченское влияние также довольно ощутительно в аккинской среде. Переход к чеченской речи осуществляется аккинцами без особых затруднений и передкость встретить аккинцев, чисто говорящих по-чеченски.

Материалы по аккинскому языку собраны мною, главным образом, в селении Кишень-аух (Kešnie), дополнен и проверен в селении Актан-аухе (Pħarəxoj-āqq) и Юрт-аухе (Širčə jurt). Основным моим осведомителем был житель селения Кишень-аух, Салим-Султан Гасаев—25-ти лет, грамотный по-русски и по-кумыцки.

Принимая за основание для сравнения чеченский язык, т. е. речь плоскостных чеченских районов, необходимо будет признать, что в звуковом отношении аккинский язык обнаруживает большое сходство с чеченским, чем с ингушским. Состав аккинских фонем количественно и качественно совпадает с чеченским. Однако, в аккинском наблюдается ряд звуковых явлений, которые, сближая его, с одной стороны, с ингушским, дают, с другой стороны, основание выделять его особо, в качестве самостоятельного диалектального целого, наряду с ингушским и чеченским. Из последующего изложения будет видно, о чем идет речь. Так как диалектологические работы в области „вейпахской“ языковой группы находятся еще только в зачаточном состоянии, нет возможности привлекать речевой материал нагорных чеченских районов, без чего, конечно, картина языковых связей и отношений будет неполной и, в некоторых своих пунктах, быть может, даже ошибочной. С этим, однако, приходится пока мириться и поэтому, отправными точками для суждения об аккинском языке будут только нормы чеченской и ингушской речи в той форме, которая отразилась в письменности.

Чеченско-аккинские сходства в особенности заметны в области вокализма. Все чеченские гласные представлены в аккинском и притом, за небольшими исключениями, в том же самом качественном и количественном облике. И, наоборот, типичные для ингушского языка звуки как, например, гласные „o₁“, „i^{*}“ в нем отсутствуют, заменяясь в том же порядке, как и в чеченском.

Из нелабиализованных задних гласных в аккинском, как и чеченском и ингушском, имеется только „a“. В коренных аккинских словах оно встречается только в первом слоге. Ингушское „a“, развивающееся при определенных условиях в конечной позиции, аккинскому не свойственно. В последнем этот звук устойчиво сохраняется и там, где ингушский язык переходит к огубленному заднему ряду: bal—инг. boal вишня, dazuv—инг. doazuv граница sabol—инг. šobol рысь, baxəṁ—инг., boaxəṁ хозяйство, baḡəṁ—инг. boaḡəṁ мера, barz—инг. boardz курган, намогильный холм, baluoz—

*) Здесь „i“—звук, напоминающий беглое русское „и“ (Ред.).

инг. *boaluoz* клей древесный, смола, *batmә*—инг. *boambi* хлопок, вата. То же наблюдается и в форме наст. вр. от некоторых глаголов: *so vaghә* прихожу (от *var, jar, dar, bar* приходит), *baghә* приходит (от *бахкаг* приходит), *бахкә* находится, (от *бахкәг* находится). Эта последняя черта сближает аккинский с надтеречным говором плоскогорного чеченского языка, где подобное произношение является нормой^{*)}, хотя наблюдается и в ряде других пунктов плоскогорной Чечни, как вариант обычной формы наст. вр. на „о“ долгое. В ингушском имеем в этих случаях „оа“: *voaghә, boaghә, boaxk*.

Задний лабиализованный ряд представлен тремя звуками. Здесь мы имеем „о“ двух видов: краткое (o), долгое (oo) и краткое „u“ (u).

В моих записях встречается только три случая появления „о“ краткого в закрытом слоге: *дохко-аlәг* раскаивается, *хорžә* выбираю, *тоstә* строгаю. Обычно же этот звук имеет место в открытом первом слоге именных и глагольных основ: *сорә* пена, *сhogә* хвост, *molә* пью, *loqә* играю, *сосә* останавливаюсь, *tosә* разбрасываю, *хõzә* слышу, *loxә* ищу, *loуә* разбираю (постройку), *mogә* могу, *холә* бываю, *vodә* беру.

„oo“ („о“ долгое) развивается обычно из коренного „а“. В глагольных формах от масдаров на „а“, а именно, в наст. вр. деисричастия и др. Этот звук приобрел морфологическое значение: *volә* выхожу (масд. *valәг*), *oordә* молочу, (масд. *ardәг*), *оохә* пашу, говорю (масд. *axәг*), *loogә* считаю (масд. *larәг*), *хооттә* спрашиваю (масд. *xattar*), *qoobә* питаю (масд. *qabәг*), и т. д. В ингушском в указанных случаях находим „оа“: *voal* выхожу, *oard* молочу, *оax* пашу, (но *jax* говорю,) *loagh* считаю, *xoatt* спрашиваю, *qoab* питаю.

Краткое „u“ отмечено мною как в первых слогах, так и в середине и в конце: *uddә* сюда, *cutte* туда, *duppoldag* печеное кукурузное зерно, *buqh* спина, *bux* дно, *šulk* пьявка, *čhug* кольцо, *biñә* сова, *urd* загон, пахотный участок, *urğ* нож, *urx* повод, вожжа, *juqh* середина, *uggur* наиболее, *indžu* вздорный, надоедливый, *šaršu* занавеска, *ughunә* этому (от *jerә*—этот), в косвенных падежах от местоимения „тот“ (*izә*, оно же—3-е лицо личн. местном.): *сunә, sungә, сuncә*, 2-е лицо лич. место. множ. числа *šu, šunә, šugә, šucә*. Следует заметить, что обычной в чеченском языке ассимиляции начального „ü“ гласному окончанию в аккивском не происходит: *urd—urdәš* (чеч. инг. *әrdәš*), *urx—urxәš* (чеч. *әrxәš*), *juqh—juqhәš* (чеч. *jәqqrәš*, и т. д.). В этом отношении аккинский обнаруживает сходство с ингушским.

Из гласных среднего ряда имеем в аккивском очень широко распространенный в чеч.-инг. речи звук среднего подъема „ә“. В этом качестве он отчетливее воспринимается в первом слоге, далее к концу слова он сильно редуцируется, напоминая акустически очень беглое русское „ы“. В этом отношении особенно показательны вторые закрытые слоги масдаров: *юvхәг* раздеть, *listәг* наматывать, *tiedәг* резать.

В бацбийском языке находим на место этого среднерядного звука краткое „а“. Такое же „а“ можно, впрочем, не редко слышать и в чеченской речи, где, например, отрицание звучит „сә“, в отличие от резко выраженного

^{*)} Такая норма свойственна для диалектов нагорья Чечни, нежели для надтеречного.—(Ред.).

ингушского „сэ,сi*“). В устной поэзии „э“ широко замещается кратким „а“. Все это указывает на то, что в „э“ мы имеем дело с ослаблением первоначального „а“, индифферентного в отношении количества.

Из гласных переднего нелабializedованного ряда отмечаем „i“, „e“, „e“, „ā“. Первый из них представляет собою звук обычного типа, близкий к русскому „и“: *dig* топор, *dirstə* уздечка, *džižəg* мясо, *həzə* вздорный надоедливый, *niʋəg* седло, *liʋəg* говорить, *diənd* с'езд. От русского „и“ аккинский звук отличается краткостью. Долгого „i“, мне кажется, в аккинском нет вовсе. Есть долгий дифтонг „i*“ (графическое „ij“). Ингушское более открытое и заднее „i“, слышное в словах „iz“ (он), „dirst“ узда, в аккинском, как уже указывалось, отсутствует.

„e“ отмечаем в словах: *dečək* дрова, *čənəg* подбородок, *xeiʋə* бывший. В начале слов оно мне не встретилось, ибо здесь, собственно, мы имеем дело с более напряженным звуком, произносимым с крепким приступом: *em-gəg* вторая жена, *eʋhəzə* бесцеремонный, развязный.

„ā“ требует для произношения наиболее широкого раствора рта из всех звуков переднего ряда: *āqə* дикий, *khātək* мальчик, *āxkə* лето. В открытых слогах этот звук переходит в долгий закрытый звук „e“, очень близкий к чеченскому долговому „ee“: *veegənə* сгорел, *eečək* железо. В ингушском „ā“ сохраняет свое качество независимо от характера слога.

Лабializedованный передний ряд представлен двумя фонемами: „ū“ и „ō“: *būrtəg* зерно, *hord* море. Характер их тот же, что и в чеченском. Приобретая в открытых слогах долготу, они вместе с тем, теряют в чистоте, звуча, как дифтонги „ūj“ „ee“ *tujdə* режу, *əiʋsə* говорю, *xūʋsə* меняю, *vūjxə* зову, *tōlə* побеждаю, *būjɾə* овраг, *būjsə* ночь.

„ie“ представляет собою закрытое „e“, распространенное во всех трех рассматриваемых языках гораздо шире, чем „e“: *bəčək* козел, *čənə* чистый, *viertə* бурка, войлок, *bičtə* пуговка, плетенная из шнура, *tierkə* качается, *qierstə* бродит, *hezə* болит. В открытых слогах этот звук выступает уже как дифтонг „ie“: *helə* ходит, *hepə* мелькает, *hešə* сочится, *tiešə* верит, *xietə* кажется, *tiebə* ползает.

Аккинский язык, как и чеченский, изобилует дифтонгами. В этом отношении оба они значительно превосходят ингушский. Если присоединить сюда многочисленные комбинаторные образования, можно будет смело сказать что с этой стороны „вейнахский“ вокализм представляет собою исключительное явление среди горских яфетических языков. Отличаясь многочисленностью, аккинские дифтонги характеризуются в то же время значительным разнообразием состава.

Дифтонги восходящие. Их четыре: *u*, *ie*, *oa*, *ō*. Привожу примеры в порядке перечисления: 1) *luom* лев, *suo* акт. пад. от местоимения *iz*, *izə* он, *suonə* мне, *huonə* тебе, *tuoləg* победить, *duoxəg* разломать, *duoxkəg* спрятать, продать, *quolləg* творить, *uozəg* тянуть.

Как видно из примеров, в открытых слогах дифтонг приобретает долготу и, вместе с тем, особую отчетливость (напряженность). Это, впрочем, относится ко всем, вообще, гласным. 2) *siesək* жена, *tiek* однако, но, даже, *ciətə* вишня, *chievəž* мн. ч. от *chi* кровь, *riemə* табуи, *miənt* пугови-

*) Здесь „i“—звук, напоминающий беглое русское „и“.— (Ред.)

ца, diegh телo, dielqhə-xəŋ голдeнь, sieldəŋ наместник, сарадар, yieser-пустить, hieqhəŋ уродиться, hiexəŋ наставлять, учить, tiedəŋ резать, qie-etəŋ понимать. 3) tōlə превосхожу, ōlləŋ стал, dōttəŋ напыл, vōžəŋ упал, vōləŋ двинулся, dōxəŋ сломался, sōcə comitativ от личн. местом, suo (so) я, sōcə (тоже от huo (ho) ты), txōgə ailativ от txuo (txo) мы, dōləŋ xijməŋ муж-чины. 4) Что касается дифтонга oa, то в моих записях имеется только два случая, а именно, в формах наречных от глаголов — aŋəŋ выхoдит и — əvəŋ гибнуть, пропадать: vo-ləššie в то время как выхoдил и в форме приименного причастия: voavəŋ'ŋ гибнущий. voavəvonə тот, который погибнет, а также в причастии самостоятельном, voavərg гибнущий. В произношении моего осведомителя звучал в этих случаях полный аналог ингушского звука „oa“, что, быть может, следует отнести за счет влияния ингушской языковой среды, ибо, как было сказано (стр. 4), Дасаев учился несколько месяцев в ингушской Совпартшколе в г. Орджоникидзе. Среди ингушей существует мнение, что аккинцы говорят „совсем по ингушски“. В этом одинаково уверены как те, кто лично общался с аккинцами, так и те, кто никогда не слышал их речи. Мнение это держится, главным образом, на некоторых характерных лексических и морфологических сходениях аккинского с ингушским. Фонетическая сторона далеко не представляет такого сходства и, например, рассматриваемый дифтонг, будучи очень типичным для ингушской речи, у аккинцев не получил такого же развития.

Дифтонги нисходящие: ō/ōi долгий, bōjsə ночь, bōjrə балка, овраг, dūjsə говорю, xūjsə меняю, пускаю, hūjšə тончу, tūjdə режу, tūjgə шью, vūjxə зову, ōjə недостаю, vūjlə смеюсь. Краткий „ū“ (в закрытых слогах): ghūrig тот, который пойдет, ghūd-lə пойдем, (ghūbbə, ghūgvə), hūddə повесем, „ow“ — show снап, cow рана, dow саетка, вражда, lowsəŋ просеивать, i-wzəŋ играть, quowsəŋ спорить, sowsəŋ распухнуть. Слоговой элемент егo иногда звучит близко к „e“, напоминая чеченский звук „ew“ yewdəŋ сжимать, y-wšəŋ жевать, „ew“: xewšəmb сели, leuweŋ играл, lewsəŋ просеивал, tewžəŋ лег, затиx, qhew ihəŋ прогремел, sewsəŋ распух. Это чистый чеченский дифтонг, в ингушском совершенно не встречающийся. Близок к нему „āw“, yāwdəŋ скал, yāwšəŋ сжевал. В исходе классной формы прошедшего совершенного развивается дифтонг „ŋw qe-denūw переселился, vōžənuw упал, ottənuw стал, vōssənuw спустился, qiestənuw победил, lietənuw подрался. Долгий дифтонг „ūw“ находим в следующих словах: duwləŋ напирать, duwzəŋ соединять, прицеплять, ūwsəŋ накачивать. Долгий дифтонг „ii“ (ij) chiŋ кровь, yijxəŋ зарычал, ijšəŋ нехватил, понадобился, vijləŋ засмеялся, dijqhəŋ разделил, xijtəŋ почувствовал, tijdəŋ порезал, tijšəŋ поверил, и, кроме того, в качестве составной части окончания той формы, которую Услар называл сослагательным наклонением (Услар—Чечен язык стр. 75, 79, 81) и которая в действительности является именным образованием, обозначающим процесс и место действия, соответствуя отчасти русскому отглагольному еуществительному на „ — ние“: liwjlə говорение (наст. вр.), lijnəvolijlə (то же в прошед. вр.) livərgvolijlə (то же в буд. вр.). В подобных же формах появляется дифтонг „oi“: ghoilə (от глагола əxəŋ ити), doilə, boilə, voilə, joilə, от глагола—əŋ делать, (toilə) от глагола—ələŋ дать, давать.

Приведенный перечень не исчерпывает всех дифтонгических явлений, развивающихся в комбинаторных условиях. Сопоставление диалектальных материалов вейнахского языка с данными бацбийского открывает возможность проследить процесс развития дифтонгизации, сопутствуемый смещением акцентных отношений (стабилизацией ударения на первом слоге) с той стороны аккинские формы представляют значительный внутренний процесс в ряде случаев архаическое звуковое оформление.

Носовой оттенок гласных наблюдается в аккинском в большей степени, чем в ингушском. Он проявляется иногда там, где его трудно было бы ожидать, как, например, в словах *vertəŋ* бурка, войлок, *betəŋ* пуговка из шурка, *varətəŋ* шея. Однако, я отметил в этих случаях нестойкий его характер. Формы так называемого „очевидно-прошедшего“ времени (*guʃ jə-xnə dzatə* по новейшей чеченской терминологии) повсюду записаны у меня с вазализацией конечного гласного: *miettəŋ* подумал, *töləŋ* победил, *xijcəŋ* переменил, и т. д. Вопрос однако требует исследования.

В области аккинского вокализма мы замечаем явления, отдаляющие его от ингушского и сближающие с чеченским. Редукция конечных гласных в аккинском не зашла так далеко, как в ингушском. В настоящее время конечная гласная, в ингушском повсюду отпавшая, обычно сохраняется: *ooxə* пашу (инг. *oax*), *qoobə* питаю (инг. *qoab*), *loocələv* ловлю (инг. *loac*), *hoostə* ласкаю (инг. *hoost*), *xoottə* спрашиваю (инг. *xoatt*), *kiedə* оплакиваю (инг. *kəd*), *liestə* махаю (инг. *liest*), *lietə* прилипаю (инг. *lət*), *tierkə* качаюсь (инг. *tierk*), *socə* остапаиваюсь (инг. *soc*), *uttə* становлюсь (инг. *ut*), *qullə* творю (инг. *quoll*), *xuttə* связываю, соединяю (инг. *xott*), *uxə* разламываюсь (инг. *-ox*), *ughə* водружаю (инг. *ogh*), *ghiértə* назираю (инг. *ghiert*), *tüdə* режу (инг. *tied*), *tuge* шью (инг. *tieg*), и т. д. В именах замечаем тоже: *cənə* покосное место (инг. *cən*), *chogə* хвост (инг. *chog*), *chəngə* пуп (инг. *chonk*), *čorə* пена (инг. *čor*), *dirstə* уздечка (инг. *dirst*).

Аккинский в некоторых случаях представляет как бы начальную точку звукового процесса, последующие стадии которого осуществлены на ингушском и чеченском. Благодаря этому, мы можем, например, сопоставить чечено-ингушский дифтонг „ie“ с аккинским комплексом „=ivə“: *qivəŋ* спеть, зреть, (инг. *qier*), *hivəŋ* мять (чеч.-инг. *hjer*), *dzivəŋ* проверять наблюдать (чеч.-инг. *dzler*), „=ivəŋ“ сеять (чеч.-инг. „=ier“). В ингушском сохранилась старая форма в выражении „*jivəŋ dər*“ пахать под зябь, *vivəŋ* убить (чеч.-инг. *vler*), *livəŋ* говорить (чеч. инг. *lier*), *divəztqə* восемьдесят (чеч.-инг. *dieztqə*). Тот же комплекс „=ivə“ принимает на чеч. инг. почве и другие облики; *nivəŋ* седло—инг. *nivr* и чеч. *nür*, *čivə* шопол—инг. *čij*—чеч. *čhuv*, *qivəŋ*, спеть, зреть переходит в чеч. в *qjəŋ*. Привожу еще примеры вариаций того же процесса: *gavəŋ* видеть (инг. *gar* чеч. *gər*), *gavəvələŋ* опоздать (инг. *goavələŋ* чеч. *gavələŋ*), *vavəŋ* пропадать, гибнуть (инг. *vovr* чеч. *var*), *xavəŋ* сесть, садиться (инг. *xar*, чеч. *xəər*), аккинское *chij* кровь, множ. числа *chievəš* дает чеч.-инг. *chieš*. Все эти примеры, а также сравнения с данными бацбийского языка показывают, что чечено-ингушские дифтонги развиваются чаще всего в результате исчезновения губных *w*, *b*, *p*.

Характерная для ингушского языка утрата лабиализованных дифтонгов и переход к нелабиализованным, от „ö“ к „ie“ и от „ü“ к „i“ в аккинском языке не развились. Вместо ингушского *bijšə* находим в аккинском (и в чеченском) *büjšə*, вместо инг. *biegə* балка овраг—акк. чеч. *bujgə*.

Сравнивая ряды чередования глагольных корневых гласных в трех данных языках, устанавливаем в этом отношении большую близость, но не полное тождество, аккинское с чеченским. Ингушской *bičə* соответствует аккинско-чеченская *a—o*: *valər—voolə* (инг. *valər—voal*) выхожу, инг. *uo—uo* (*tuoxər—tuxə*), в акк. соответствует *uo—uv—ü* (*tuoxər—tuvoxə*) бью, или *uo—ö*: *tuolər—tölə* побеждаю. Инг. *ə—ə* (*lätər—lät* приливаю) в акк. соответствует *ə—e*: (*lätər—letə*; вместо инг. *ie—ie* имеем в акк *ie—üj*: *xiecər—xüjčə* пускаю; вместо инг. *ov—ov* (*vovzər—vovz* узнаю) в акк. имеем *ow—ew*: *vowzər—vevzə*, вместо инг. *i—u*: *vigər—vug* веду (акк. имеем *i—ü* (*vigər—vügə*))

В противоположность чеченскому языку, в аккинском языке, как и в ингушском, не развилась процесс перехода „ü“ в „э“ формах мн. числа от односложных слов на „ü“: акк. инг. *uɣ—uɣəš* вожжа, повод (чеч. *əɣəš*), инг. акк. *urs—ursəš* нож (чеч. *ərsəš*), акк. *juqɣ—juqɣəš* середина (чеч. *ǰəqqəš*, инг. *ǰovqɣəš*), акк. *bux—buxəš* дно, основа (чеч. *bəxxəš*, инг. *bovxəməš*), акк. *buqɣk—buqɣəš* спина (чеч. *bəqqəš*, инг. *bovqɣəməš*) и т. д.

Отметим, наконец, в аккинском тождественную с чеченской огласовку некоторых масдаров: *chiɣər* визжать (инг. *chuvzər*), *lijčər* вынаться (инг. *luvčər*), *dijčər* говорить (инг. *duvcər*).

С о г л а с н ы е.

ч М. Г.

Состав аккинских согласных тот же, что и в чеченском языке. Ингушское „f“ в аккинском отсутствует. На его месте находим в аккинском или „v“ *viertəŋ* войлок, бурка (инг. *fertə*), *vartəŋ* шея (инг. *foart*), *vətt* аренда скота (инг. *foətt*), *vətə* барабан (инг. *iətə*), *vost* надрез уха у мелкого скота, тавро (инг. *fost*), или „h“ *hu* яйцо (инг. *fu*), *hons* добыча (инг. *fos*), *hord* море (инг. *ford*), или, наконец, „b“: *bietəŋ* пюговка, плетеная из шнура (инг. *fetəŋ*).

Из группы губных имеем в аккинском *v, w, p, b, ph, m*. Произношение их ни в чем не отличается от чеченского или ингушского. В конце слов или слогов имеем губно-губной „w“, образующий неслоговой второй элемент дифтонгов „ow“, „uw“, „ew“: *dow* вражда, *dazuw* граница, *ew-ħəzəŋ* развязный, наглый, *lijčənuw* выкупался, *šowzət* *ħə* сорок, *qowzətq-ħə* шестедеcят.

„l“ перед „n“ и „č“ веляризуется, очень напоминая велярное русское „л“: *vəlɣuw* вышел, *vəlčəħanə* с тех пор, как вышел*). „l“ не смягчается перед „g“, как это обычно бывает в ингушском: *volgə* (инг. *volgə*), нахождение, *ɔlgə* делание (инг. *dielgə*).

Звонкие парные аффрикаты—шипящая и свистящая „dž“ и „dz“ распространены мало, заменяясь соответственно простыми звуками „ž“ и „z“.

*) Веляризацию „l“ в рукописи автор обозначает всюду перечеркиванием соответствующего знака (Ред.)

что имеет место обычно в середине или в конце слов, в начальной же позиции аффрикаты сохраняются: dzivəg наблюдать, dzimijgə маленький (инг. dzyamigə), намогильный холм, курган barz (инг. boardz, бərz волн, daržəg распространяться (инг. dardžəg), ārzu (инг. ārdziŋ) оред.

Перед среднерядным „э“ аффрикаты „č“ не смягчаются: āčək железно, biečəq козел.

Глухое „rh“ заменено звонким „r“: larəg считать (чеч. ing. lərhəg), vər семь (чеч. инг. vorh), bər восемь (чеч. инг. barh).

В области консовантизма аккинскому языку свойственны некоторые своеобразные черты, выделяющие его особо:

а) „l“ перед заднеязычным хрипящим спирантом „x“ уступает место звуку „r“: bərx работа (чеч. инг. bolx), matx солнце (чеч. инг. matx), jərx шесть (чеч. инг. jəlx), hərxə впереди (чеч. инг. həlxə), airxəj унитанный, в „теле“ (от dirxə мясо). (инг. dilx, duix, чечен. dilx), lrxə редкий, неплотный (инг. piixə), liərxəg подсказывать (чеч. инг. leiərxə), viərxəg плакать (чеч. инг. vielxər), tərxəg портиться (чеч. инг. təlxər, hieixəg, бежать толпой (чеч. инг. hielxər), В бабийском имеем соответственно „tx“: botx работа, matx солнце.

б) В чеченском и ингушском встреча „l“ и „n“ заканчивается ассимиляцией, в ингушском—регрессивной; в чеченском—прогрессивной; в аккинском же этого не происходит: акк. vāpnə вышедший, xelnə бывший (чеч. vällə, xillə, инг. vāpnə, xinnə и т. д.).

С другой стороны, в аккинском находим чечено-ингушские ассимилированные формы: xeddə, xebbə (инг. xuddə, xubbə, чеч. xirdu, xirbu будет,) dijddə; bijbbə сделаю (инг. dieddə, biebbə, чеч. dijrdu, bijrbu), ijjddə, libbə, дам (инг. luddə, lubbə, чеч. lurdu, lurbu).

в) В аккинском имеем единственный пока в пределах „вейнахской“ языковой территории случай перебоя s/h акк. hiskəl (чеч. инг. siskəl чурек кукурузный).

Аккинский язык, подобно ингушскому, избегает сочетания „st“ в начале слов. Это осуществляется разными способами, или отпадает „t“: səg человек (инг. səg, чеч. stəg), sigəl небо. (инг. sigəl, чеч. stigəl), sievə женский (инг. sie, чеч. stien или же наращается облегчающая гласная: ustəm плод (инг. suom, чеч. stuom), ustda тесть (инг. ustda, чеч. stunda).

Переднеязычный звонкий спирант „j“ переходит в плавный „l“; ie... ie или-или, (чеч. инг. je. je).

Отметим в этой связи, что прилагательное „короткий“ по аккински звучит так же, как и в ингушском: ləeə вместо чеченских классных форм: jəsuŋ, doŋ, voŋ, bəsuŋ.

М о р ф о л о г и я

Система номинальной классификации в аккинском совершенно так же, что и в чеченском и ингушском. Звуковое качество классных показателей и число их во всех трех языках одинаково. Все же аккинский язык дает несколько новых вариантов конкретного осуществления классной системы, заслуживающих внимания. Так, например, в части расхождений по классной принадлежности имеем: *āxki* лето — к классу „j“, (в инг. (d), в чеч. „j“), *azzi* орел — к классу „d“ (в инг. „j“ в чеч. „j“). Констатируем случай бесклассной формы на месте обычной чеч.-инг. классной: *axəg* говорить (чеч. *baħəg* инг. *jaħəg*). Там, где чеченским классным формам *j-iegəg d-iegəg, b-iegəg*, падать, *j-oosun, d-oosun, b-oosun* короткий, соответствуют ингушские стабильные формы *l-iegəg* падать и *l-oasə* короткий, аккинский занимает двойственную позицию: глагол „падать“ оформляется по чеченскому образцу: „*ieegəg*“, прилагательное „короткий“ следует ингушский форме — „*l-oasə*“.

В образовании множественного числа, которое производится с помощью тех же формативов, что и в чеченском и ингушском языках, аккинские имена существительные представляют иногда своеобразные черты. Так, слово *siesək* жена (инг. *siesəg*) имеет во множ. ч. *siesəkəš* (инг. *istij*), *chij* кровь — мн. ч. *chieevəš* (чеч.-инг. *chijš*), *čug* кольцо — мн. ч. *čəgəgəš* (инг. *čovgəš*), *u* доля, часть — мн. ч. *daqhij* (но и *daqhənəš*, Инг. *doaqhaš*, чеч. *daqhoš*), *diegh* тело — мн. ч. *dieghəš*, (инг. *diéghəməš*, чеч. *doghməš*) *dow* сачетка для кукурузы — м. ч. *dowš*. Нарощение „п“ в окончаниях мн. ч. слов, оканчивающихся на гласную, являющееся в чеч. языке, в противоположность ингушскому, также знакомому с этим явлением, нормой, имеет повидимому характер нормы и в аккинском: *abə* халат, — мн. ч. *abənəš* (инг. *abaš*), *agə* колыбель — мн. ч. *agənəš* (инг. *agəš*), *aləšə* конь — мн. ч. *aləšnəš* (инг. *alčəš*), *čorghə* мельничный лоток — мн. ч. *čorghənəš*, *dzyogə* — общественная помощь, толока — м. ч. *dzyogəqəš būjra*, овраг, балка — мн. ч. *būjgənəš, čietə*, вишня — мн. ч. *čietənəš, bəldə* губа — мн. ч. *bəldənəš, buhə* сова — мн. ч. *buhənəš, chogə* хвост — мн. ч. *chogənəš* (инг. *chogəməš, chogərc*, чеч. *chogunəš*), *chəngə* пун — мн. ч. *chəngənəš, čorə* пена — мн. ч. *čorənəš* (инг. *čarəš*), *lōdə* пуговка, плетеная из шнура — мн. ч. *lōdənəš, daqhə* доля часть — мн. ч. *daqhənəš*, (инг. *doaqhoš*, чеч. *daqhoš*) *čarə* таз медный — мн. ч. *čarənəš*, (инг. *čaraš*), *bos* цвет — мн. ч. *besənəš*, (инг. *besaš*), и т. д.

Область склонения представляет собою зону существенных расхождений между чеченским и ингушским языками. Наиболее заметным пунктом здесь является форма дательного падежа мн. числа, оканчивающегося в чеченском на „пэ“, а в ингушском на „тэ“: чеч. govvrəšnə = ингуш. govvrəštə лошадям, чеч. ədəməšnə = ингуш. ədəməštə людям и т. д. Этот знак имеет безусловное значение, поскольку до сих пор не наблюдается ингушской формы за пределами собственно ингушской языковой территории. В аккинском языке констатируем полное господство чеченской нормы. В Adessiv-e („обращающий“ падеж по терминологии Услара) из двух наличных окончаний „gə“ и „ie“ в ингушском имеет решительное преобладание первое, а чеченском — второе: ингуш. paχəgə чеч. paχie к народу, к людям, ингуш. govvrəgə чеч. govvie к лошадям. Аккинскому и в этом случае следует чеченской норме.

Привожу несколько образцов аккинского склонения:

Nom.	paχ люди,	maχ цена	Pl. māχəš	voše — брат	Pl. vežərij
	народ				
Gen.	nāχə'ŋ'	māχe'ŋ'	māχij'ŋ'	vešij'ŋ'	vežərij'ŋ'
Dat.	paχəpə	māχəpə	māχəšnə	vešijənə	vežəršnə
Acc.	paχə	māχuo	māχəšə	vešəš, vešuo	vežəršə
Adess.	paχil	māχie	māχəškə	vešie	vežərškə

N.	b'rz волк.	Pl. berzəloj	da отец	Pl. dəj
G.	berzə'ŋ'	berzəloj'ŋ'	dā'ŋ'	dəj'ŋ'
D.	berzəpə	berzəlošənə	dānə	dəjšənə
A.	berzo	berzə ošə	das	dəjšə
Ad.	berzie	berzəloška	dāgə	dəjškə

N.	nanə марть	Pl. nanəj	buc трава	Pl. bācəš
G.	nānə'ŋ'	nanoj'ŋ'	bācə'ŋ'	bācij'ŋ'
D.	nannə	nanošnə	bācəpə	bācəšnə
A.	nanəs	nanošə	bāco	bācəšə
Ad.	nānie	nanoškə	bācie	bācəškə

N.	borc просо	Pl. bercəš	boxke подир.	Pl. boxkəgəš
G.	bercə'ŋ'	bercij'ŋ'	boxkə'ŋ'	boxkərij'ŋ'
D.	bercəpə	bercəšnə	boxkəpə	boxkərešnə
A.	berco	bercəšə	boxkəpə	boxkəgəšə
Ad.	bercie	bercəškə	boxkənie	boxkəgəškə

Как можно видеть из этих примеров, широко распространившееся в ингушском языке сокращение слогового состава дательного падежа ед. ч. в силу отпадения окончания „пэ“ и развития на его месте „а“ долгого — paχa, māχa, berza, berca, в аккинском совершенно не имеет места. Здесь также полная аналогия чеченскому языку.

Привожу образец склонения аккинского прилагательного и причастия сравнительно с ингушскими—чеченским: dikə (dikə verg) хороший и vaghərag приходящий.

Sing	Акк.	Чеч.	Инг.
Nom.	dikə (verg)	dikəniġ	᠘ᠠᠨᠢᠨᠠᠨᠢᠨᠠᠨᠢᠨᠠᠨᠢ
Gen.	dikəčə djkəčənə	dikəču'ŋ'	᠘ᠠᠨᠢᠨᠠᠨᠢᠨᠠᠨᠢᠨᠠᠨᠢ
Dat.	dikəčənə	dikəčunu	dikəčun
Akt.	dikəčo	dikəčuo	dikəčoa dikəčunna
Ades	dikəčungə	dikəčungə dikəčie	dikəčo dikəčungə

Plur	Акк.	Чеч.	Инг.
N	dikə berš	dikəniš	dikə bəraš
G	dikəčij'ŋ'	dikəčij'ŋ'	dikəčar
D.	dikəčšənə	dikəčušnə	dikəčarnə
A.	dikəčšə	dikəčušə	dikəčar
Ad.	dikəčəškə	dikəčuškə	dikəčargə

N.	Sing.	vaghərag	voaghə'g'
G.	vaghəčə'ŋ'	voaghəčun	
D.	vaghəčənə	voaghəčunna	
A.	vaghəčo	voaghəčo	
Ad.	vaghəčangə	voaghəčungə	

N.	Pl.	baghə'g'əš	boaghə'g'əš
G.	baghəčij'ŋ'	boaghəčar	
D.	baghəčšənə	boaghəčarnə	
A.	baghəčšə	boaghəčarnə	
Ad.	baghəčəškə	boaghəčargə	

Ингушское склонение прилагательных и причастий на „г“ существует как факультативная форма и в чеченском и в аккинском. Наоборот, чеч. аккинск. нормы ингушской речи совершенно чужды. Все это позволяет сделать заключение, что в области падежных образований ингушский язык стоит особняком от двух других.

Числительные количественные:

1 chə'	11. cɛ əitt	21 tqhā chə'	99-ivəztqhā tqhāsən
2 ši'	12. šiġtt	22 tqhā ši'	100 byā
3 Qo'	13. Qoġtt	101 byā chə'
4 -i'	14. -ivijtt	3᠑ tqhā i tt	100Q ezər
5 pxi'	15. pxijtt	39 tqhā tqhāsən	
6 jerx	16. jerxijtt	40 šovštqhə	
7 vər	17. vəriġtt	
8 bər	18. berijtt	59 sovztqhā tqhāsən	
9 is	19. tqhāsən	60 Qovztqhə	
10 itt	20. tqhə	80 -ivəztqhə	

Отметим здесь производные от числительного „четыре“: ivijtt четырнадцать и ivəzɬqə восемьдесят. В чеченоком имеем соответственные icittə, iezɬqə, в ингушском-ijttə и iezɬqə. Числительное „девятнадцать“ формируется по чеченскому образцу: tqhāsən (чеч. tqhiesnə инг. tqhiesə).

Числительные порядковые:

1-й çhaləghə	8-й bərləghə	19-й tqhās'ə'nəlghə
2-й šoləghə	9-й isləghə	20-й tqhaləghə
3-й Qooləghə	10-м ittəghə	40-й šovzɬqələghə
4-й lələghə	11-й çəjttləghə	60-й Qovzɬqələghə
5-й pxieləghə	12-й siittləghə	80-й ivəzɬqələghə
6-й jierxləghə	13-й Qojttələghə	100-й byaləghə
7-й vərəghə	14-й ivijttləghə	1000-й ezərləghə

Числительные кратные до четырех не отличаются от соответственных ингушских и чеченских по способу образования: çəɣxə одинарный, одиночный, единый; šəɣxə двойной, qəɣxə тройной. Дальнейшие формы образуются с помощью слова „ghatt“ класс (d), что означает „слей, ряд“: i'ghätt четверной, pxighätt пятерной, и т. д. (Ср. осет. „хатт“ — „раз“. Миллер, ос.—рус.—нем. слов. т. III стр. 1495).

„Однажды“, „дважды“ и т. п. передается в аккинском так же, как и в чеченском и ингушском: cəhə (1) šotzə (2), qozzə (3), iezz'ə' (4), pxiezz'ə' (5), jəɣəzz (6), vərəzz (7), bərəzz (8), ijsəzz (9), ittəzz (10) и т. д.

Числительные распределительные следуют чеченской норме: çəssə — по одному, šiššə — по 2, qoqqə — по 3, -i' = i' — по 4, pxipp — по 5, (инг. pxi — pxi), jəɣ = jəɣ — по 6, vər = vər — по 7, bər = bər — по 8, ijs = ijs — по 9, itt = itt по — 10.

Как видно из приведенных примеров, в образовании числительных аккинский сходится с чеченским, обнаруживая, наряду с этим, и своеобразные черты.

Местоимения личные следующие: so я, ho ты, iz'ə', i он, (tot), txo мы (эксклюзив), wəj мы (инклюзив), šu вы, iš, izəš они.

Склонение местоимений личных

Nom.	so	ho	iz'ə'	txuo	wəj.	šu	iš, izəš
Gen.	seŋ	heŋ	cunə	txen	wəiŋ	šuŋ	cārə
Dat.	suonə	huonə	cunə	txouonə	wəinə	šunə	cārənə
Act.	as	əh	cuo	oxə	wəi	əš	cār
Adess	səgə	qəgə	cungə	txəgə	wəjgə	šugə	cārgə
Alat	səgərə	həgərə	cungərə	txəgərə	wəjgərə	šugərə	cārgərə
Comit	səcə	həcə	cuncə	txəcə	wəjcə	šucə	cārcə
Iness	sox	hox	cunəx	txox	wəjx	sux	cārīx

В этом склонении к ингушской норме надо отнести: 1) сохранение дифтонга („uo“ в Dat от „so“, „ho“, „txo“. В чеч. языке имеем в этом

случае „uv“; 2) несмягченно „u“ в местоимениях 3-го лица; 3) „ə“ в Act от местоимен. 1-го лица, вместо чеч. „ə“.

По чеченской норме формируются: 1) род. п. от šu-šun. В Ингушском старое зубное „п“—примета род. п.—сохраняется. 2) Dat. от šu. Здесь имеем в акк., как и в чеч. краткий „u“, на месте которого в ингушском наблюдаем дифтонг „oa“: soanə. 3) Ast. от „ho“ —смягченно „h“, давшее в ингушском „y“: yə. В Act. от „šu“ на месте ингушского дифтонга „oa“ (oaš) сохраняется характерный для Act. протетический „ə“: əš—чеч. əšə. 4) Смягчение гласных в открытых и закрытых слогах: sōgə, txōgə, carə и т. п.

Склонение возвратных местоимений: (я сам... ты сама...)

Nom.	[so] sā	[ho] hā	iz'ə'sa	[txo] txəš	[wə] wəš	[šu] šəš	iš šeš
Gen.	səjŋ	həjŋ	šijŋ	txəjŋ	wəjŋ	šəjŋ	šəjŋ
Dat.	səjŋə	həjŋə	šijŋə	txəšəŋə	wəšəŋə	šəjŋə	šəjŋə
Act.	as šā	əh hā	ša	txəš	wəš	əš šəš	car šəš
Adess.	səjgə	həjgə	šijgə	txəškə	wəškə	šəjgə	šəjgə
Alat.	səjgərə	həjgərə	šlegərə	trəškərə	wəškərə	səjgərə	šəjgərə
Comit.	səjcə	həjcə	šijcə	txə'cə	wəscə	šəjcə	šə'cə
Iness.	səjx.	həjx	šijx	txəšx	wəšəx	səjx	šəjx

Здесь заслуживает внимание форма Актива да от первых двух лиц ед. числ. В чеч. инг. имеем соответственно: əsə əjsə и as ejsə, əhə и yə yəjxə. Dat „txəšəŋə“ и „wəšəŋə“ строится по чеченской норме, равно как и возвратная форма местоимения 3-го лица „ša“, косвенные падежи которого, однако следуют ингушской норме с дифтонгом „ij“, а не чеченской на „aj“.

Местоимения вопросительные „кто“ mələ и „что“ huŋ склоняются следующим образом:

Nom.	mələ	huŋ	Adess.	həngə	sienge
Gen.	hāŋə	šijŋə	Alat	həngərə	siengərə
Dat.	hənnə	siennə	Comit	həncə	siencə
Ast.	hə'ŋ'	šijno, sievə	Iness.	həŋ'ə'x	šijŋəx

Открытие начальные слоги в родительном падеже с долгим „a“ и Актив „hə'ŋ'“—суть явления, тесно связывающее аккинские формы с чеченскими. С другой стороны, форма Актива от „huŋ“—sievə, обычная в ингушском языке, в чеченском плоскостном не наблюдается.

Указательное местоимение jəgə этот, эта, это (около говорящего) в косвенных падежах заменяет глухой заднеязычный взрывной „q“ звонким заднеязычным спирантом „gh“: Gen.: ughunə (инг. uqun, чеч. qunŋ), Act: ughuo (инг. uqūo, чеч. quə), Gen. pl.: əgharij'ŋ' (инг. əqar, чеч. qeerŋ) Act.: əghar (инг. əqar чеч. qeerŋ) и т. д. Неизменяемая примерная форма этого местоимения, соответствующая ингушскому „uq“ и чеч. „qu“, будет „u“: u segə govr jəjŋə лошадь этого человека пропала (инг. uq segi, чеч. qu stegŋ).

Неопределенное местоимение *hāniex* „некто“ и *huniex* „чтото“, следует чеченской норме.

Наконец, вопросительное местоимение „который“ звучит в аккинском так: *mol,ə'xə*, Pl: *molxəgəš*, что существенно отличается от ингушских *mələghə*, Plur: *mələghəš*, совпадая с чеченским *mólxən*, Plur. *mólxəš*.

Склонение местоимения *mol,ə'xə* „который“:

	Sing	Plur
Nom.	<i>mol,ə'xə</i>	<i>molxəgəš</i>
Gen.	<i>molxəcun</i>	<i>molxəčl'ŋ'</i> или <i>molxəčšən</i>
Dat.	<i>molxəčunə</i>	<i>molxəčəšnnə</i>
Akt.	<i>molxəčuə</i>	<i>molxəčəšə</i>
Adess.	<i>molxəčungə</i>	<i>molxəčəškə</i>
Comit.	<i>molxəčuncə</i>	<i>molxəčəšqə</i>

Аккинская глагольная система характеризуется теми же признаками, какие свойственны чеченской и ингушской:

1) Чередование коренной гласной. С этим связано оформление двух основ, от которых образуются все формы глагола—основы настоящего времени, т. е. вообще незаконченного действия. Помимо этой функции, чередование гласных используется и для выражения многократности действия.

2) Чередование согласных корня выражает множественность субъектов действия или состояния: *lalləg* погонять (об одном), *laxkəg* погонять (о многих).

3) Суффиксирование. С помощью различных суффиксов оформляются многообразные глагольные образования: временные и модальные отношения, именные, наречные и местные формы.

4) Сложение. В соединении с глаголами „-əg“, делать, „-ələg“ давать и „-itəg“ оставлять образуются залоги: действительный, возвратный и повелительный.

5) Классная система. В аккинском нарастают классные показатели в подавляющем большинстве те же глаголы, что и в чеченском и ингушском.

Подавляющее большинство глаголов—двусложны. Односложных имеется не более полтора десятка. Масдары заключают в себе от одной до четырех согласных. Из записанных мною 190 глаголов 50 имеют одну согласную, 96—две, 40—3 и 2—четыре. Большая часть глаголов (115) начинаются с согласных. Из масдаров с гласным началом большая часть (61) нарушают классные показатели, не оформляющихся классно масдаров с гласным зачином очень мало (13) и они, вероятно, возникли в результате утраты начального согласного, гортанного, предположительно, типа. (ср. чеч. *yilləg* лежать инг. *illəg* (акк. *yatəg* дробить—чеч. инг. *atəg*, чеч. *hottəg* статья-инг. *ottəg*). Внутри глагольной основы допускают только определенные типы сочетаний согласных, скопление подряд трех попало мне только два раза, а именно

„rst“. В состав сочетаний,—оставляя в стороне геминированные звуки,—входят чаще всего соединения „r“ с твердослышными: g, k, x, злыми: t, d, свистящими и шипящими: s, z, š, ž, и аффрикатами: c, c'. В этих комбинациях „r“ повсюду занимает начальную позицию. Оно же входит в состав вышеупомянутого трехзначного сочетания „rst“. Отметку значительное распространение сочетаний „st“ и „xk“, Многочисленна группа глаголов — feminированными согласными, ll, tt, ss, и qq. Однако встречаемость каждого из звуков внутри всей группы весьма не равномерна. Первые два, одинаково часто встречающиеся, составляют 85 проц. группы. На ss и qq мне встретилось только два глагола.

Ряды чередований гласных в аккинских глагольных корнях следующее:

	Основа масдара	основа н. вр.	основа пр. вр.		
1	a	oo, ā	ā	lār—loor—lār xəd—xad=xād	считать оборваться
2	э	ie (e), o	ie (e)	lət, liet—liet səc—soc—siec	прилипать останавли- ваться
3	ie	ūl ie (e)	ij j ie (e)	ieš—ūjš—ijš ieqq—ieqq—ieqq hel—hel—lijl	недоставать прыгнуть ходить
4	i	ū, i	ō//ū, ij, i	ytt—yütt—yütt liv—liv—lij list—list—list =iž—=ūž—=iž	колоть говорить наматывать лечь
5	ij	ij j, i ij, ij	i	chiz—chiz—chiz dic—dūjc—dijc	визжать говорить
6	uo	u, uv	ō, ū	uoll—ull—ōll uoz—uvz—ōz =uox=uvx=ōx	повесить тянуть сломаться
7	ow	ew, ow	ew	tuol tōl tōl sows sews sews lowz lowz lewz	превозмоги распухнуть играть
8	uw	uvw	ūj	=uvwsw=uvwsw=ūjs	накачивать

Рассматривая эти примеры, находим формы, отсутствующие как в чеченском, так и в ингушском, а именно, огласовка „ū“ в основе н. вр. и „ie“ в основе пр. вр. в третьем ряду, и огласовка „ūj“ в основе пр. вр. в шестом ряду. Совпадение с чеченскими нормами находим в огласовке основы наст. вр. первого ряда, огласовки масдаров четвертого и пятого рядов и основ наст. вр. пятого, шестого и седьмого рядов на „ij“, „ūj“, „u“, „ō“, „ew“, а также всех вариантов основ пр. вр. шестого и седьмого рядов. С ингушским аккинским сходится в огласовке основы наст. вр. от масдаров на „ow“ (седьмой ряд).

Глагольные суффиксы следующие: „ə“, „ə'η“, „r'ə“, „l“, „š“, „l'“, „čə“, „r'g“, „llə“. С помощью первых трех образуются различные формы *verbi finiti* от каждой из основ. Основа неоконченного действия получает значение наст. вр. путем присоединения конечной огласовки „ə“, соответствующей чеченскому „u“ оохə говорю (чеч. *boox-u*), хӕсə-мъуӕгъ (чеч. *xəjə-u*), ulz-ə тыну (чеч. *uvz-u*) и т. п. Ингушский язык употребляет бесконечную огласовку почти полностью.

Суффикс „əη“ образует прошедшее недавнее совершенное, результативное в настоящем: *āl=ə'η* сказал, *slec=ə'η* остановился. Действие длится и прерывается как бы в момент самого рассказа. Если рассказчик был очевидцем события и его последствий, оформившихся в прошлом, употребляется — „очевидно-прошедшее“ время (*guš jəxnəη zamə*, по чеченской терминологии), оформляемое с помощью суффикса „rə“: *āl=ə=r'ə* сказал, *vāl-r* вышел.

Этот же суффикс, присоединяясь к основе и. вр., образует прошедшее несовершенное: *ool ə-rə* говорил, сказывал *vool ə-rə* выходил *hel ə-rə* ходил, хаживал.

Перечисленными образованиями исчерпываются все простые формы *verba finiti*. Сложные формы, как то: будущее и два прошедших, образуются с помощью вспомогательного глагола, присоединяющегося к суффиксам, представляющим собою варианты упомянутых согласных элементов „п“ и „r“. Об этих сложных формах — ниже.

Суффиксов образующих причастные формы, два. Один из них — „η“ или „пə“ образует причастие приименное (аттрибутивное, несамостоятельное) наст. и прош. время: *ool ə-gr* сказываемое: *āl-pə-rg* сказанное. Эти формы употребляются исключительно в атрибутивной функции.

Второй суффикс — „rg“ формирует причастие самостоятельное (субстантивное), которое ни в коем случае не может помещаться перед именем в качестве определения: *ool ə rg* сказанное. Это различие подчеркивается синтаксически: в то время как причастие приименное принимает для согласования с косвенными падежами определяемого имени окончание „čə“,

Причастие будущего времени — сложное. В образовании его участвуют соответствующие формы причастий от вспомогательного глагола: „əг“ „ierg“ и „onə“: *ārg=onə* то, что будет сказано, имеющее быть сказанным, *āp=ierg* то же (самост. форма).

Как видно из изложенного, суффиксы, с помощью которых образуются формы *verbi finiti* и причастные, суть одни и те же. Н. вр. есть в то же время и причастие приименное, прич. прим. пр. вр. может употребляться в значении прош. вр., как мы это видим в чеченском языке: *āl-lə* сказал, сказанное.

Суффиксы „čə“, „h“ и „həgə“ образуют формы с условным и со слогательным значением. Первый употребителен повсеместно в пределах „вейнахской“ языковой территории: *āl-čə* (от *aləg* сказать), *xəl-če* (от *xiləg* быть). Вторые же два совпадают с чеченскими „h“ и „həgə“: *al-ə-h* и *al-ə-həgə*. Соответственные ингушские формы *oal-ie* стоят особняком.

Наречный суффикс „š“ — общий “вайнахский”. С его помощью образуется деепричастие наст. вр. „ool=ə=š говоря, сказывая, die=š делая и т. п.

Суффикс e, ijə образует весьма интересную форму: ool-ijə, āl-n-ijə. Это, собственно, именное образование, поскольку оно включается в систему номинальной классификации. В этом качестве оно получает значение инфинитива (действие или состояние, представляемое предметом) и может быть весьма близко передано по русски отглагольным существительным на „ние“: liv=ijə говорение, l=ijle желание. Но оно не склоняется и не образует множественного числа. На этом кончаются его „именные“ свойства. Глагольность же его обнаруживается в его способности выражать временные отношения: ool=ijə сказание, сказывание (н. вр.), āl-n-ijle (то-же, по вр.), liv-ijə говорение (пр. вр. — li-j-n-ijə). Синтаксическая роль этого образования заключается в том, что оно образует в пределах аккинской и чеченской (а соответственная форма — в пределах ингушской) фразы ту ее часть, которая соответствует русским придаточным предложениям с „что“: suonə xiezə'n' əḡ iz ālnilə — я слышал (мне слышно), что ты сказал.

Аналогичная ингушская форма образуется с помощью окончания „lgə“, не чуждого и аккинской речи, как и показывают нижеследующие примеры: suo lij olə-ig-ienə ḡəžəl послушай, как он поет песню. li j ooləlgienə jədughəš bəgə boqqij пах песне (собств.: песни сказыванию) внимали старики.

В области классной системы любопытная бесклассная форма глагола „говорить“ axəḡ, в чеченском и ингушском, снабженного неизменным классным показателем — b-axəḡ (чеч.), j-axəḡ. инг.).

Подобно ингушскому аккинский язык образует форму прошедшего совершенного вр. путем наращивания классных показателей: lijlənu-w, lijləni-j, lijləp-d, lijləmb, (инг. lijnəw, lijnə—j, lijnə—b). Эта черта аккинского языка в особенности придает ему ингушский облик.

Для наглядного сравнения глагольных форм привожу спряжение глаголов „быть“ и „бывать“, а также „сказать“ сравнительно с ингушскими, чеченскими и бацбийскими формами:

	Акк.	Чеч.	Бцбб.	Инг.
1. Быть	масдар		отсутствует	
Настоящ. вр.				
утв. форма	və	vu	və*)	və
отриц. форма	vac	vac	co ve	vac
Прошед. время				
утв. ф.	vəgə	vəgə	varə	vəgə
отр. ф.	vacəḡ	vacəgə		vəcəgə
Услов. форма				
утв. ф.	vələḡ	vələḡ	vaḡe	vəlie
отр. ф.	vacəḡ	vacəḡ	co vaḡe	viccie
Желат. ф.	vəlar	vələḡar	vaḡer	vəlar

*) ə — краткому „a“ (Ред.).

Причастие

примени.	vopə	voluŋ	vaini	vola, vɔa vɔʔə vər, vərg
самоств.	viərg	vərig		
Дееприч.	voləš	voluš	vaš	ᠮᠣᠯᠠᠰ, ᠮᠣᠯᠤᠰ ᠸᠠᠨᠢᠨᠠᠭ
Отглагольн. нескл. имя				ᠸᠠᠨᠢᠨᠠᠭ
составит. ф.	volilə	vujlə	vale*)	volgə
Масдар				
„Бывать, стано- виться“	xələr	xilər	xilər	xilər
Настоящ. вр.	xolə	xūlu		xul
Прош. вр. нед.	xelə'ŋ'	xiliŋ	xiliŋ	(нет)
Прош. сов. очевид.	xelər	xilirə	xilər	xilər
Прошед. сов.	xenuw	xillə		xinnəv
Давнопрош.	xelnəwəgə	xillierə		xinnəvər
Прошед. несов.	xolər'ə'	xūlərə	xilenvar	xulər
Будущ. вр.	xəgvə	xŋrvu	xilu	xugvə
Повел. форма	xələ будь xələləh xələlš-je	xilə xilələh xilələš	xilə xilāl xilat	xilə xilələh xilələš
Услов. фор.	1. xələh 2. xelčə	xiləh xilčə	xiluh xilče	xuliee xilčə
Составит. ф.				
н. вр.	xələhərə	xiloħərə	xluħer	xulərie
пр. вр.	xelnəvələhərə	xillieħərə	xilnoħer	xinnəvələrie
Отглагольн. несклон. имя				
Причастие *	xulijlə	xūlijlə	xiluilā	xulgə
примени. н. вр.	xölə	xūluŋ		xulə
прош. вре.	xilnə	xillə	xileno	xinnə
будущ. вр.	xə'r'gvouə	xir vōluŋ	xiluin	xu'r'volə
Самочт. наст. буд.	xērg	xirig		xurg
прот.	xelnərg	xillərg		xinnərg
буд.	xəŋverg	xinverg		xugvərg
Дееприч.	xoləš	xūluš	xiluš	xuləš
местные. ф. н. вр.	xolčə'h'	xūlčə'h'		xulčə'h'
пр. вр.	xenčə'h'	xilləču'h'	xilenčoħ	xinnəčo'h'
б. вр.	xə'r'gvončə'h'	xirvolču'h'	xilčoħ	xu'r'gvončə'h'

*) В бацбийском здесь и ниже „l“ латеральное (Ред.).

Временные обороты

„Прежде чем“	xələləe	xilələiee	xillomci	xilələiee
„едва только“	mə-xellənie‘ə’	mə-xillə‘ə’	xilčəheč	mə-xiləni‘ə’
„с тех пор как“	xelčəhanə	xilčəhanə	xilčedooŋ	xilčəhanə

И з н а р е ч и й отмечаю только те, которые представляют какое-либо отличие от чеченских и ингушских. Udde означает „сюда“, „здесь“ (чеч. quzə, quzəh, инг. uqquzə), Cutt означает „туда“ и cuttəh — „там“, Чеч. инг. соответствия: cigə, cigəh. Последнее слово в форме „sigəh“ существует и в аккинском, где означает „здесь“.

Подводя итоги краткому очерку аккинского языка, следует указать прежде всего на большой интерес, который представляет собою некоторые его формы с точки зрения восстановления картины языкового развития на территории, так называемого „вейнахского“ языка. Сближаясь с некоторой стороны с бацбийским, аккинский язык восполняет до известной степени тот пробел, который замечается в области „вейнахской“ диалектологии и дает некоторую возможность судить о языковых взаимоотношениях в данной части Кавказа в более или менее отдаленном прошлом. Представляется крайне необходимым дальнейшее углубленное изучение этого очень интересного языка в связи с обследованием района „Лам-Акки“ (Галанчожский район Чеч.-Инг. Авт. Обл.), древней родины аккинцев.

Обращаясь к вопросу о создании аккинской письменности, надо признать наиболее целесообразным его решением распространение на аккинцев чеченской письменности, усвоение которой не представляет для аккинцев никаких трудностей. Имеющийся, в этом отношении, опыт говорит решительно за это. С течением времени, когда образуются, более или менее, широкие кадры активных работников в области национальной литературы и последний займет подобающее ей место в различных сферах местной жизни, аккинский язык, несомненно, послужит немаловажным источником обогащения и развития национальной литературного языка, каковым станет, очевидно, чеченский плоскостной язык.

О необходимости обозначения о, ъ, џ в ингушской письменности

Вопрос об общечеченской письменности имеет относительно большую давность.

Еще Услар в семидесятых годах прошлого столетия утверждал, что чеченская письменность должна быть общей для всех носителей чечено-ингушской языковой культуры. Все позднейшие исследователи этого языка—Дирр, Эркерт, Трубецкой, Яковлев, Генко, З. К. Мальсагов согласны с этой мыслью Услара.

З. К. Мальсагов в 1924 г. попытался поставить на реальную почву вопрос об общечеченской письменности и наметить пути создания ее (журнал „Горский вестник“ 1924 г. Владикавказ—Общечеченская письменность“).

Общий рост Чечено-Ингуши вплотную выдвинул вопрос о создании чечено-ингушского литературного языка практически, поэтому нужно совершенно ясно представить содержание его и пути осуществления всех мероприятий, связанных с ним.

Прежде всего, несомненно, что создать литературный язык, значит создать письменный язык, а поэтому алфавитные и орфографические вопросы являются самыми основными вопросами литературного языка. Установить единые обязательные для всех алфавит и орфографию—значит оформить письменный язык. Совершенно ясно, что алфавит и орфографические нормы должны быть разработаны на основе ведущего диалекта (плоскостного чеченского), но с обязательным учетом особенностей и других диалектов, в том числе и в первую очередь ингушского.

Таким образом, создание литературного языка не значит заставить всех говорить сразу по-новому, не так, как каждый привык говорить с детства, а значит ввести обязательные для всех нормы письма, на основе которых постепенно будут нивелироваться и сглаживаться диалектные различия произношений и вырабатываться литературное произношение. Вот почему чрезвычайно важно постепенно привести чеченскую и ингушскую письменность к единству.

Настоящая статья имеет целью указать на такие моменты расхождения между чеченской и ингушской орфографиями, которые не оправданы ингушскими диалектными особенностями, и тем самым мешают делу создания единого чечено-ингушского письменного языка.

Еще в 1920 г. З. К. Мальсагов составил ингушский алфавит на латинской основе. Это был первый латинизированный алфавит в Советской стране и он получил одобрение со стороны передовой советской общественности Горской Республики и Горского Наркомпроса, который рекомендовал всем горским народам взять его за основу алфавитов своих письменностей.

Ингуши приняли алфавит З. К. Мальсагова и 1-го мая 1923 г. вышел первый номер ингушской газеты „Сердало“. Так родилась ингушская письменность.

Чеченские же организации в силу специфических особенностей обстановки культурной работы в Чечне принуждены были в первые годы советизации Северного-Кавказа допустить применение арабского алфавита в чеченской письменности. Чечня приняла латинизированный алфавит с конца 1924 г. после упорной классовой борьбы вокруг него и после большой разъяснительной работы среди чеченского крестьянства.

Принятие различных основ для чеченского и ингушского алфавитов с самого начала возникновения оторвало их друг от друга и развитие чеченской и ингушской письменностей пошло без достаточного взаимного согласования, хотя с 1923 г. до объединения Чечни и Ингуши в единую автономную область (январь 1934 г.) неоднократно созывались совещания и конференции чеченских и ингушских работников с участием лингвистов краевых и центральных научных учреждений и организаций, и хотя еще в 1924 г. З. К. Мальсагов в статье „Единая чеченская письменность“ (журнал „Горский Вестник“ № 2, г. Орджоникидзе, 1924 г.), доказывал необходимость и возможность создания единой чечено-ингушской письменности (единого литературного языка), намечал пути реализации этой идеи, — практическое значение всего этого свелось только к постепенной унификации алфавитов, которая, к слову сказать, тоже осталась незавершенной до последних дней.

К моменту объединения Чеч. и Инг. областей в Чечне был принят следующий алфавит: а, ā, b, c, ch, č, čh, d, e, f, g, gh, h, i, j, k, kh, l, m, n, ŋ, o, õ, p, ph, q, qh, r, s, š, t, th, u, ū, ū, x, x̄, y, z, ž. Таким образом в чеченском алфавите 40 букв.

В Ингушии был принят алфавит, несколько отличный от чеченского. Приводим его: а, b, c, d, e, f, g, h, ħ, i, j, k, l, m, n, o, p, q, r, s, t, u, v, x, y, z, ā, č, š, ž, ch, gh, kh, ph, qh, th, čh. Всего 37 букв.

Сравнивая эти алфавиты, мы видим, что к моменту объединения областей они имели следующие расхождения:

1. Принятый рядок букв ингушского алфавита отличен от принятого в чеченском.

2. Задне-небный глухой спира́нт в чеченском алфавите изображался через букву „x̄“, а в ингушском через „ħ“.

3. Буквы „ŋ“ „õ“ „ū“ имеются в чеченском алфавите, но их нет в ингушском, поэтому в последнем всего 37 букв, тогда как в первом — 40 букв.

После объединения областей Чеч. Инг. директивные организации, обсудив вопрос о создании единого чечено-ингушского письменного (литературного) языка, дали четкие установки по этому вопросу. В частности, учитывая, что

единый алфавит / есть одна из основных предпосылок к созданию общего чечено-ингушского письменного языка и что ликвидация расхождений между чеченским и ингушским алфавитами является первоочередной задачей, был утвержден единый чечено-ингушский алфавит. Постановление Чеч. Инг. Обл. Исполкома о едином алфавите и самый алфавит были опубликованы в газете „Leninaŋ pieqŋ“ в № 867 от 14 апреля 1934 г. Приводим это постановление целиком: ●

О едином чечено-ингушском алфавите. Утвердить чечено-ингушский алфавит в следующем виде: Aa, Bb, Cc, Dd, Ee, Ff, Gg, Hh, Ĥĥ, Ii, Jj, Kk, Ll, Mm, Nn, Ŋŋ, Oo, Pp, Qq, Rr, Ss, Tt, Uu, Vv, Xx, Yy, Zz, Āā, Čč, Šš, Žž, Ch, Gh, Kh, Pn, Qh, Th, Ch, Ō, Ū.

Обязать сельскохозяйственные, кооперативные, профессиональные и все организации ввести этот алфавит.

Настоящее постановление опубликовать в газетах „Leninaŋ pieqŋ“, „Serdalo“ и „Грозненский Рабочий“.

Приведенное постановление Чеч. Инг. Исполкома должно было ликвидировать все расхождения между чеченским и ингушским алфавитами и привести их к единству. Но на деле, благодаря невыполнению некоторыми организациями этого постановления, получилось иное. Постановление Обл. Исполкома не приняли к руководству редакция ингушской газеты „Serdalo“ и Чеч. Инг. Нац. Издат., которые при печатании ингушских текстов упорно избегают букв „ŋ“, „ō“, „ū“.

Постановление Обл. Исполкома не принял к руководству Обл. ОНО, который допустил в чеченских и ингушских букварях различный порядок букв в алфавитах, и который утвердил ингушские учебники без означенных трех букв.

Таким образом, из отмеченных выше трех пунктов расхождений на сегодняшний день продолжают существовать расхождения, изложенные в 1-м и 3-м пунктах.

Расхождение 2-го пункта ликвидировано принятием вместо чеченского „x“, неудобного благодаря наличию в нем диакритического значка, ингушского „ĥ“.

Ликвидировать расхождение, изложенное в 1-м пункте, не представит никаких затруднений. Это должно сделать при переиздании букварей. Без твердо установленного обязательного для всех порядка расположения букв не может быть алфавита, а отсутствие алфавита или наличие нескольких алфавитов создают определенные неудобства в словарной работе, в нумерации по буквам, в составлении всевозможных списков и т. д. Так как легкость и необходимость ликвидации этого дефекта в алфавите очевидны, мы не будем возвращаться к этому вопросу.

Вопрос же о расхождениях по третьему пункту сложнее. Могут сказать: нельзя навязывать ингушскому диалекту те буквы, которые обозначают отсутствующие в этом диалекте звуки. Против этого спорить, конечно, не приходится, но дело в том, что те звуки, которые изображаются в чеченской письменности через „ŋ“, „ō“, „ū“, бытуют в ингушском диалекте, что и было учтено при вынесении решения Обл. Исполкома о „едином чечено-ингушском алфавите“.

Тогда чем же может быть объяснено игнорирование постановлений Областных директивных организаций? Мы не находим никаких оправданий этому странному факту.

На конференции по языковому строительству в Чеч. Инг. Области, происходившей в мае 1934 г., наряду с другими вопросами литературного языка обсуждались и вопросы, связанные с алфавитом. Особенно горячо дебатировался вопрос об „ѣ“, возражений же против букв „Ѡ“, „ѡ“ не было.

Многие из конференентов, преимущественно ингуши, соглашаясь с тем, что в чечено-ингушском языке (в частности и в ингушском диалекте) существуют носовые гласные, утверждали, что они (носовые гласные) не являются фонемами, что назализация в чеч. инг. языке весьма слабо выражена, поэтому в письме не следует обозначать носовых гласных.

Но такие утверждения встретила веские возражения, главным образом, со стороны чеченских товарищей, которые в свою очередь доказывали, что носовые гласные, по крайней мере, для чеченского диалекта являются фонемами, что в случае необозначений носовых гласных в письме не будут различаться следующие формы: прилагательные и наречия (dikaŋ stag—dika heŋ); инфинитив и повелительная форма глагола (biezam bu axaŋ—axa latta); причастие и прошедшее время (äxp η latta—as äxpη). Автор настоящих строк в свое время высказывался против сохранения „ѣ“ в чечено-ингушском алфавите, считая, что назализация в чечено-ингушском языке, особенно в вышеназванных формах слабая, что значение слова определяется не только его формой, но и тем контекстом речи, в котором оно стоит, поэтому смешение форм возможно только, как исключение. Областные организации своим решением о едином алфавите сделали излишней, больше того, вредной дискуссию о носовом „ѣ“. „Ѡ“ стоит в числе букв чеч. инг. алфавита и нельзя игнорировать ее.

В словаре З. К. Мальсагова (Ингушская грамматика с кратким ингушским словарем—г. Орджоникидзе, 1926 г.) встречаем ряд слов с конечными носовыми гласными:—|eŋ—легкий, |yueŋ—гнездо, buŋ—шалаш, chejŋ—святилища, cheŋ—красный, diŋ—верховой конь, iŋ—болезнь, aŋ—ревматизм и т. д.

З. К. Мальсагов в цитированном труде приводит слова, в которых носовые гласные не являются конечными: cheŋŋ—краснота voŋŋ—лурное качество. Нам известно еще двусложное слово в ингушском диалекте, в котором гласная первого слога носовое „Məiŋs r“. Но писать „ѣ“ в этих словах нет никакой нужды. То, что носовые гласные бытуют в ингушском диалекте, никем не оспаривалось. Теперь весь вопрос в том, где и когда писать „ѣ“. Нам кажется, что в именах существительных именительного падежа в конце, после назализованной гласной следует всегда писать „ѣ“—зубное. Таких существительных немного и запомнить их не составит особого труда.

В целях сближения ингушской орфографии к орфографии литературного языка следует принять правило—всегда писать „ѣ“:

а) в конце существительного родительного падежа, единственного и множественного чисел, оканчивающихся на гласный звук;

б) в конце имен прилагательных именительного падежа, единственного числа, но никогда не писать в наречиях;

в) в конце инфинитива, но не писать в повелительной форме глагола.

Повторяем, что перечисленные правила писания „ŋ“ не представляет сколько-нибудь существенных затруднений, а ингушскую письменность они значительно приблизят к письменности литературного языка. Вследствие того, что назализация в ингушском диалекте, как отмечается выше, вообще слабая, введение в алфавит „ŋ“ несколько не отразится на произношении слов, написанных с „ŋ“.

Считаем не лишним отметить, что буква „ŋ“ была в ингушском алфавите до 1926—27 года. Ингушская же терминологическая комиссия еще в 1933 году в целях сближения чеченской и ингушской письменностей предлагала писать „ŋ“ в конце имен существительных родительного падежа, тем самым она признала необходимость введения этой буквы и в ингушский алфавит. Постановление это было опубликовано в „Ингушском терминологическом сборнике“ № 2, г. Орджоникидзе, 1934 г., которое считаем нужным привести целиком:

Протокол № 5

Заседания Ингушской терминологической комиссии (по докладу орфографической комиссии).

Заседание состоялось 11-V 1933 года.

П о с т а н о в и л и: В целях упорядочения ингушской орфографии и сближения ее с чеченской, не внося в нее (в ингушскую орфографию) до издания стабильных учебников коренных изменений—признать необходимым немедленное введение для руководства следующих правил:

1) Родительный падеж единственного и множественного числа писать с немым „ŋ“: govraŋ, miliceŋ, ghalghajŋ, bešamijŋ и т. д. Окончание родительного падежа множественного числа установить следующее: „ijŋ“, „ajŋ“ (как наиболее встречающиеся)...

Еще больший интерес представляет согласованное с областными директивными организациями постановление ингушской терминологической комиссии, которым она утвердила клавиатуру для пишущих машинок с „ŋ“ „ö“, „ü“.

Таким образом, еще до объединения Чеч. и Инг. Областей, ингушская терминологическая комиссия признала необходимым в целях сближения чеченской и ингушской письменностей введение в ингушский алфавит „ŋ“, „ö“, „ü“. Сделать это теперь тем более необходимо, что все три соответствующих звука бытуют в ингушском диалекте. Эти буквы были в свое время в ингушском алфавите и изъятие их из него произвели работники б/ингушского Издательства самовольно, без достаточных оснований и без согласования с директивными и научными организациями Области.

В ингушском диалекте не мало слов с корневым „ö“, например: örgə—русский, özdı—вежливый, čhöž—ущелье, вижня часть лица, byörž—чувяк, kög—ястреб, kös—полоса скошенного хлеба или сена, görga—круглый, göttara—всегда, šöga—широкий, čöqi—черкеска, söle—аварец, pöghə—ногаец и т. д. „ö“ встречается в ряде географических названий:

Bošte, Chöle, Kökke, Köle, Öbane, Özme, Thövghe и т. д. Кроме того, часто в ингушском диалекте коренное „о“ в именах существительных при изменении их переходит в „ö“. Например: korta—(голова) в косвенных падежах будет—в родительном падеже—körtan, дательном—körta, активном—körtö; choka (кожа)—chökan, chöka (nna), chöka; fo (воздух)—föñ, föpna, föñö; žop (ответ)—žöpa, žöpa, žöpo и т. д. При этом коренное „о“ переходит в долгое „ö“, не следует смешивать перед твердыми „о“ в твердое „е“, например: borz (волк)—berza, berza, berzo; doš (слово)—deša, deša, dešo; dos (дрова)—jesa, deša, deso.

При образовании „gušjaxna zama“, „ħalxa jaxna zama“, „jaxna zama“, „xandešnañ sibat.oš“, „jaxnača zaman xanañ dešnañ kucdoš“ во всех несложных глаголах коренное „о“ „uo“ переходит в „ö“, например: ollar (повесить)—öllā—ar, öllar, öllara, öllā, öllāča;—ollar (взвунуть)—ossar (саукасться, опускаться)—ottar (нагрузить, складывать;—ožar (унасть), qossar (бросить) и т. д.

В таких словах в настоящее время вместо „ö“ принято писать „е“, что нельзя признать правильным ни с точки зрения фонетико-морфологического принципа построения орфографии, ни с точки зрения сближения чеченской и ингушской письменностей, т. е. с точки зрения единого литературного языка.

Звук „ü“ в ингушском диалекте не так часто встречается, как „ö“ или „ñ“.

Некоторые слова в ингушском диалекте произносятся двояко: üjče—ijče (коридор). üjthe—ijthe (часть двора у подъезда), üjla—ijla (мысль), üjg—ijg (союз), büjrkuc—bijrkuc (повелительное наклонение) и т. д. В произношении преобладает первая форма. Кроме того, в ингушском языке имеются заимствованные из русского языка термины: революция, резолюция, бюро, бюрократ, бюллетень, бюджет и т. д. Слова эти в настоящее время пишутся следующим образом: revoljuci, rezolluci, bjuro, bjurokrat, bjulleten, bjudžet. Это нельзя признать правильным. Подобные слова следует писать так, как они слышатся в живой речи: revolüci, rezolüci, büro, bürokrat, bülleten, büdžet.

Таким образом через „ü“ в ингушской письменности следует писать:
а) слова типа: üjla, üjtha, üjg,
б) все заимствованные из русского языка или через русский язык слова, в которых „ю“, берней „ü“, сочетается с предшествующей ей согласной.

В свете всех этих фактов неочаятна медлительность, которую проявляют Чеч.-Инг.Нац.И-во и Ингушская газета „Serdalo“ в введение этих 3-х букв в ингушскую письменность.

Чечено-Ингушская Область имеет определенные достижения в создании единого чечено-ингушского литературного языка.

Достижения эти следующие:
а) разработка четких директив по созданию единого чечено-ингушского литературного языка (постановление Чеч.Инг. Обкома ВКП(б), принятое еще в 1934 году „О едином чеч. инг. литературном языке“);

б) „Грамматика чечено-ингушского литературного языка“—Яндарова, Мадиева, Д. Мальсагова, Н. Мальсагова и А. Нажаева, г. Грозный, 1934 г.

Изд. Чеч. Инг. Нациздата. Грамматика эта представляет собой попытку разработать нормы и орфографию единого литературного языка;

в) составление словаря расхождений между чеченским и ингушским диалектами (словарь находится в рукописи);

г) составление единого чечено-ингушского словаря (словарь находится в рукописи).

На очереди вопросы:

а) разработка орфографии чечено-ингушского литературного языка;

б) составление словаря общественно-политических терминов, который должен быть обязательным и для ингушского диалекта.

По окончании и опубликовании орфографии литературного языка необходимо будет составить орфографию и для ингушского диалекта, поскольку переход на единый литературный язык ингушской начальной школы, газетой „Serdalo“ и массовой полит. просвет. литературой будет совершен не сразу. При разработке ингушской орфографии, конечно, нужно будет учитывать необходимость максимального приближения ингушской письменности к чеченской.

Не надо доказывать, что отсутствие единого обязательного и для ингушской письменности алфавита служит значительным препятствием к приближению ингушской орфографии к орфографии чеченской, а следовательно и препятствием к созданию единых норм чечено-ингушского письменного языка.

24/1-35 г., г. Ростов и/Д.

ქართული
ნაციონალური
ბიბლიოთეკა

